

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

23
ЧАСТЬ V
2022

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 23 (418) / 2022

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилон Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Паулу Фрейре* (1921–1997), бразильский психолог-педагог, теоретик педагогики, совершивший настоящий переворот в образовании не только в родной Бразилии, но и в ряде других стран Латинской Америки.

Паулу Фрейре родился в бразильском городе Ресифи. Когда Паулу было десять, его родители, чтобы хоть как-то свести концы с концами, решили переехать в менее дорогой городок Жабоатан-дус-Гуарарапис. Поэтому Паулу успел закончить всего четыре класса, на новом месте в школу он не ходил, зато почти всё своё свободное время проводил с мальчишками, играя во дворе в футбол. Через три года после переезда умер его отец, и семья оказалась на грани нищеты. Денег почти не было, Паулу с матерью жили впроголодь. Мальчик понял, что единственным выходом и шансом вырваться из бедности является образование. И он начал учиться.

Предметы не давались ему легко, поскольку он много пропустил, но его рвение учителя оценили.

В 1943 году Фрейре поступил на юридический факультет университета. Он много времени уделял изучению философии (в особенности феноменологии) и психологии языка, и после окончания университета стал учителем португальского языка в средней школе. Работал он главным образом с неграмотными бразильцами из самой низшей социальной прослойки. Фрейре сам вышел из бедных людей, поэтому прекрасно понимал, насколько важно для них иметь хотя бы элементарное образование. Кроме того, в то время в Бразилии грамотность была первым условием, которое давало право голоса на выборах.

В 1946 году Паулу Фрейре возглавил отдел образования и культуры социальной службы штата Пернамбуку, а в 1961 году был назначен директором департамента культурного развития Университета Ресифи.

В 1962 году он получил возможность применить свою теорию на практике: за 45 дней ему удалось обучить 300 неграмотных работников сахарных плантаций читать и писать. После такого успеха правительство, в частности президент страны Жуан Гуларт, дал добро, и в Бразилии начали создавать учебные кружки, которые стали работать по методике Паулу Фрейре. Уже в первый год их количество перевалило за тысячу.

Но система Фрейре в Бразилии просуществовала недолго. В 1964 году в стране произошёл военный переворот. Приверженец левых взглядов Гуларт был сброшен, а следом за ним были уничтожены и все его инициативы, в том числе методика Паулу Фрейре.

Паулу и самого на два месяца заключили в тюрьму, подозревая в симпатии коммунистическим партиям, ведь Фрейре никогда не скрывал, что поддерживал кубинскую революцию. После заключения ему намекнули, что в стране он персона нон-грата, и Фрейре вместе с женой и детьми эмигрировал в Боливию, затем в Чили. В этой стране он пять лет сотрудничал с местным правительством, которое придерживалось христианско-социалистических взглядов. Фрейре при поддержке ООН помогал проводить образовательные программы для чилийского аграрного сектора.

В своей философии педагогики он объединил классические подходы Платона, современную марксистскую критику и теорию борьбы с колониализмом. Подходы к педагогике Паулу Фрейре часто сравнивают с методикой Януша Корчака. Его самое известное высказывание: «Дело не в количестве прочитанных страниц, а в количестве вызванных ими мыслей».

В 1967 году Фрейре опубликовал свою первую книгу «Образование как практика освобождения», за которой последовала его самая известная книга «Педагогика угнетённых». После этого им заинтересовались в Гарварде, куда его пригласили преподавать в педагогической школе. Позже он перебрался в Швейцарию, где был специальным советником Всемирного совета церквей в вопросах образования.

В 1980 году Фрейре вернулся на родину. Он стал членом Партии трудящихся, где отвечал за программу по ликвидации неграмотности среди взрослых работников до 1986 года. Когда в 1988 году партия выиграла на выборах, Фрейре стал секретарём по вопросам образования в штате Сан-Паулу.

Паулу Фрейре скончался в 1997 году от сердечной недостаточности.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Иванов В. В.

О законодательном закреплении понятия «акт прокурорского реагирования» 275

Иванов Л. Л.

Антикоррупционная политика России: современное состояние и перспективы развития 277

Иванов Л. Л.

Совершенствование механизмов противодействия коррупции в органах государственной власти в условиях цифровизации 279

Кадрбирдин А. А.

Перспективы подачи заявления, сообщения о преступлении в электронном виде 280

Кислова А. А.

Особенности назначения и исполнения административного ареста 282

Королькова Д. А.

Совершенствование правового регулирования требований к кандидату на должность судьи военного суда Российской Федерации 284

Кортаев В. Н.

Международно-правовой статус Азово-Керченской акватории: исторический аспект 286

Котович К. А.

Способы защиты прав работников в условиях атипичной занятости на примере стран БРИКС 293

Кочкина М. М., Кочкин К. С.

Действие уголовного закона во времени 295

Кравцов Д. А., Голубева А. А.

Проблемы квалификации преступления, предусматривающего ответственность за развратные действия (статья 135 УК РФ) 297

Кузнецов А. С.

Совершенствование управления инвестиционной деятельностью муниципального образования 299

Куликов В. В.

К вопросу о допустимости установления законной неустойки посредством издания отдельным органом государственной власти подзаконного акта 301

Кустова Р. Б.

Имущественные права детей 303

Левковский В. А., Толстая Е. А.

Институт отвода судьи в гражданском процессе 305

Лукина О. А.

Классификация рисков деятельности коммерческих корпораций: правовой аспект 307

Матвеев П. А.

Соотношение домашнего ареста и запрета определенных действий (статьи 107 и 105.1 УПК РФ) 310

Мирзоян О. А., Камендатын А. О.

Особенности и виды дел упрощенного производства в гражданском процессе 312

Морковкина В. М.

Категория конституционно-правового статуса Правительства Российской Федерации: понятие и структура 314

Мухаметдинов Д. М.

Правовая природа соучастия в преступлении в уголовном праве России 316

Панченко Ю. Н.

Ответственность за нарушение законодательства в области розничной продажи алкогольной продукции 318

Папикян А. П. Полномочия судей как элемент правового статуса 321	Поварова В. В. Обстоятельства, подлежащие доказыванию в уголовном процессе 328
Перова А. А. Современная система правоохранительных органов 323	Погорелов И. В. Проблемы правового статуса субъекта выдачи органами прокуратуры для уголовного преследования или исполнения приговора.... 330
Пичугина А. А., Андрущенко А. В. Понятие субъекта преступления и его признаки..... 325	Полисин О. К. Прокурорский надзор в сфере предпринимательской деятельности 332
Плигина А. И. Проблемы правового регулирования статуса судьи военного суда 327	Пономарева Е. С. Вопросы правового закрепления страховой деятельности в Российской Федерации 334

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

О законодательном закреплении понятия «акт прокурорского реагирования»

Иванов Владимир Вячеславович, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье на основе анализа норм действующего законодательства и мнений ученых определяются существенные свойства (признаки) актов прокурорского реагирования. В числе основных выделяются свойства законности, обоснованности и мотивированности.

В качестве вывода предлагается авторское определение понятия «акт прокурорского реагирования» и обосновывается необходимость закрепления указанного понятия в Федеральном законе от 17.01.1992 N2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

Ключевые слова: акт прокурорского реагирования, акт прокурорского надзора, свойства (признаки) актов прокурорского реагирования.

On the issue of legislative consolidation of the definition of «the act of prosecutorial response»

Ivanov Vladimir Vyacheslavovich, student master's degree
Russian State University of Justice (Moscow)

Based on the analysis of the norms of the current legislation and the opinions of scientists, the article defines the essential properties (signs) of the acts of the prosecutor's response. Among the main properties of legality, validity and motivation stand out.

As a conclusion, the author's definition of the concept of «act of the prosecutor's response» is proposed and the need to consolidate this concept in the Federal Law of 17.01.1992 N2202-1 is substantiated «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation».

Keywords: act of prosecutor's response, act of prosecutor's supervision, properties (signs) of acts of prosecutorial response.

Анализ действующего законодательства показывает, что понятие «акт прокурорского реагирования» не нашло своего отражения в законодательных нормах. Вместе с тем, нормы, регламентирующие вопросы, связанные с полномочиями должностных лиц прокуратуры при осуществлении надзорной деятельности, виды актов прокурорского реагирования и требования, которые к ним предъявляются, содержатся в законах «О прокуратуре Российской Федерации», «О противодействии экстремистской деятельности» [1], «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [2], «Об общественных объединениях» [3], «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4], а также в некоторых процессуальных кодексах: ГПК РФ [5], АПК РФ [6], КоАП РФ [7].

При этом словосочетание «акт прокурорского реагирования» является понятием, которое широко распространено как в доктрине, так и на практике, и означает решение, принятое прокурором и закрепленное в особом документе, посредством которого проявляется его реакция на нарушения закона, обнаруженные путем использования правовых инструментов надзора.

Отсутствуют также законодательные определения большей части разновидностей актов прокурорского реагирования. Только лишь в приложении № 1 к пункту 1.3 Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации, утвержденной приказом Генерального прокурора РФ № 450 от 29.12. 2011 [8] есть список ключевых разновидностей информационно-справочных, организационно-распорядительных и иных документов, в котором даны, в частности, определения представления и протеста.

В исследованиях, которые посвящены теоретическим аспектам прокурорского надзора, активно дискутируется вопрос о том, как соотносятся понятия «акт прокурорского реагирования» и «акт прокурорского надзора». Как считает Е. Р. Ергашев, между ними установлено соотношение как между общим и частным. Акт надзора, по мнению ученого, представляет собой вид акта реагирования, и это аргументируется особенностями исторического процесса трансформации прокурорских полномочий в сфере надзора, точнее, их сокращения, а также появлением актов реагирования, не имеющих отношения к надзорной деятельности, к примеру, представлений на противозаконные акты судебных органов [10, с. 183]. Такую же

позицию занимает С. В. Филипенко, полагающий, что нет оснований для рассмотрения актов прокурорского реагирования и надзора как идентичных: первое из понятий гораздо шире второго, которое является его элементом [11, с. 53].

Но есть и другая точка зрения, которую представляют Е. Л. Никитин и Г. В. Дытченко. Они считают, что акты прокурорского надзора представляют собой вид индивидуальных (правоприменительных) правовых актов и включают в себя акты прокурорского реагирования [9, с. 50]. Нам представляется наиболее обоснованной последняя из приведенных точек зрения.

Исходя из этого, полагаем возможным выделить следующие свойства (признаки) данных актов:

— свойство обоснованности и законности, определяющее, что любой акт прокурорского реагирования должен иметь практическое основание для вынесения, соответствовать законодательным установлениям и не нарушать их;

— свойство государственно-властного характера, которое означает, что любой акт прокурорского реагирования издается прокурором как особым представителем государства, наблюдающим за состоянием законности в определенной сфере и которое имеет обязательный для исполнения характер;

— свойство оперативности как важнейшее свойство акта прокурорского реагирования, которое подразумевает четкие сроки внесения, рассмотрения, принятия мер и уведомление прокурора о результатах рассмотрения акта;

— свойство убедительности, указывающее, что акт прокурорского реагирования всегда должен быть «построен» на определенных доказательствах, которые лежат в его основе и по сути требуют его вынесение;

— свойство целесообразности свидетельствует, что тот или иной акт прокурорского реагирования должен быть применен исходя из сложившейся в индивидуальном случае практике обстановки нарушения законности и по своей сути каждый акт прокурорского реагирования имеет определенную целевую направленность;

— свойство структурированности подразумевает, что акты прокурорского реагирования характеризуются определенной структурой, где наличествует вводная часть, описательная часть и заключительная часть;

— свойство индивидуальности определяет, что любой акт прокурорского реагирования всегда обращен к определенному, строго установленному субъекту;

Подводя итог изложенному, отметим, что перечисленные признаки являются общими для всех актов прокурорского реагирования. При этом очевидно, что можно выделить и иные, дополнительные признаки, которые присущи определенному акту. В целом же, на наш взгляд, следует на уровне законодательной нормы раскрыть содержание понятия «акт прокурорского реагирования». С учетом этого, представляется, необходимым дополнить Раздел 2 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 №2202–1 статьей 20.2 следующего содержания: «Акт прокурорского реагирования — это письменный документ, выносимый прокурором и имеющий обязательный характер, применяемый в ходе реализации прокурором своих полномочий в надзорной и ненадзорной сфере деятельности по реагированию на выявленные нарушения закона и отвечающий требованиям законности, обоснованности и мотивированности».

Литература:

1. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 №114-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
2. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17.07.2009 №172-ФЗ (ред. от 11.10.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.
3. Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19.05.1995 №82-ФЗ (ред. от 30.12.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.
4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 №21-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
8. О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации: Приказ Генерального прокурора РФ от 29.12.2011 №450 (ред. от 27.05.2021 г.) // СПС «Консультант Плюс». Дата обращения: 30.09.2021 г.
9. Дытченко Г. В., Никитин Е. Л. Средства прокурорского реагирования (постановка и анализ проблемы, способы ее решения) // КриминалистЪ. 2009. № 1.
10. Ергашев Е. Р. К дискуссии о понятии, признаках, свойствах акта прокурорского реагирования // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 4.
11. Филипенко С. В. Признаки актов прокурорского реагирования // Российский юридический журнал. 2014. № 6.

Антикоррупционная политика России: современное состояние и перспективы развития

Иванов Леонид Леонидович, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Статья посвящена системному анализу современного состояния и перспектив развития отечественной антикоррупционной политики. Подчеркивается, что в условиях глобализации, когда коррупция приобретает транснациональный характер и представляет реальную угрозу национальной безопасности России, формирование эффективных мер противодействия ее проявлениям в целом и в органах государственной власти в особенности, становится одним из ключевых направлений отечественной государственной политики. Обращается внимание на то, что, несмотря на принимаемые государством меры по совершенствованию механизма противодействия коррупции, потребность в поиске новых оптимальных моделей реализации антикоррупционной политики по-прежнему является актуальной задачей, обуславливающей необходимость дальнейшего научного анализа затронутой проблемы. По результатам проведенного исследования предпринята попытка сформулировать научно обоснованные предложения, направленные на совершенствование антикоррупционной политики, реализуемой в форме антикоррупционного просвещения должностных лиц органов государственной власти и граждан.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционная политика, антикоррупционное законодательство, меры по борьбе с коррупцией, антикоррупционные мероприятия, Национальный план противодействия коррупции.

Russia's anti-corruption policy: current state and development prospects

The article is devoted to a systematic analysis of the current state and prospects for the development of domestic anti-corruption policy. It is emphasized that in the conditions of globalization, when corruption acquires a transnational character and poses a real threat to Russia's national security, the formation of effective measures to counteract its manifestations in general and in public authorities in particular, becomes one of the key directions of domestic public policy. Attention is drawn to the fact that, despite the measures taken by the state to improve the anti-corruption mechanism, the need to find new optimal models for the implementation of anti-corruption policy is still an urgent task, necessitating further scientific analysis of the problem raised. Based on the results of the study, an attempt has been made to formulate scientifically sound proposals aimed at improving the anti-corruption policy implemented in the form of anti-corruption education of government officials and citizens.

Keywords: corruption, anti-corruption, anti-corruption policy, anti-corruption legislation, anti-corruption measures, anti-corruption measures, National Anti-Corruption Plan.

В условиях глобализации коррупция, обретающая все большие масштабы во всем мире, обретает транснациональный характер и представляет угрозу национальной безопасности государств. Учитывая, что Россия ежегодно входит в число стран с высоким уровнем индекса восприятия коррупции, необходимость поиска новых оптимальных моделей реализации антикоррупционной политики по-прежнему является актуальной задачей, обуславливающей необходимость дальнейшего научного анализа затронутой проблемы.

Поскольку коррупция негативно влияет на сферы жизнедеятельности общества и государства, меры противодействия ей должны носить комплексный системный характер.

Как справедливо отмечает Н. А. Петухов, эффективная реализация задач, поставленных перед органами государственной власти Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», имеющих своим назначением развитие Российской Федерации, не представляется возможной без оптимальной организации и функционирования органов государственной власти, что обуславливает необходимость снижения существующего уровня коррупции» [2, с. 6].

Деструктивный характер коррупции в сфере государственной власти выражается в подрыве авторитета органов го-

сударственной власти, снижении степени доверия со стороны граждан к представителям органов государственной власти. Так, по данным социологического опроса, проведенного Аналитическим Центром «Левада-центр» (далее — «Левада-центр»), по мнению большинства россиян, «2020 год должен был ознаменоваться громкими коррупционными скандалами и отставками министров. Кроме того, более двух третей россиян (68%) считают получение взяток чиновниками и их аресты проявлением всеобщего разложения и коррумпированности власти и лишь 22% — единичными и нетипичными для страны явлениями» [3].

Данные приведенного социологического опроса свидетельствуют о том, что граждане выражают убежденность в коррумпированности представителей органов государственной власти и прогнозируют, что количество коррупционных скандалов с каждым годом будет неуклонно расти, либо сохраняться на прежнем высоком уровне. Приведенные обстоятельства свидетельствуют о том, что авторитет органов государственной власти подорван и чтобы, восстановить доверие к представителям органов государственной власти, потребуются немало усилий, направленных на формирование и реализацию эффективных мер противодействия коррупции.

Содержание государственной антикоррупционной политики образует комплекс мероприятий, реализуемых в разных

сферах жизнедеятельности государства и общества, в числе которых, особое значение отводится мероприятиям, направленным на предупреждение и пресечение коррупции в органах государственной власти.

В научной литературе справедливо высказывается мнение о том, что «одним из факторов эффективного противодействия коррупции является предупреждение причин и условий ее возникновения» [4, с. 71].

Таким образом, при формировании комплексных системных мер по реализации антикоррупционной политики государством должны разрабатываться мероприятия, направленные на выявление детерминации коррупции и ее предупреждение. Одним из ключевых направлений предупреждения коррупции выступает формирование у граждан устойчивой отрицательной позиции относительно всех форм коррупционных проявлений.

Обозначенное направление предупреждения коррупции приобретает особую актуальность в условиях нынешней ситуации, сложившейся в российском обществе. Так, по данным социологического опроса, проведенного «Левада-центром», «абсолютное большинство россиян (62%) осуждает взятки в целом, но считает допустимым блат, подарки учителям и вознаграждения врачам. Это мнение в обществе стабильно, хотя за последние 13 лет люди стали менее уверены в своем одобрении низовой коррупции» [3].

Принимая во внимание приведенные обстоятельства, представляется важным отметить, что одним из перспективных направлений современной отечественной антикоррупционной политики, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 29.06.2018 № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» выступает «совершенствование просветительских, образовательных и иных мероприятий, направленных на формирование антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих, популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов и развитие общественного правосознания (раздел 5)» [5].

Литература:

1. Голоманчук Э. В., Астафурова О. А., Омельченко Т. А. Антикоррупционное обучение государственных и муниципальных служащих как элемент цифровизации государственного управления // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2021. № 12. С. 284–290.
2. Петухов Н. А. Вступительная статья к сборнику научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Предупреждение коррупции в органах государственной власти Российской Федерации» // *Предупреждение коррупции в органах государственной власти Российской Федерации: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции* / под ред. Н. А. Петухова, Е. В. Рябцевой. Симферополь: ИТ «Ареал», 2020. 220 с.
3. Россияне ждут от 2020 года коррупционных скандалов и отставок в правительстве // «Левада Центр» Аналитический Центр Юрия Левады: сайт. URL: <https://www.levada.ru/2020/01/13/rossiyane-zhdut-ot-2020-goda-korrupcionnyh-skandalov-i-otstavok-v-pravitelstve/> (дата обращения: 02.06.2022).
4. Сутурин М. А. К вопросу о детерминации коррупции // *Предупреждение коррупции в органах государственной власти Российской Федерации: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции* / под ред. Н. А. Петухова, Е. В. Рябцевой. Симферополь: ИТ «Ареал», 2020. 220 с.
5. Указ Президента Российской Федерации от 29.06.2018 № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» // *СЗ РФ*. 2018. 02 июля. № 27. Ст. 4038.

Реализация обозначенного направления антикоррупционной политики приобретает особую актуальность в условиях глобальной цифровизации. Так, в настоящее время в научном мире исследуются и разрабатываются предложения по реализации антикоррупционного просвещения должностных лиц органов государственной власти как элемента цифровизации государственного управления [1, с. 285].

Представляется, что в условиях цифровизации, эффективной формой предупреждения коррупции в целом и в органах государственной власти, в частности, будет являться антикоррупционное просвещение посредством использования электронных памяток-приложений для должностных лиц органов государственной власти, а также для граждан.

Полагаем, что в силу мобильности, доступности для широкого круга пользователей подобные памятки будут востребованными и эффективными. В содержание подобных памяток целесообразно включать краткое изложение основных понятий, образующих содержание антикоррупционной политики, ссылки на нормативно-правовые акты, образующие правовую основу антикоррупционной политики, полезные ссылки на сайты органов государственной власти, к которым следует обращаться в случае возникновения коррупционных проявлений, с возможностью получения онлайн-консультаций и подачи электронных обращений.

Резюмируя вышеизложенное, следует подчеркнуть, что в целом современная национальная антикоррупционная политика оценивается нами как эффективная, но требующая поиска современных оптимальных моделей реализации, поскольку коррупция в современном обществе трансформируется и ставит перед государством и обществом новые вызовы, требующие адекватной реакции. Представляется, что в условиях современного цифрового общества обозначенное направление реализации национальной антикоррупционной политики является перспективным и требует дальнейшего углубленного научного анализа и технологической разработки.

Совершенствование механизмов противодействия коррупции в органах государственной власти в условиях цифровизации

Иванов Леонид Леонидович, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье проведен комплексный системный анализ влияния цифровизации на совершенствование механизмов противодействия коррупции в органах государственной власти Российской Федерации. Отмечается, что одним из безусловных преимуществ цифровизации является то, что внедрение новейших достижений в области IT-технологий в сферу государственного управления служит эффективным механизмом предупреждения коррупционных проявлений в органах государственной власти. Опираясь на мнения ученых, автор приходит к выводу, что цифровизация сферы государственного управления служит действенной мерой обеспечения высокого уровня открытости, прозрачности и беспристрастности государственного управления. Подчеркивается, что использование современных IT-технологий в деятельности органов государственной власти способствует выявлению коррупционных связей, схем и отношений, и, как следствие, повышает эффективность реализации государственной антикоррупционной политики.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционная политика, меры по борьбе с коррупцией, антикоррупционные мероприятия, цифровизация государственного управления.

Improving anti-corruption mechanisms in public authorities in the context of digitalization

The article provides a comprehensive system analysis of the impact of digitalization on the improvement of anti-corruption mechanisms in public authorities of the Russian Federation. It is noted that one of the unconditional advantages of digitalization is that the introduction of the latest achievements in the field of IT technologies in the field of public administration serves as an effective mechanism for preventing corruption in public authorities. Based on the opinions of scientists, the author comes to the conclusion that the digitalization of public administration serves as an effective measure to ensure a high level of openness, transparency and impartiality of public administration. It is emphasized that the use of modern IT technologies in the activities of public authorities contributes to the identification of corruption-related links, schemes and relationships, and, as a result, increases the effectiveness of the implementation of the state anti-corruption policy.

Keywords: corruption, anti-corruption, anti-corruption policy, anti-corruption measures, digitalization of public administration.

В условиях глобальной цифровизации, проникающей во все функциональные сферы реализации государственной политики, большие надежды возлагаются на перспективы использования IT-технологий в борьбе с коррупцией в органах государственной власти.

Как справедливо отметил В.В. Путин, «одним из безусловных преимуществ цифровизации является то, что внедрение новейших достижений в области IT-технологий в сферу государственного управления, служит эффективным механизмом предупреждения коррупционных проявлений в органах государственной власти» [7].

Позиция главы государства нашла поддержку и среди представителей бизнес-сообщества, в частности, глава Сбербанка Г. Греф подчеркнул, что цифровизация потенциально может выступать в качестве действенного механизма, который позволит искоренить коррупцию, поскольку IT-технологии позволяют повысить уровень прозрачности управленческой деятельности, а любое управленческое решение, размещенное в открытом доступе может быть подвергнуто экспертному анализу и объективной правовой оценке» [3].

На необходимость использования достижений цифровизации в качестве эффективной меры совершенствования механизмов борьбы с коррупцией обращают внимание и представители отечественной юридической доктрины. В частности, анализируемой

теме, посвящены исследования Н.А. Артамонова, С.А. Воронцова, А.Г. Кравченко, А.Ю. Мамычева и А.И. Овчинникова [1,2,4].

Представляется справедливой позиция С.А. Воронцова относительно того, что «использование достижений IT-технологий способствует внедрению в процессы государственного управления и осуществления публичного контроля ранее недоступных приемов и способов» [2, с. 47].

Использование цифровых технологий способствует минимизации личных контактов представителей государственной власти и граждан, обезличиванию публичных правоотношений, сменяемости должностных лиц при оказании государственных услуг или выполнении государственных функций, автоматизации процессов оформления документов, промежуточных решений и т.п.

В научной литературе отмечается, что «если ранее противники политики горизонтальной кадровой ротации придерживались мнения о неизбежном снижении эффективности деятельности представителей государственной власти, увеличении экономических издержек бюджета, то в условиях современной правовой действительности все чаще практика государственной службы применяет ротацию на основании ст. 60.1. Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 16.12.2019) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» как технологию противодействия коррупции» [5, с. 20].

Вместе с тем, как справедливо подчеркивает А.И. Овчинников, «примирение двух позиций относительно целесообразности ротации кадров в системе государственной власти как технологии противодействия коррупции потенциально может цифровая ротация по ряду должностей, где информационно-коммуникационные средства позволяют осуществлять госслужащим свои трудовые функции без потери их эффективности» [6, с. 159].

Развитие современных IT-технологий позволяет обеспечить прозрачность системной характеристики взаимодействия субъектов общественных отношений, что позволяет посредством массивов Big Data осуществлять антикоррупционный контроль за деятельностью должностных лиц органов государственной власти. Обозначенные инструментальные возможности IT-технологий позволяют из фрагментарных данных сформировать целостное представление относительно системной коррупционной деятельности должностных лиц органов государственной власти.

Литература:

1. Артамонов А. Н. Государственное управление: совершенствование механизмов противодействия коррупции // Право: история и современность. 2019. № 1. С. 72–78.
2. Воронцов С. А. О проблемах противодействия коррупции в современной России и возможных направлениях повышения эффективности антикоррупционной деятельности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1 (92). С. 46–49.
3. Грэф Г. Цифровизация — единственный способ борьбы с коррупцией. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/113176> (дата обращения: 02.06.2022).
4. Кравченко А. Г., Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Воронцов С. А. Использование цифровых технологий в сфере противодействия коррупции // Административное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 52–63.
5. Ноздрачев А. Ф. Институт ротации в системе государственной гражданской службы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 5–22.
6. Овчинников А. И. Противодействие коррупции в условиях цифровизации: возможности, перспективы, риски // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 158–170.
7. Путин В. В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 // Российская газета. № 46. 02.03.2018.

Перспективы подачи заявления, сообщения о преступлении в электронном виде

Кадрбирдин Артур Айдарович, студент
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В данной статье приводится правовой обзор ведения бумажного и электронного документооборота в уголовной сфере (современный этап и в перспективе). Также анализируются современные тенденции исследования существующего порядка подачи заявления, сообщения о преступлении в электронном виде. В статье также раскрыты проблемы, с которыми сталкивается законодатель при реализации электронного документооборота в уголовной сфере.

Ключевые слова: заявления, сообщения о преступлении, бумажный и электронный документооборот, уголовная сфера, законодатель, перспектива.

Prospects for filing applications, reports about a crime in electronic form

Kadrbirdin Artur Aydarovich, student
South Ural State University (Chelyabinsk)

This article provides a legal overview of paper and electronic document management in the criminal sphere (the current stage and in the future). It also analyzes current trends in the study of the existing procedure for filing an application, reporting a crime in electronic form.

The article also reveals the problems that the legislator faces in the implementation of electronic document management in the criminal sphere.

Keywords: statements, crime reports, paper and electronic document management, criminal sphere, legislator, perspective.

Все «сферы современного общества переживают активное внедрение информационных технологий, позволяющих ускорить транспортировку, хранение и использование большого количества разнотипной информации» [3, с. 191], необходимой для полноценного оптимального, а главное, эффективного производства в целом, процессов планирования и управления рациональными решениями. «Одним из последствий этого процесса является постепенное вытеснение старого бумажного обращения из экономической и деловой жизни» [3, с. 191]. Акты, написанные на бумаге, особенно когда на них стоят подписи и печати тех, кто их писал, доносились до наших мыслей с честностью и целостностью содержания. Но даже на национальном уровне обычные и часто используемые документы, такие как трудовые документы, больничные, документы о заработной плате, счета за различные электронные услуги, дублируются в электронном формате. Эти меры предосторожности принимаются изначально против утери, подделки и несанкционированного исправления, их также можно легко отправить по нескольким адресам и при необходимости распечатать на бумаге в необходимом количестве. Правовая система также реализует свою деятельность через призму электронного документооборота.

Уголовная сфера является особенной областью государственной деятельности. Процессуальные правила для данной деятельности: установление особых требований к представлению бланков документов (нормативно-правовых актов, протоколов, решений, постановлений и т.п.), являющихся материально-правовой основой уголовного судопроизводства. Во многих случаях эти документы должны также включать подписи свидетелей — посторонних лиц, случайных свидетелей и соответствующие протоколы проверки подлинности. Когда речь идет об уголовном процессе, здесь и далее имеется в виду его физическая основа, представляющая собой структурированную совокупность процессуальных документов, т.е. в особенности — письменные документы, представленные в бумажном формате. Уголовное правосудие существовало в этой форме на протяжении столетий и сегодня существует почти везде в мире. Однако современные электронные нововведения требуют необходимости аспектного пересмотра ведения документооборота в уголовной сфере, особенно в части подачи заявления, сообщения о преступлении в электронном виде. Все эти кардинальные изменения носят многоаспектный характер и являют собой возникновение казусных вопросов различной этиологии. Что такое электронное уголовное судопроизводство и зачем оно нужно? Какова его эффективность и какие перспективы?

Электронный способ подачи заявления, сообщения о преступлении в органы внутренних дел работает с 2010 года. Сейчас данный способ набирает особую популярность среди современных заявителей, однако необходимо соблюдение всех требований ведения электронного документооборота. Прием и регистрация происходят онлайн на официальном сайте МВД

Российской Федерации. На сайте необходимо выбрать вкладку «Прием обращений» в графе «Для граждан».

Отображается список отделов, с которыми заявитель может связаться. Пункты списка — это вопросы для каждой точки принятия решения. Заявитель внимательно читает и выбирает наиболее подходящий раздел. Затем он открывает вкладку «Правила», где отображаются приложения, и заявитель указывает свое согласие. После этого откроется вкладка службы «Прием заявок». Когда заполняется заявка, сайт автоматически собирает личную информацию. Заявитель соглашается с электронной процедурой.

У заявителя будет запрошена личная информация (имя и фамилия, адрес электронной почты, номер телефона). Если заявитель не даст согласие на обратную связь, он не получит ответа. Анонимные заявления могут остаться без внимания соответствующих государственных органов или структур — кроме случаев тяжких преступлений. Данные правила применяются как к физическим, так и к юридическим лицам.

На сайте можно зарегистрироваться на личный прием к конкретному сотруднику. Важно четко следовать предложенному алгоритму и восстановить всю версию событий поэтапно, в случае если дело расследовалось уже или является приоритетным. Необходимо более подробно изучить первоисточник, выяснить, что требовалось, и получить инструкции для дальнейшей проверки.

В приложение можно добавить документы, аудио/видео формата. Например, если жалоба, сообщение или заявление поданы повторно, важно, чтобы были включены результаты проверки после первого запроса, так как страницы заявления будут указывать на незаконную деятельность. Все заявления рассматриваются по месту обращения, а не по месту жительства заявителя. Текст не должен превышать 2000 символов. Если речь идет об уголовном правонарушении или преступлении, то в заявлении нужно указать время, дату и место действия. Далее предлагается нажать кнопку «Отправить» и ввести код для модерации роботом.

Такая процедура существует в настоящий момент. Одним из последних планов законодателя в данном случае является разработка и практическая апробация механизмов передачи и принятия указанных процессуальных документов с использованием электронных и иных цифровых технологий в уголовном процессе, что предлагает четкое закрепление на законодательном уровне, т.е. создание нового нормативно-правового акта. Факты отправки и получения документов планируется реализовывать без использования бумаги. При грамотной организации дела такая передача не позволит документу «потеряться» в пути, почти всегда на должное лицо будет возложена ответственность, а в случае «порчи» документ можно будет легко восстановить. Ещё одним поступательным и эффективным движением явилось принятие Федерального закона от 05.06.2020 № 87-ФЗ, которым в УПК РФ была введена статья 474.1 «По-

рядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве». С введением этой статьи стало возможным «подавать ходатайства, заявления, жалобы и представления в форме электронного документа, подписанного электронной подписью, посредством заполнения формы, размещенной на официальных сайтах» [1].

Однако в настоящий момент документооборот уголовной сферы характеризуется двойственностью, т.е. одни и те же заявления или сообщения о преступлении наличествуют и в бумажном, и в электронном формате. В перспективе у законодателя данное свойство уголовной сферы — устранить и перевести все бумажные документы в электронный формат.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 25.05.2022). — Текст: электронный.
2. Шереметьев И. И. Электронное уголовное дело: что это такое и пути его создания // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 10. — С. 81–90. (дата обращения: 25.05.2022). — Текст: электронный.
3. Сексенбаев, Курманбек. Информационные технологии в развитии современного информационного общества / Курманбек Сексенбаев, Б. К. Султанова, М. К. Кисина. // Молодой ученый. — 2015. — № 24 (104). — С. 191–194. — URL: <https://moluch.ru/archive/104/24209/> (дата обращения: 25.05.2022). — Текст: электронный.

Особенности назначения и исполнения административного ареста

Кислова Александра Алексеевна, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматриваются особенности назначения административного ареста, исследуются особенности рассмотрения административных дел по назначению административного ареста, а также отражаются нормы действующего законодательства.

Ключевые слова: административный арест, исполнение постановления, административное наказание, ограничение прав и свобод человека и гражданина.

Административный арест представляет собой вид административного наказания, который заключается в содержании правонарушителя в условиях изоляции от общества за совершение общественно-вредного противоправного деяния. В соответствии с системой административных наказаний, закрепленных законодателем в ст. 3.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ), административный арест является одним из самых строгих видов административных наказаний, которое должно причинять правонарушителю отрицательные последствия [1]. Административный арест представляет собой вид государственного принуждения, который обращается на личность правонарушителя, путем ограничения личных свобод такого субъекта [2].

Анализ материалов судебно-следственной практики, а также статистических данных, опубликованных судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, показывает, что административный арест с каждым годом приобретает все более широкое применение. Так, в 2021 году в России были подвергнуты административному аресту (за правонарушения,

Таким образом, постепенно — шаг за шагом уголовный документооборот приобретает электронный вид. Этот процесс не может быть ограничен несколькими объективными причинами, но также неразумно его искусственно убыстрять. Пандемия коронавируса также внесла серьезные коррективы в электронный документооборот, что априори требовало исключения или минимизации возможных контактов между людьми. Актуальной «задачей законодателя на сегодняшний день является развитие как уже имеющихся, так и нарождающихся элементов будущего электронного уголовного дела, определение их правовой природы и требований к их процессуальной форме, разработка понятия носителя такого дела» [2, с. 90].

предусмотренные КоАП РФ) 808 269 человек. В 2020 году таких арестованных было немного меньше — 776 902 человека [3].

Среди наиболее распространенных статей КоАП РФ, за нарушение которых правонарушителям были избраны меры в виде административного ареста, можно перечислить следующие: ст. 20.21 КоАП РФ (появление в общественном месте в состоянии опьянения) — 166 958 чел.; ст. 20.25 КоАП РФ (уклонение от исполнения административного наказания) — 162 621 чел.; ст. 19.24 КоАП РФ (уклонение осужденного за уголовное преступление от административного надзора) — 114 952 чел.; ст. 20.1 КоАП РФ (мелкое хулиганство) — 78 731 чел.

Вместе с этим следует констатировать, что несмотря на широкое использование правоприменителями такого вида административного наказания как административный арест, назначение и исполнение наказания в виде административного ареста связано с определенными проблемами.

Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» непосредственно определяет существенные условия механизма исполнения административного ареста [4]. Помещение административно арестованных

в тюрьму, колонию-поселение, исправительные колонии, согласно анализируемому нормативному правовому акту, не допускается. Некоторые особенности назначения и исполнения наказания в виде административного ареста регламентируются Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», которое разъясняет правоприменителям спорные аспекты исследуемого вида административного наказания [5].

Наряду с общими принципами и основаниями применения административного наказания, в КоАП РФ закрепляются и особенности назначения отдельных видов наказаний. Так, важные особенности закреплены в ч. 3 ст. 25.1, ч. 4 ст. 29.6 КоАП РФ, где определена необходимость присутствия лица, в отношении которого ведется производство по делу, а также ограничен срок рассмотрения дела. Так, важные особенности закреплены в ч. 3 ст. 25.1, ч. 4 ст. 29.6 КоАП РФ, где определена необходимость присутствия лица, в отношении которого ведется производство по делу, а также ограничен срок рассмотрения дела. Данные особенности назначения административных наказаний, связанные с необходимостью присутствия лица, а также соблюдения сроков производства по административному правонарушению, представляют собой также важные правовые гарантии для лиц, в отношении которых осуществляется производство по делу [6]. Вместе с этим, анализ судебной практики дает представление о том, что присутствие лица, в отношении которого ведется производство по делу, а также соблюдение сроков рассмотрения дела в своей совокупности представляются крайне проблематичными для правоприменителей. А. А. Куратов говорил об этой проблеме не один раз и отмечал, что судьи зачастую оказывались вынужденными возвращать протоколы, указывая на недопустимость рассмотрения дела ввиду отсутствия лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении [7]. Осуществление доставки в данной ситуации представлялось затруднительным и нецелесообразным, так как на практике он был неисполним ввиду отсутствия ряда полномочий у должностных лиц. Кроме того, осуществить обеспечение производства по делу необходимо в тот же день, когда судья получает материалы по делу об административном правонарушении. В данном случае продление сокращенных сроков рассмотрения дела недопустимо [8]. В этой связи подобные административные дела были затруднительны в осуществлении дальнейшего производства, что отрицательно влияло на общественный порядок и подрывало авторитет судебной системы. Таким образом, происходила постоянная передача из органов внутренних дел в суд документов до того момента, пока не истекли сроки давности привлечения к административной ответственности. В настоящее время Верховный Суд РФ указал на возможный способ разрешения обозначенной проблемы, путем возвращения административных протоколов на доработку для устранения недостатков [9].

В связи с внесенными в КоАП РФ изменениями, произошедшими в 2011 году, осуществление доставки лиц, подлежащих административному аресту, стало возможным благодаря тому, что обязанности доставки правонарушителей были возложены законодателем, в том числе, на Федеральную

службу судебных приставов (далее — ФССП) [10]. Вместе с этим, несмотря на появившуюся у судов возможность возлагать обязанности по доставлению лиц на ФССП, обозначенная выше проблема так и осталась не до конца урегулированной. Это связано с тем, что осуществление ФССП доставки не является гарантией рассмотрения дела об административном правонарушении в соответствии с установленными сроками. В этой связи, в юридической публицистике предлагается отдавать приоритетное значение не соблюдению требования о сроке рассмотрения дела об административном правонарушении, а в целом — решению задач законодательства об административных правонарушениях. Однако, как мы полагаем, вопрос соблюдения сроков производства по делам, связанным с назначением административного наказания, является одним из приоритетных в силу законодательно установленного принципа рассмотрения в кратчайшие сроки категории дел, что влекут за собой изоляцию физических лиц от общества.

Для разрешения проблемы, связанной с необходимостью присутствия лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в современной юридической публицистике предлагается «предоставить должностным лицам органов внутренних дел (полиции) право доставлять лиц, в отношении которых возбуждено дело об административном правонарушении, в суд, если рассмотрение дела без участия этих лиц невозможно» [11]. Полагаем, однако, что расширением полномочий органов внутренних дел обозначенная проблема не будет исчерпана. Как было указано ранее, возложение обязанности доставки лиц на органы ФССП, существенным образом не повлияло на порядок производства.

В научной литературе также обращается внимание на проблему, связанную с исполнением административного наказания в виде ареста: с одной стороны, согласно ст. 31.3 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении подлежит исполнению с момента вступления его в законную силу, с другой стороны — постановление об административном аресте должно быть исполнено органами внутренних дел немедленно после его вынесения (ст. 32.8 КоАП РФ). Как указывается современными учеными, положение ст. 32.8 КоАП РФ, содержащее требование о немедленном исполнении постановления, нарушает установленный Конституцией Российской Федерации принцип, в основе которого лежит положение о праве каждого на обжалование [12]. Полагаем, что в данном случае можно сослаться на ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, закрепляющую возможность ограничения прав граждан в целях защиты прав и свобод других лиц посредством норм федерального законодательства. В данном случае, подобное ограничение вполне обоснованно и справедливо, принимая во внимание точный срок рассмотрения жалобы на постановление об административном аресте (ч. 3 ст. 30.5 КоАП РФ) [13].

Таким образом, назначение и исполнение наказания в виде административного ареста сопряжено с рядом проблем законодательного, организационного и правоприменительного характера. Предложенные в настоящей научной работе подходы к решению обозначенных проблем представляются лишь возможными вариантами регулирования существующих противоречий и законодательных пробелов.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34661/ (Дата обращения 01.06.2022)
2. Равнюшкин А. В. Административный арест как вид административного наказания через призму концепции нового КоАП РФ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 4. С. 364–370.
3. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Судебная статистика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 31.05.2022).
4. Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 17. Ст. 2034.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 6.
6. Новиков А. В. Особенности и проблемы рассмотрения дел об административных правонарушениях, влекущих административный арест либо административное выдворение // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2015. № 4. С. 100–112.
7. Куратов А. А. Организация меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в виде принудительного привода // Административное право и процесс. 2011. № 6. С. 18–20.
8. Трофимова И. А., Федорова Т. В. Актуальные проблемы производства по делам об административных правонарушениях, предусматривающих санкцию в виде административного ареста // Гражданин и право. 2021. № 1. С. 12–16.
9. Постановление Верховного Суда РФ от 16 апреля 2014 г. № 7-АД13–8 // СПС Гарант. Документ опубликован не был
10. Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 225-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «Об исполнительном производстве» // Собрании законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (часть I). Ст. 4573.
11. Бакин И. Проблемы применения административного наказания в виде административного ареста // Законность. 2016. № 3. С. 51–52.
12. Изингер А. В. Особенности производства по делам об административных наказаниях, предусматривающих наказание в виде административного ареста // Юридическая наука и правоохранительная практика. Тюмень. 2017. № 2 (40). С. 50–58.
13. Вира К. В. Проблемы реализации некоторых видов административных наказаний // Молодой ученый. 2020. № 8 (298). С. 131–133.

Совершенствование правового регулирования требований к кандидату на должность судьи военного суда Российской Федерации

Королькова Дарья Александровна, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В данной статье автором на основании анализа норм действующего законодательства, а также трудов ученых в рассматриваемой сфере, исследуются отдельные особенности правового регулирования требований к кандидату на должность судьи военного суда Российской Федерации. По результатам проведенного исследования автор приходит к выводу о необходимости корректировки норм ст. 27 Федерального конституционного закона от 23.06.1999 N1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации».

Ключевые слова: кадровое обеспечение военных судов, назначение на должность судьи военного суда, военные суды, комплектование военных судов.

Improving the legal regulation of requirements for a candidate for the position of judge of the military court of the Russian Federation

In this article, the author, based on the analysis of the norms of the current legislation, as well as the works of scientists in the field under consideration, examines certain features of the legal regulation of requirements for a candidate for the post of judge of the military court of the Russian Federation. Based on the results of the study, the author comes to the conclusion that it is necessary to adjust the norms of Article 27 of the Federal Constitutional Law of 23.06.1999 N1-FKZ «On Military Courts of the Russian Federation».

Keywords: *staffing of military courts, appointment to the post of a judge of a military court, military courts, equipment of military courts.*

Основными задачами вооруженных сил государства являются непосредственная защита государства, его союзников, а также их интересов. Только при поддержании строгого воинского порядка и дисциплины, а также при надежной защите прав и свобод военнослужащих возможно выполнение вооруженными силами поставленных им задач. Выполнение задач по поддержанию установленных законом порядка и дисциплины в вооруженных силах возложено на военные суды, которые осуществляют судебную власть во всех воинских формированиях государства, а также за его пределами. Военные суды осуществляют правосудие наравне с остальными судами общей юрисдикции, при этом учитывая особый статус гражданина, являющимся военнослужащим, специфику службы в вооруженных силах и являются одним из основных органов по защите прав и свобод военнослужащих.

При этом, как известно, в настоящее время ст. 27 Федерального конституционного закона от 23.06.1999 N1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» [1], устанавливает требования к лицу, которое назначается на должность судьи военного суда. При этом, вплоть до настоящего времени продолжается дискуссия относительно предъявляемых требований к судье военного суда, которая в основном касается обязательности наличия офицерского звания и опыта военной службы у судьи военного суда. В целом же отметим, что в период 2019–2022 годов вопросам связанным с кадровым обеспечением военных судов уделяли внимание следующие авторы: Харитонов С. С. [2], Соколов А. П., Мишуткина Д. И. [3], Заярная А. А. [4] и другие авторы. Рассмотрев работы указанных исследователей, а также положения Федерального конституционного закона от 23.06.1999 N1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации», мы приходим к нижеследующим выводам.

Так, в соответствии со ст. 27 Федерального конституционного закона от 23.06.1999 N1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации», судьей военного суда может быть гражданин Российской Федерации, отвечающий требованиям, предъявляемым к кандидатам на должность судьи Законом РФ от 26.06.1992 N3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». Дополнительным условием является получение кандидатом на должность судьи военного суда положительного заключения Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. При этом преимущественным правом на назначение на должность судьи военного суда обладает военнослужащий, имеющий воинское звание офицера, а также гражданин, имеющий воинское звание офицера, пребывающий в запасе или находящийся в отставке

Таким образом, действующий механизм формирования военно-судебного корпуса не дает гарантий назначения на должность судьи военного суда кандидата, имеющего звание офицера, поскольку речь идет лишь о «преимущественном праве». Практика применения нового порядка назначения судей подвергается обоснованной критике, учеными и практикующими юристами раскрываются, в том числе, проблемы, возникающие при назначении на должности судей военных судов сугубо

гражданских лиц: профессиональные, морально-этические, психофизические. Мы разделяем мнение Н. Н. Веретенникова и высказанное им предложение о совершенствовании отбора кандидатов на должности судей военных судов путем внесения в ч. 2 ст. 27 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» и требования о наличии у кандидата воинского звания офицера и стажа службы на офицерских должностях [5].

Отдельного внимания заслуживают вопросы, характеризующие правовой статус кандидатов на должность судьи военного суда. Как мы неоднократно указывали, в соответствии с законоположениями, содержащимися в рамках ч. 2 ст. 27 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации», преимущественное право к занятию должности военного судьи имеют лица, которые являются военнослужащими. Также это касается граждан, которые официально находятся в военном запасе или в отставке с военной службы.

Вместе с тем, на наш взгляд, не совсем понятно, почему законодатель поставил в один ряд такие категории как «лицо являющееся действующим военнослужащим»; «военнослужащий который находится в военном запасе, или в отставке с военной службе». Иными словами, представим себе ситуацию, когда на должность судьи военного суда претендуют три лица: лицо являющееся действующим военнослужащим; лицо находящееся в запасе и лицо находящееся в отставке с военной службы. Формально у указанных лиц нет какого-либо приоритета друг перед другом в части занятия должности судьи военного суда, т.к. законодатель в рамках ч. 2 ст. 27 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» ставит знак равенства в приоритетном праве на занятие должности военного судьи между данными категориями лиц. Однако, насколько данные правила действенны? Ведь совершенно очевидно, что ключевым назначением данной нормы является то, чтобы должность военного судьи заняло лицо, которое имеет опыт военно-служебных отношений и понимает «изнутри» военную сферу государства, что является необходимым условием действенного осуществления военного правосудия. Но вместе с тем, если лицо являющееся действующим военнослужащим действительно обладает актуальными познаниями в рассматриваемой области, то военнослужащий, который находится в военном запасе, или в отставке с военной службе, может не обладать актуальными познаниями в рассматриваемой области, по той причине, что его военная служба могла закончиться много лет назад. При этом надо понимать, что военная сфера сегодня развивается стремительно, информационно-телекоммуникационный прогресс существенным образом меняет облик, внутреннюю структуру и систему Вооруженных сил Российской Федерации и иных воинских формирований, военно-служебные отношения находятся в постоянном развитии, и то, что было актуально еще десять-двадцать лет назад, может быть не актуальным сегодня. В виду указанного обстоятельства считаем, что безусловным приоритетом на

заявление должности судьи военного суда должно обладать лицом, находящееся в настоящий момент на военной службе, тогда как лицо находящееся в запасе и лицо находящееся в отставке с военной службы должно иметь некий «вторичный приоритет».

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что в настоящее время необходимо скорректировать законоположения содержащиеся в рамках ч. 2 ст. 27 Федерального конституционного закона от 23.06.1999 N1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации», изложив их в следующей редакции: «Пре-

имущественным правом на назначение на должность судьи военного суда обладает военнослужащий, имеющий воинское звание офицера, а также гражданин, имеющий воинское звание офицера, пребывающий в запасе или находящийся в отставке. В случае, если на замещение должности судьи военного суда претендует действующий военнослужащий и гражданин, пребывающий в запасе или находящийся в отставке, то приоритетным правом на замещение должности судьи военного суда обладает действующий военнослужащий».

Литература:

1. О военных судах Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 23.06.1999 N1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3170.
2. Харитонов С. С. Об оправданности требований к образовательному цензу для кандидата на должность военного судьи // Право в Вооруженных Силах. 2019. N2. С. 33–37.
3. Соколов А. П., Мишуткина Д. И. Правовой статус судьи военного суда // Вестник военного права. 2021. № 2. С. 88–92.
4. Заярная А. А. Особенности правового статуса военных судей в Российской Федерации // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. Сборник научных статей по итогам работы круглого стола № 11 со все-российским и международным участием. Шахты, 2021. С. 16–19.
5. Веретенников Н. Н. Статус судьи военного суда в условиях мирного и военного положения: проблемы становления и перспективы развития // Российский судья. 2016. № 1. С. 27.

Международно-правовой статус Азово-Керченской акватории: исторический аспект

Коротаев Владимир Николаевич, студент магистратуры
Севастопольский государственный университет

Целью данной статьи является определение международно-правового статуса Азово-Керченской акватории на основании действующих международно-правовых актов, с учетом физико-географических характеристик и исторического аспекта, для предупреждения и правильного разрешения морских споров с участием Российской Федерации.

Вопрос является актуальным в связи с произошедшими за последнее время геополитическими изменениями и значительным укреплением позиций Российской Федерации на международной арене, стремлением ряда ведущих мировых держав любыми способами ослабить Россию, бросить ей вызов.

Азовское море — внутреннее море двух государств: России и Украины. Море находится на востоке Европы, в глубине континента, при этом относится к бассейну Атлантического океана, с которым соединено посредством целой системы проливов и морей, ближайшее из которых Чёрное. Помимо того, что Азовское море находится в глубине континента и одно из самых удаленных от океана, оно еще самое мелкое море в мире, глубина его не превышает 15 м, средняя глубина всего около 8 м. Длина моря наибольшая не превышает 380 км, ширина 230 км, площадь около 38000 км².

Керченский пролив (ранее Еникалийский, в древности греч. — Боспор Киммерийский) — пролив, принадлежащий акватории Азовского моря, связывает Азовское море с Черным и является единственным выходом из Азовского моря в сторону океана. Западным берегом пролива является Керченский полуостров, а восточным Таманский полуостров. Длина пролива составляет 22 мили (40,7 км) по другим данным около 45 км, ширина от 4,5 до 15 км, наибольшая глубина 18 м. Керченский

пролив является судоходным проливом, ежегодно по нему проходит до 9 тысяч различных судов и кораблей, т.е. 30–40 в день, а иногда 50 и выше. С целью большего удобства коммерческого мореплавания в период с 1874 по 1877 годы был создан Керчь-Еникальский канал (КЕК). Максимальная глубина канала на момент его создания составляла 5,7 м. В 1969–1970 годах проведены работы по расширению канала до 120 м, дноуглублению до 9–9,75 м и увеличению радиуса закругления поворотов, для прохода любых самых крупных на то время советских судов. Общая длина канала составляет 18,9 мили (35 км) по другим источникам указывается — 24,3 км. Паспортная глубина канала 9,35 м.

Важным вопросом при рассмотрении международно-правового статуса Азово-Керченской акватории является вопрос строительства транспортного перехода через Керченский пролив. Впервые идея создания такого перехода была реализована немецким командованием в период оккупации Крыма во время Великой Отечественной войны. Так, в мае-июне 1942 г.

всего за 23 дня ими была построена грузовая канатная дорога. Общая протяженность грузовой канатной дороги составила около 4,5 км. Плановый объем перевалки груза до 1000 тонн грузов в сутки. Канатная дорога действовала немногим больше года, и в ходе отступления немецко-фашистских войск с Кубани в Крым в начале октября 1943 г. была разрушена. В феврале 1944 г. уже заработала грузовая канатная дорога, построенная для снабжения советских войск. Протяженность канатной дороги составила 5,1 км. Суточный объем перевалки грузов составлял около 300 тонн. Весной 1944 г. канатная дорога была разобрана. За четыре месяца был построен Керченский железнодорожный мост, который был введен в эксплуатацию к 7 ноября 1944 г., но уже в феврале 1945 г., ввиду несоблюдения мер противоледовой защиты опор был почти полностью разрушен ледоходом. В дальнейшем от восстановления, либо строительства нового моста отказались по финансово-экономическим соображениям и довольствовались круглосуточной паромной переправой, которая исправно функционировала с 1954 по 2020 годы между пунктами порт Крым (северо-восточная окраина Керчи) — порт Кавказ. Протяженность линии составляла около 5 км, время в пути около 40 минут. Паромы перевозили не только людей и автотранспорт, но и железнодорожные составы (в 90 — е годы железнодорожное сообщение было прервано, а с 2004 года восстановлено). При этом, в апреле 2008 г. между президентами России и Украины была достигнута договоренность, а затем подписано межправительственное Соглашение от 17 декабря 2013 г. о совместных действиях по организации строительства транспортного перехода через Керченский пролив (в 2014 году действие Соглашения согласно ноте МИД России приостановлено с 13 апреля 2015 г. в связи с отказом украинской стороны из-за Крыма). Поэтому усилиями только лишь одной Российской Федерации в период с февраля 2016 по декабрь 2019 года через Керченский пролив был построен Крымский мост, состоящий из двух параллельных мостов — автомобильного и железнодорожного. Первым, в середине мая 2018 г. открыт автомобильный мост, а в конце декабря 2019 г. железнодорожный. Крымский мост соединяет Керченский полуостров с Таманским, длина его составляет 19 км, в том числе 7,5 км проходит над морем, а 6,5 км по острову Тузла и Тузлинской косе. Мост влияет на интенсивность судоходства и является определенным препятствием. Параметры моста позволяют проходить судам по высоте не более 33 м, по длине до 252 м, по ширине до 25 м, с осадкой 8 м. Для более интенсивного грузооборота морских портов Азовского моря с использованием современных судов водоизмещением 50000–100000 тонн, и повышения навигационной безопасности расхождения судов необходимо проведение дноуглубления канала до 9,5–10 м, расширение канала до длины пролета моста, т.е. до 185 м.

Для правильного понимания и раскрытия международно-правового статуса Азово-Керченской акватории кроме ее физико-географических особенностей рассмотрим исторический аспект, ниже рассматривается.

Как известно, Азовское море не один раз меняло название, в зависимости от того, какие народы проживали на прилегающих к нему территориях. Греки называли его Меотским озером. Во времена княжества Тьмутаракань (X — XI век н.э.)

его называли Русским. В XIV — XVI веке море называлось Сурожским (считается, что Сурож — одно из исторических названий города Мариуполя). Название — «Азовское» оно, вероятно, получило от названия города-крепости Азов, после ее взятия русскими войсками. Крепость Азов (по турецки Азак) была построена турками в 1475 г. после победы над генуэзцами и взятия г. Тана (Тапаис). В XVII веке крепость дважды завоевывалась русскими войсками, сначала казаками в 1637 г., затем регулярными войсками под предводительством Петра I в 1696 г. в период Русско-турецкой войны 1686–1700 гг., и перешла во владение России по Константинопольскому мирному договору 1700 г. Уже с 1708 г. в составе Русского царства была образована Азовская губерния с центром в городе Азов. В 1711 г. крепость была отбита турками и владение ею, и прилежащими землями, на некоторое время было утрачено. Однако границы и название губернии изменять не стали, лишь в 1725 г. название было изменено с «Азовской» на «Воронежскую». Крепость Азов перешла к Российской империи в 1739 г. по Белградскому мирному договору после взятия ее русскими войсками под командованием фельдмаршала графа Ласси во время Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Доступ к Азовскому и Черному морям был для Российской империи частично приоткрыт. Контроль над Азовским морем Российская империя продемонстрировала уже в 1773 г., когда Донская (Азовская) флотилия под командованием вице-адмирала А. Н. Сенявина надежно закрыла турецкому флоту вход в Азовское море, заняв крепости Керчь и Еникале, полное же господство стало возможно лишь в 1790 г., после целого ряда знаменательных побед русской армии и флота в двух Русско-турецких войнах (1768–1774) и (1787–1791).

Вспомним, что же происходило в Северном Причерноморье в указанные периоды. Так, сухопутной 1-й армией фельдмаршала графа П. А. Румянцева нанесены сокрушительные поражения превосходящим силам турок в Бессарабии в сражениях при Рябой Могиле (июнь 1770), при Ларге (июль 1770), при Кагуле (июль 1770), до этого заняты крепость Хотин (сентябрь 1769), города Яссы (сентябрь 1768), Бухарест (ноябрь 1769), Измаил (июль 1770), Килия (август 1770), крепость Аккерман (ныне г. Белгород-Днестровский) (сентябрь 1770), Браилов (ноябрь 1770), крепость Журжу (март 1771), сухопутной 2-й армией (командующий генерал-аншеф граф П. И. Панин) взята крепость Бендеры (сентябрь 1770). На Кубани, отряд под командованием генерал-майора И. Ф. де Медема, совместно с калмыками, нанес поражение кубанским татарам (июль 1769), что ослабило силы Крымского ханства, а небольшой отряд майора Раталиева нанес поражение кабардинцам и принудил их (август 1769) объявить себя подданными Российской империи. 24–27 июня (5–7) июля 1770 г. прибывшая с Балтики объединенная русская эскадра под общим командованием графа Алексея Орлова уничтожила турецкий флот в ходе сражений, проходивших в Хиосском проливе, а затем в Чесменской бухте. В этом же году ногайские татары Буджакской, Едисанской, Едичкульской и Джамбулакской орд, отрезанные от турецких войск действиями русской армии, решили выйти из войны, отделиться от Османской империи, и принять покровительство России. Это также ослабило Крымское ханство. В июне 1771 г. русская армия под командованием генерал-аншефа князя В. М. Долгорукова разбила татарские

орды, взяла штурмом Перекоп и овладела Крымом. Донская флотилия (Азовская) под командованием вице-адмирала А. Н. Сенявина в мае-июне 1771 г. прикрывала наступление армии Долгорукова на Крым с моря, подвозила припасы, была готова противостоять турецкому флоту при его появлении в Керченском проливе и попытке зайти в Азовское море. После поражения Крымский хан Селим-Гирей III бежал в Турцию. Избранный крымской знатью новый хан Сагиб-Гирей II был сторонником сближения с Россией. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, князь Долгоруков подписал с Сагиб-Гиреем II Карасубазарский договор 1 (12) ноября 1772 г., согласно которому Крым объявлялся независимым ханством под покровительством России. Военные действия 1768–1774 гг. закончились заключением Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г., по условиям которого Крымское ханство стало независимым от Османской империи. Российская империя получила право беспрепятственного прохода торговых судов по акватории Азовского моря, также под контроль Российской империи переходила часть азовского побережья, Керченский пролив, город Керчь и крепость Еникале. Однако остальные города и территория, примыкающая к Азовскому морю, в т.ч. крепость Азов, возвращались под контроль Османской империи. Несмотря на достигнутые договоренности, Османская империя постоянно стремилась восстановить утраченное положение и вернуть свои владения. Так в 1775 году, несмотря на положения заключенного мирного договора, турки не позволили вывести корабли Азовской флотилии из Азовского моря в Черное через Керченский пролив, так как разгадали планы русских по привлечению флота к участию в боевых действиях на Северном Причерноморье. В связи с этим императрицей Екатериной II было принято решение о строительстве боевых кораблей для будущего Черноморского флота непосредственно на побережье Черного моря (Указ от декабря 1775 г.). В 1778 г. заложен город-порт Херсон в устье Днепра. В 1783 г. под давлением доверенных людей князя Г. А. Потёмкина хан Бахадур-Гирей II отрелся от престола, Россией возвращен на престол хан Шагин-Гирей, после чего Крымское ханство с принадлежащими владениями, были приняты в состав Российской империи. Пользуясь благоприятной ситуацией, Екатериной II был подписан манифест от 8 (19) апреля 1783 года «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу» и указанные территории вошли в состав Российской империи. Полуостров, а также прилегающие с севера к Крыму плодородные земли с городами Алешки, Бердянск, Геничск, Мелитополь и другие образовали Таврическую губернию. В дальнейшем под общим руководством светлейшего князя генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина, чья личная заслуга — взятие турецких крепостей Очаков (декабрь 1788), Бендеры (ноябрь 1789) в ходе боев и сражений с турецкой армией и флотом были достигнуты великие победы такими полководцами и флотоводцами, как генерал-аншеф граф А. В. Суворов (сражение при Фокшанах (август 1789), сражение при Рымнике (сентябрь 1789), взятие турецкой крепости Измаил (декабрь 1790)), контр-адмиралы Н. С. Мордвинов, Джон Пол Джонс и Нассау Зиген — сражение в Лимане (июнь 1788), контр-адмирал Ф. Ф. Ушаков (сражение у о. Фидониси (июль

1788), сражение в Керченском проливе (июль 1790), сражение у мыса Тендра (сентябрь 1790 по н.ст.), сражение при Калиакрии (август 1791 по н.ст.), адмирал И. М. де Рибас (действия гребной флотилии на Дунае, предвзявшие взятие Измаила, август-сентябрь 1790), генерал-майор И. И. Герман (разгром на Кубани турецкой армии Батал-Бея, октябрь 1790 г.), генерал-аншеф И. В. Гудович (взятие и полное уничтожение Кубанским корпусом турецкой крепости Анапа, самоуничтожение турками крепости Суджук-Кале — в районе современного Новороссийска (июнь 1791)).

Таким образом, во второй половине XVII века проходила русская колонизация Северного Причерноморья и Крыма. По итогам Ясского мирного договора (заключен 29 декабря 1791 (9) января 1792 г.) за Российской империей было закреплено все Северное Причерноморье от реки Днестр до реки Кубань, а также Крым.

Как видно из изложенного, уже в 1783 году Азовское море было полностью окружено русскими землями. С этого времени оно стало внутренним морем Российской империи (в международно-правовом понимании), и оставалось таковым до её разрушения в 1917 году.

После произошедших революционных преобразований в результате двух революций 1917 года (Февральской буржуазной и Великой Октябрьской социалистической), передела власти между действующими политическими партиями, и образования в границах бывшей Российской империи нового социалистического государства — Российской Советской Республики (РСР), после окончания гражданской войны и интервенции Центральных держав, после возвращения под контроль всех примыкающих к Азовскому морю территорий, Азовское море с 1922 по 1991 гг. стало внутренним морем этого нового государства. Так, 30 декабря 1922 года РСР преобразована в Союз Советских Социалистических Республик (СССР).

В декабре 1991 года СССР прекратил существование, ввиду самостоятельного выхода из его состава составлявших его республик и образования ими независимых государств, и Азовское море стало внутренним морем двух государств России и Украины (1991–2022 гг.). Однако, учитывая историческую общность двух государств, общие исторические корни (это один русский народ), участие в Содружестве Независимых Государств (СНГ), т.е. государств, фактически объединенных в одно конфедеративное государство (хотя на западе относят СНГ к категории международных организаций, таких как ООН) можно говорить о том, что Азовское море исторически является внутренним морем двух государств, и также исторически, является внутренними водами двух государств.

При этом за последнее время произошли значительные изменения, имеющие прямое отношение к статусу Азово-Керченской акватории. Так, в результате противостояния между оппозицией и представителями действующей власти в Украине, протестов на Майдане в столице Украины городе Киеве, власть захватила националистически настроенная оппозиция. Законный президент В. Ф. Янукович был вынужден бежать из Украины. Крымчане не согласились жить в государстве, управляемом националистами, согласно принятому Верховным Советом Автономной Республики Крым постановлению от

17 марта 2014 г., Крым провозглашен независимым суверенным государством — Республикой Крым. 18 марта 2014 г. Республика Крым и город Севастополь вошли в состав Российской Федерации.

21 февраля 2022 г. свою независимость провозгласила Донецкая народная Республика (ДНР), также ранее входившая в состав Украины. Независимость ДНР признана Российской Федерацией.

В ходе специальной военной операции Российской Федерации по демилитаризации и денацификации Украины, начатой 24 февраля 2022 г. в целях защиты от Киевского режима жителей Донбасса, были освобождены от националистических формирований Донецкая, Херсонская и часть Запорожской области Украины, примыкающая к Азовскому морю.

В интервью ТАСС 20 мая 2022 г. спикер парламента Республики Крым В. А. Константинов сказал: «Снабжение всего юга России, Донбасса станет настолько взаимосвязанным, что это будет очень экономически выгодно. Почему нужно иметь ввиду и порт Мариуполь, который тоже работал в этой связи очень интенсивно и эффективно, Азовское море фактически становится внутренним морем, и там тоже много перспектив». [20]

Сама же Украина выход из своего состава Крыма, Донецкой, Херсонской и части Запорожской области не признает, считает, что ее право в отношении Азово-Керченской акватории не изменилось, что оно нарушается Россией. Позицию Украины поддерживают США, Великобритания, страны Европейского союза, объявившие России санкции. Учитывая, что у Украины нет доступа к ее бывшим портам на Азовском море, то в марте 2022 г. Украина объявила о закрытии морских портов в связи со спецоперацией России, и далее о временном закрытии с 1 мая 2022 г. четырех морских портов на Черном и Азовском море в связи с невозможностью обеспечивать обслуживание судов и пассажиров, в т.ч. портов Бердянск и Мариуполь. Ранее, в мае 2014 года, после воссоединения Крыма с Россией, Украина объявила о закрытии морских портов на территории Крыма, в т.ч. порта Керчь.

Таким образом, Украина, являющаяся вместе с Россией владельцем прав на Азово-Керченскую акваторию де-юре, де-факто выход к акватории Азовского моря и Керченского пролива полностью утратила.

Однако, юридически международно-правовой статус Азово-Керченской акватории, как исторически внутреннего моря Российской Федерации еще не оформлен, заключенные между Россией и Украиной международные договоры и соглашения, которыми установлен международно-правовой статус Азово-Керченской акватории, как исторических внутренних вод двух государств, до настоящего времени действуют, ни Россия, ни Украины их не денонсировала.

На сегодняшний день международно-правовой статус Азово-Керченской акватории определяется на основании следующих международно-правовых актов:

Договора между Российской Федерацией и Украиной «О российско-украинской государственной границе» от 28 января 2003 г., ратифицирован Федеральным законом Российской Федерации от 22 апреля 2004 г. № 24-ФЗ;

Договора между Российской Федерацией и Украиной «О сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива» от 24 декабря 2003 г., ратифицирован Федеральным законом Российской Федерации от 22 апреля 2004 г. № 23-ФЗ;

Помимо указанных выше международно-правовых актов к рассматриваемому вопросу имеют отношение следующие международные соглашения:

Соглашение «О создании Содружества независимых Государств» от 8 декабря 1991 г., ратифицировано Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 12 декабря 1991 г. № 2014-1, т.к. Россия и Украина являются членами и учредителями СНГ, образованного подписантами Союзного договора 1922 года, вместо прекратившего существование СССР.

Договор «О дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной», заключенный 31 мая 1997 г., ратифицированный Верховной Радой Украины от 14 января 1998 г., Государственной Думой России от 25 декабря 1998 г., вступил в силу с 1 апреля 1999 г. (действие договора прекращено с 1 апреля 2019 г. по инициативе украинской стороны согласно Закону Украины от 10 декабря 2018 года «О прекращении действия Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной»).

Другие межправительственные Соглашения России и Украины в развитие Договора «О дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной»: о торговом судоходстве (от 8 февраля 1995 г., вступило в силу с 27 мая 1995 г.); по обеспечению безопасности морского судоходства в Азовском море и Керченском проливе (от 20 марта 2012 г., вступило в силу с 5 ноября 2012 г.); сотрудничества в морском и авиационном поиске и спасении (от 27 октября 2010 г., вступило в силу с 30 сентября 2011 г.); о пунктах пропуска через государственную границу между Российской Федерацией и Украиной (от 8 февраля 1995 г., вступило в силу с 11 марта 1995 г., с изменениями от 15 февраля 2011 г., вступили в силу с 29 марта 2012 г.); о сотрудничестве и взаимодействии с целью развития пунктов пропуска через российско-украинскую государственную границу (от 18 октября 2011 г., вступило в силу с 18 июня 2012 г.); по организации строительства транспортного перехода через Керченский пролив (от 17 декабря 2013 г., вступило в силу с 11 февраля 2014 г., действие прекращено с 13 апреля 2015 г.); о безвизовых поездках граждан Российской Федерации и Украины (от 16 января 1997 г., с изменениями о прекращении действий отдельных положений этого Соглашения от 30 января 2015 г.) и др., в т.ч. Соглашения, заключенные на уровне министерств и ведомств двух государств, например, об организации международного прямого железнодорожно-паромного соединения через порты «Кавказ» (Россия) и «Крым» (Украина) (от 12 ноября 2004 г., вступило в силу с 12 ноября 2004 г.) или по вопросам рыболовства (от 14 сентября 1993 г.).

Рассмотрим положения указанных выше документов.

Так, общими целями государств подписавших Соглашение «О создании Содружества независимых Государств» от 8 декабря 1991 г. является равноправное взаимовыгодное сотрудничество народов в различных областях жизнедеятельности: политике, экономике, культуре, образовании, здравоохранении,

нении, охране окружающей среды, науке, торговле, гуманитарной сфере, развитии системы транспорта и связи, обеспечении мира и безопасности, социальной защиты, миграции, борьбы с организованной преступностью, соблюдения общепризнанных международными нормами прав и свобод человека, как в отношении своих граждан, так и в отношении граждан других договаривающихся сторон, и лиц без гражданства, проживающих на их территории.

В соответствии со ст. 5 Соглашения о создании СНГ:

«Высокие Договаривающиеся Стороны признают территориальную целостность друг друга и неприкосновенность существующих границ в рамках Содружества.

Они гарантируют открытость границ, свободу передвижения граждан и передачи информации в рамках Содружества».

Согласно ст. 11 Соглашения о создании СНГ:

«С момента подписания настоящего Соглашения на территориях подписавших его государств не допускается применение норм третьих государств, в том числе бывшего Союза ССР».

Договор «О дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной» заключен в целях развития стратегического партнерства и сотрудничества в основных областях и сферах жизнедеятельности государств. Хотя действие Договора и было прекращено с 1 апреля 2019 г., однако длительное время (20 лет) Договор действовал, на его основании были заключены приведенные выше Договоры и Соглашения, во время его действия между Сторонами возникали морские споры.

Так, в Договоре «О дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной» было задекларировано, что Стороны уважают территориальную целостность друг друга и подтверждают нерушимость существующих между ними границ (ст. 2). Указывалось, что Стороны строят отношения на основе общепризнанных норм международного права (ст. 3), при наличии спорных проблем, их урегулирование производится мирными средствами, путем консультаций и переговоров (ст. 4, ст. 37). Стороны обязались воздерживаться от каких бы то ни было действий, направленной против другой Стороны, и не заключать с третьими странами каких-либо договоров, направленных против другой Стороны. В Договоре указывалось, что ни одна из Сторон не допустит того, чтобы ее территория была использована в ущерб безопасности другой Стороны (ст. 6). Каждая из Сторон Договора гарантировала гражданам другой Стороны права и свободы на тех же основаниях и в таком же объеме, как и своим собственным гражданам, кроме случаев, установленных национальным законодательством Сторон, или их международным договором (ст. 10). Стороны выказали готовность и далее развивать всестороннее сотрудничество в деле спасения и сохранения природной среды Азово-Черноморского бассейна, проведение морских и климатологических исследований, использование рекреационных возможностей и природных ресурсов Черного и Азовского морей, развития судоходства и эксплуатации морских коммуникаций, портов и сооружений (ст. 29).

В Договоре задекларированы намерения Сторон по развитию сотрудничества в следующих областях и сферах жизне-

деятельности, потенциально имеющих отношение к Азово-Керченской акватории, это сотрудничество в области: транспорта, обеспечении свободы транзита лиц, грузов и транспортных средств через территории друг друга в соответствии с общепризнанными нормами международного права (ст. 17); перевозки грузов и пассажиров железнодорожным, воздушным, морским, речным и автомобильным транспортом между обеими сторонами и транзитом по их территории, включая операции через морские, речные и воздушные порты (ст. 17); проведении поиска и аварийно-спасательных работ, а также в расследовании чрезвычайных происшествий на транспорте (ст. 18); ликвидации чрезвычайной ситуации на путях сообщения и других объектах (ст. 22); в области защиты окружающей среды, экологической безопасности (ст. 25); в вопросах обмена гидрометеоинформацией (ст. 30); в вопросах регулирования миграционных потоков (ст. 32). По большинству из указанных направлений Договор предусматривает заключение отдельных соглашений, кроме того, согласно ст. 38 Договора предусмотрена возможность заключения других соглашений в областях, представляющих взаимный интерес.

Теперь перейдем к рассмотрению указанных выше Договоров и Соглашения заключенных на основании Договора «О дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной»

Рассмотрим Договор «О российско-украинской государственной границе» от 28 января 2003 года.

Так, согласно ст. 1 Договора:

«В настоящем Договоре под термином «российско-украинская государственная граница», далее — «государственная граница» или «граница», понимается линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, разделяющие государственные территории (сушу, воды, недра и воздушное пространство) Договаривающихся Сторон от точки стыка государственных границ Российской Федерации, Украины и Республики Беларусь до точки, расположенной на берегу Таганрогского залива».

Таким образом, в Договоре конечной точкой российско-украинской государственной границы является точка, расположенная на берегу Таганрогского залива, т.е. при заключении Договора разграничение Азово-Керченской акватории линией государственной границы отсутствовало.

Согласно ст. 5 Договора:

«Урегулирование вопросов, относящихся к смежным морским пространствам, осуществляется по соглашению между Договаривающимися Сторонами в соответствии с международным правом. При этом ничто в настоящем Договоре не наносит ущерба позициям Российской Федерации и Украины относительно статуса Азовского моря и Керченского пролива как внутренних вод двух государств».

Из этого следует, что статус Азовского моря и Керченского пролива признается Сторонами, как внутренние воды двух государств, что с учетом положений приведенной статьи (т.е. согласно мнению Сторон) соответствует международному праву, в связи с чем, не наносит ущерба позициям сторон, при этом не препятствует урегулированию вопросов, относительно смежных морских пространств по соглашению между Сторо-

нами в соответствии с международным правом, т.е. разграничение линией государственной границы Азово-Керченской акватории предполагалось отдельным Соглашением при необходимости.

Договором между Российской Федерацией и Украиной «О сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива» от 24 декабря 2003 года статус Азовского моря и Керченского пролива устанавливается Сторонами как исторические внутренние воды Российской Федерации и Украины (абз. 1, ст. 1), при этом указывается, что Азовское море разграничивается линией государственной границы в соответствии с Соглашением между Сторонами (абз. 2, ст. 1). Касаемо же Керченского пролива, речь о разграничении линией государственной границы в Договоре не идет, а указывается на то, что: «Урегулирование вопросов, относящихся к акватории Керченского пролива, осуществляется по соглашению между Сторонами» (абз. 3, ст. 1). Таким образом, Стороны зафиксировали нежелание разграничивать линией государственной границы Керченский пролив, который находился в совместном использовании.

Также, Договор определил режим использования Азовского моря и Керченского пролива торговыми судами и военными кораблями Сторон и третьих государств. Согласно ст. 2 Договора:

«1. Торговые суда и военные корабли, а также другие государственные суда под флагом Российской Федерации или Украины, эксплуатируемые в некоммерческих целях, пользуются в Азовском море и Керченском проливе свободой судоходства.

2. Торговые суда под флагами третьих государств могут заходить в Азовское море и проходить через Керченский пролив, если они направляются в российский или украинский порт или возвращаются из него.

3. Военные корабли и другие государственные суда третьих государств, эксплуатируемые в некоммерческих целях, могут заходить в Азовское море и проходить через Керченский пролив, если они направляются с визитом или деловым заходом в порт одной из Сторон по ее приглашению или разрешению, согласованному с другой Стороной».

Согласно ст. 3 Договора:

«Российско-украинское сотрудничество, в том числе совместная деятельность в области судоходства, включая его регулирование и навигационно-гидрографическое обеспечение, рыболовства, защиты морской среды, экологической безопасности, а также поиска и спасания в Азовском море и Керченском проливе, обеспечиваются как реализацией имеющихся соглашений, так и заключением, в соответствующих случаях, новых договоренностей».

Таким образом, действующими международными договорами Российской Федерации и Украины определен статус Азовского моря и Керченского пролива как исторические внутренние воды двух государств. На момент заключения и ратификации договоров и до настоящего времени разграничение линией государственной границы Азовского моря и Керченского пролива Сторонами не производилось, предполагалось сделать это отдельным Соглашением или отдельными Соглашениями.

Задекларированный в международных договорах России и Украины международно-правовой статус Азово-Керченской акватории, как исторические внутренние воды, является справедливым, т.к. отражает и длительность периода владения более 230 лет, только в последнее время, и почти такой же период 1000 лет назад, исключительную власть и контроль над акваторией последние 250 лет, подтвержденные историческим ходом событий (приведены выше, как исторический аспект), важность связанных с акваторией исторических событий для двух братских государств, с учетом отсутствия претензий на данную акваторию со стороны других государств, и отсутствия противоречий положениям ст. 8 (Внутренние воды) Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (Далее — Конвенция), согласно которой: «...воды, расположенные в сторону берега от исходной линии территориального моря, составляют часть внутренних вод государства».

И, действительно, воды Азовского моря, которое географически относится к внутренним морям, расположены в сторону берега от исходной линии территориального моря.

Внутренние воды входят в состав территории государства, на них распространяется государственный суверенитет.

Так, п. 1, ст. 2 Конвенции установлено:

«Суверенитет прибрежного государства распространяется за пределы его сухопутной территории и внутренних вод...»

Также, данное согласуется с положениями ч. 1, ст. 67 Конституции Российской Федерации, в которой определяется, что включает в себя территория Российской Федерации (указываются в т.ч. и внутренние воды), и ч. 1, ст. 4 Конституции Российской Федерации о том, что «Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию». В Конституции Украины не указывается, что в состав территории государства входят внутренние воды, однако, также как в России «Суверенитет Украины распространяется на всю ее территорию»... (ст. 2 Конституции Украины).

И Россия, и Украина ратифицировали Конвенцию, поэтому она, также как и заключенные между двумя государствами международные договоры, является частью национальной правовой системы каждого из государств. И в России (ст. 15), и на Украине (ст. 8) Конституция имеет высшую юридическую силу, международные договоры имеют приоритет перед законами.

Многими специалистами (в основном западными) утверждается, что международно-правовой статус Азовского моря — как замкнутого и полузамкнутого моря (согласно ст. 122 Конвенции) является более верным. На первый взгляд такой подход обоснован, ввиду наличия двух государств, территории которых окружают море и узкого прохода в виде Керченского пролива, соединяющего Азовское море с Черным, однако это только соответствие по формальным признакам. Более правильным является определение международно-правового статуса Азово-Керченской акватории согласно Договору между Россией и Украиной «О сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива», как исторических внутренних вод двух государств, так как учитывается исторический аспект.

Претензии специалистов «заинтересованных» западных стран, которые ссылаются на ст. 122 Конвенции имеют

скрытую подолеку, желание понудить Россию и Украину провести демаркацию Азово-Керченской акватории, определить границы территориального моря и исключительной экономической зоны. Однако ст. 122 Конвенции это не предписано, это один из двух возможных вариантов, через союз «или». Поэтому Договор между Российской Федерацией и Украиной «О сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива», утвердивший международно-правовой

статус этой акватории, как исторических внутренних вод двух государств согласно п. 2 ст. 311 Конвенции, необходимо рассматривать, как совместимый с Конвенцией, т.к. он не противоречит Конвенции и не затрагивает интересы других государств участников, т.к. предусматривает режим использования Азово-Керченской акватории торговыми судами и военными кораблями, как самих России и Украины, так и третьими странами.

Литература:

1. Азовское море. Интернет сайт: <https://wikiway.com/russia/azovskoe-...> Дата обращения 17 апреля 2022, 14.20.
2. Азовское море. Интернет сайт: <https://woldcapski.ru/soobshchenie-...> Дата обращения 17 апреля 2022, 15.10.
3. Васильев Н. Земля. Хроника жизни. Загадки древнего города Азов. Интернет сайт: <https://earth-chronicles.ru/news/> обращение 17.04.2022, 13.50.
4. Договор между Российской Федерацией и Украиной «О российско-украинской государственной границе» от 28 января 2003. Интернет сайт: <http://docs.cntd.ru/document/9018809803..> Дата обращения 6 июня 2022, 9.56.
5. Договор между Российской Федерацией и Украиной о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива от 24 декабря 2003. Интернет сайт: <http://docs.cntd.ru/document/90188866...> Дата обращения 6 июня 2022, 8.28.
6. Договор «О дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной» от 31 мая 1997. Интернет сайт: <http://docs.cntd.ru/document/1902220..> Дата обращения 6 июня 2022, 22.28.
7. История канатной дороги через Керченский пролив. Интернет сайт: <http://mykerch.co...> Дата обращения 24 июня 2022, 11.40.
8. История Руси. Царствование Петра I. Интернет сайт: istoriarusi.ru/car...petra-1.html, Дата обращения 11 апреля 2022, 9.30.
9. История Новороссии. Новороссия в Российской империи. Интернет сайт: <https://legalrollers.ru/go> Дата обращения мая 2022, 1.25.
10. «Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву» (UNCLOS), интернет сайт: [https://Consultant.ru > document/cons_doc...](https://Consultant.ru/document/cons_doc...) Дата обращения 13 апреля 2022, 15.00.
11. Конституция Российской Федерации, интернет сайт: <http://www.consult...> Дата обращения 2 июня 2022, 12.45.
12. Конституция Украины, интернет сайт: <https://meget.kiev.ua/zakon/konstitutsia-ukrain...> Обращение 5 июня 2022, 17.32.
13. Мальшев Д. В. Керченский кризис и статус Азовского моря // Постсоветские исследования. 2019. № 4. С. 33–37.
14. Мининфраструктуры Украины издало приказ о закрытии части портов на Черном и Азовском морях // ТАСС// 1 мая 2022 интернет сайт: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-raporama/14...> обращение 21 мая 2022, 14.28.
15. Петров О. Ю. Современные международно-правовые аспекты статуса Керченского пролива и использования вод Азовского моря для международного судоходства и военного мореплавания // Право в Вооруженных Силах-Военно-правовое обозрение. 2019. № 4. С. 81–89.
16. Реформы Петра I. интернет сайт: [vizlit.com>car...neobhodimost_vyhoda...](http://vizlit.com/car...neobhodimost_vyhoda...), Дата обращения 11 апреля 2022, 9.30
17. Скаридов А. С. Военная и правоохранительная деятельность в контексте применения вооруженных сил для охраны государственной границы на море // Океанский менеджмент. 2019. № 4. С. 56–62.
18. Соглашение между Правительством РФ и Кабинетом Министров Украины о мерах по обеспечению безопасности мореплавания в Азовском море и Керченском проливе от 20 марта 2012. Интернет сайт: <http://docs.cntd.ru/document/90234384..> Обращения 6 июня 2022, 9.17.
19. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств интернет сайт: <https://docs.cntd.ru/1900...> Дата обращения 2 июня 2022, 11.40.
20. Спикер парламента Крыма: Азовское море фактически становится внутренним морем России // ТАСС// 20 мая 2022, 08.15 интернет сайт: https://tass.ru/interviews/14676805?utm_source... обращение 21 мая 2022, 12.18.
21. Таврическая область. История. интернет сайт: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Та...> Дата обращения 15 мая 2022, 14.30
22. ФЗ РФ «О внутренних морских водах, территориальном море, прилегающей зоне Российской Федерации» от 31.07.1998 № 155-ФЗ, интернет сайт: <http://www.consultant.ru/document/cons-doc..> Обращение 5 июня 2022.
23. Чухраев Э. М. Ему обязаны мы Черным морем. // Севастопольские известия №№ 49–51, 2021, №№ 4–6, 2022.

Способы защиты прав работников в условиях атипичной занятости на примере стран БРИКС

Котович Ксения Андреевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Цифровизация и глобализация рынков труда привели к тому, что стандартные трудовые отношения за последние десятилетия претерпели существенные изменения и, в целом, увеличилось количество форм «нестандартной занятости» на рынках труда, в том числе и в странах БРИКС. Новые формы работы могут предоставить работникам дополнительную возможность занятости и дохода, отличаются гибкостью, что позволяет успешно совмещать работу и личную жизнь. К формам нестандартной занятости относят: неполную занятость, сезонные подработки, фриланс, надомную работу, работу в теневой экономике без заключения трудового договора. Однако отсутствие официально оформленных трудовых отношений между работником и работодателем может привести к ситуации отсутствия социальной защищенности, что приведет к неблагоприятным последствиям в случаях возникновения экстренных ситуаций, а также может негативно влиять на рынок труда, искажая реальный уровень безработицы.

Создание четкой всеобъемлющей правовой базы, регулирующей трудовые отношения, имеет решающее значение для содействия в обеспечении населения полной, производительной и свободно выбранной занятости при надлежащем соблюдении социальных прав работников. Рекомендация МОТ 2006 года № 198 «О трудовых правоотношениях» служит руководством для государств-членов МОТ в отношении соблюдения прав и законных интересов работников. Данный правовой акт рекомендует правительствам «разрабатывать и применять национальную политику, направленную на пересмотр через надлежащие периоды времени и, в случае необходимости, на внесение ясности в сферу применения законодательства и нормативных правовых актов и их адаптацию, чтобы гарантировать эффективную защиту работников, выполняющих свою работу в условиях индивидуального трудового правоотношения» [1]; устанавливать критерии наличия трудовых отношений; создавать соответствующие механизмы мониторинга и развития рынка и организации труда. Национальная политика должна, в частности, включать меры по борьбе со скрытыми трудовыми отношениями, которые имеют место, когда работодатель скрывает истинный статус работника. Особое значение для работников в новых формах занятости имеют положения, обеспечивающие национальным законодательством стандарты труда, применимые ко всем формам договорных отношений, в том числе с участием нескольких сторон в целях обеспечения прав наемных работников.

Ключевым принципом, лежащим в основе Рекомендации МОТ, является определение наличия факта трудовых отношений, причем следует руководствоваться прежде всего фактами, касающихся выполнения работы и оплаты труда работника, несмотря на любые противоречащие договорные положения между сторонами (первенство факта). Методы,

предлагаемые Рекомендацией МОТ, включают широкий спектр средств для определения наличия трудовых отношений и закрепляют правовую презумпцию существования трудовых отношений при наличии одного или нескольких существенных признаков. Возможными доказательствами наличия трудовых отношений могут быть, например, периодическая оплата труда, контроль выполняемой работы.

Вопрос наличия трудовых отношений также актуален для работников цифровых трудовых платформ. Эти работники часто классифицируются как независимые подрядчики (фрилансеры) в соответствии с условиями, в одностороннем порядке установленными цифровыми трудовыми платформами. Тем не менее, большинство из этих работников считают себя независимыми работниками [2]. Кроме того, существует огромное количество судебных решений по всему миру о классификации работников цифровых платформ наемными в связи с установлением наличия факта трудовых отношений. Национальные суды используют различные подходы и приходят к разным вердиктам, даже в рамках одной юрисдикции. Данный факт может быть связан с большим количеством критериев, которые должны иметь в виду суды в рамках исследования фактических обстоятельств дел [3]. Например, в Бразилии Верховный суд по трудовым спорам (The Superior Labour Court) в 2020 году постановил, что водители Uber являются самозанятыми, поскольку они не находятся в отношении подчинения работодателю, предоставляют свои услуги на нерегулярной основе, без заранее установленного графика работы и не получают фиксированную заработную плату. С другой стороны, вопрос в отношении водителей Uber в Южно-Африканской Республике разрешился диаметрально противоположно. Комиссия по примирению, посредничеству и арбитражу ЮАР (The Commission for Conciliation, Mediation and Arbitration) обнаружила наличие трудовых отношений между водителями и цифровой платформой Uber, указав, что «даже при отсутствии прямого или физического надзора контроль осуществляется через цифровые технологии». Однако решение Комиссии было изменено судом по трудовым спорам в Кейптауне в 2018 году на основании того, что Комиссия не обладала юрисдикцией для рассмотрения данного спора. В Китае народный суд округа Хайдянь признал наличие трудовых отношений между курьерами и цифровой платформой по ряду критериев, таких как: прохождение обучения курьерами, выдача рабочих пропусков, большое количество рабочих часов и ограниченная автономия в отношении рабочего времени [4].

Исследования показали, что работники, задействованные в новых формах занятости, могут подвергаться риску дефицита достойной работы. В случае получения такой работы следует уделить особое внимание аспектам условий труда: оплата труда или ставки, охрана труда, соблюдение режима рабочего

времени при установлении его алгоритмическим управлением. Рабочие, занятые на работах, связанных с цифровыми платформами, сталкиваются с существенными рисками для безопасности и здоровья, например, работники службы доставки могут столкнуться с рисками, связанными с управлением транспортными средствами или ручной обработкой посылок. Работники, взаимодействующие с клиентами, могут столкнуться с психологическим или физическим насилием, а создатели онлайн-проектов регулярно подвергаются негативному влиянию нелегального контента. Во время пандемии Covid-19 некоторые работники, предоставляющие услуги, такие как курьеры или водители, продолжали свою деятельность даже в периоды самоизоляции, рискуя жизнью и здоровьем, и не всегда цифровая платформа обеспечивала их средствами индивидуальной защиты или гарантировала отпуск по состоянию здоровья. Учитывая возросшие риски, в ряде стран было принято или изменено законодательство, направленное на улучшение условий труда лиц, занятых в новых формах занятости, в том числе работников платформенной экономики, и, в более широком смысле слов, самозанятых. Например, в Китае Министерство людских ресурсов и социального обеспечения (The Ministry of Human Resources and Social Security) и несколько других органов выпустили в 2021 году «Особое заключение по защите прав и интересов рабочих в сфере безопасности труда», целью которого стало обеспечение надлежащими условиями труда работников цифровых платформ, даже когда между ними нет официально оформленных трудовых отношений. В частности, работники цифровых платформ должны получать вознаграждение по ставкам не ниже местной минимальной ставки заработной платы, иметь разумные условия труда и отдыха.

Хотя универсального решения, применимого ко всем национальным системам, не существует, социальная защита работников цифровых платформ может быть успешно реализована путем установления статуса занятости этих работников в координации с существующими социально-трудовыми гарантиями. В 2021 году были сформулированы выводы периодической дискуссии о социальной защите (социального обеспечения) в рамках взаимодействия рабочих групп МОТ, где было признано, что определенные группы работников, например, работники цифровых трудовых платформ, часто страдают от отсутствия надлежащего уровня защиты, и было призвано организацию МОТ активно и в срочном порядке поддержать государства-члены в обеспечении доступа к надлежащей социальной защите для работников всех видов занятости, включая самозанятость [5].

В последние годы были предприняты активные попытки по усилению социальной защиты работников цифровых платформ, в том числе путем укрепления правовой базы, для внесения ясности для всех заинтересованных сторон. Например, в Бразилии в число обязательных застрахованных лиц входят наемные работники, а также самозанятые. Предусмотрена процедура как обязательного медицинского страхования, так и добровольного. Всего с 2015 по 2021 год в Национальный конгресс было представлено 126 законопроектов, касающихся работы на цифровых платформах. Декрет № 9.792/19 и Декрет № 10410/20

регулирующие Закон о городской мобильности и социальном обеспечении, и устанавливают обязанность водителей осуществлять за свой счет регистрацию и отчисления в систему социального страхования как налогоплательщики — физические лица.

В Индии недавно принятый Кодекс социального обеспечения 2020 года привел к объединению девяти ранее существовавших законов о социальном обеспечении. Данный Кодекс делает первые шаги к универсализации доступа к социальной защите всех работников, независимо от характера их отношений с работодателем. Кодекс предусматривает обязательную регистрацию как гиг-работников (подрядчиков), так и работников на цифровых платформах, однако дальнейшие социальные гарантии еще не прописаны. Недавно в Верховном суде Индии рассматривался судебный процесс в отношении прав на социальное обеспечение партнеров приложений по доставке еды (Zomato и Swiggy), а также водителей приложений-агрегаторов, таких как Ola и Uber (Chambers и партнеры, 2021 г.).

В Китае достигнуто всеобщее медицинское обслуживание и почти всеобщее пенсионное обеспечение за счет отдельных программ как для наемных работников, так и для городских и сельских жителей, не получающих заработную плату. В 2021 году Генеральная канцелярия Госсовета установила руководящие принципы, призывающие к адаптации мер социального обеспечения к работникам, занятым на гибких формах занятости, ослаблению контроля за регистрацией домохозяйств для облегчения участия работников в схемах социального страхования по месту их работы и ускорению пилотных проектов по страхованию от несчастных случаев на производстве. Руководящие заключения 2021 года о защите трудовых и социальных прав и интересов работников, занятых в новых формах занятости, выпущенные Министерством людских ресурсов и социального обеспечения (MoHRSS), призывают цифровые платформы взять на себя ответственность за обеспечение прав работников. В Южно-Африканской Республике цифровые платформы в основном классифицируют своих работников как независимых подрядчиков, а не как наемных рабочих, в результате чего их работники не пользуются трудовой и социальной защитой, эквивалентной той, которой пользуются наемные работники. Тот факт, что некоторые платформы работают на международном уровне, привели к тому, что работников нанимают не напрямую, а через специальные службы, которые существенно ущемляют права и законные интересы рабочих [6].

Приведенные выше примеры свидетельствуют о возможных подходах к регулированию новых форм занятости, в том числе платформенной, с точки зрения защиты трудовых и социальных прав соответствующих работников. Однако на данном этапе не во всех странах трудовое законодательство регулирует данный вопрос и при возникновении индивидуального трудового спора лучшим способом защиты прав работника выступает обращение в суд для установления факта наличия трудовых отношений, только установление данного факта может защитить права и законные интересы работника, занятого в новых формах занятости.

Литература:

1. Рекомендация Международной Организации Труда от 15 июня 2006 г. № 198 о трудовом правоотношении // СПС «ГА-РАНТ». URL: <https://base.garant.ru/2565276/> (дата обращения 07.06.2022)
2. Digital labour platforms and the future of work: Towards decent work in the online world.— Текст: электронный // International Labour Organization [сайт]. URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_645337/lang—en/index.htm (дата обращения 07.06.2022)
3. Platform work and the employment relationship.— Текст: электронный // International Labour Organization [сайт]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—ed_protect/—protrav/—travail/documents/publication/wcms_777866.pdf
4. Digital Labour Platforms and Labour Protection in China.— Текст: электронный // International Labour Organization [сайт]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—asia/—ro-bangkok/—ilo-beijing/documents/publication/wcms_757923.pdf
5. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—ed_norm/—relconf/documents/meetingdocument/wcms_806099.pdf
6. Caetano, M. 2021. Foreword of Marcelo Caetano, Secretary General of the International Social Security Association in International Social Security Review, Volume 74, Issue 3–4 p. 3–4.

Действие уголовного закона во времени

Кочкина Мария Михайловна, ведущий бухгалтер

МКУ «Управление по обеспечению финансово-хозяйственной деятельности образовательных учреждений» (г. Оренбург)

Кочкин Кирилл Сергеевич, инспектор по особым поручениям

УМВД России по Оренбургской области

Действие уголовного закона во времени является актуальной темой, вопросы, связанные с ней, активно рассматриваются наукой уголовного права последние десятилетия. Но тем не менее, в последние годы возникали случаи, не получившие должной реакции ни от теории, ни от практики. Принятие нового уголовного закона влечет за собой появление ряда вопросов у правоприменительных органов, касающихся квалификации и назначения наказания за преступления, совершенные еще в период действия старого уголовного закона.

Ключевые слова: закон, ответственность, правонарушение, время, принципы, законодательство, государство.

ВУК РФ закреплен общий принцип, в соответствии с которым незаконность и наказуемость деяния определяются действовавшим во время его совершения законом.

Это означает, что обычно уголовный закон распространяется на преступления, совершенные до его вступления в силу, а значит, обратной силы не имеет.

Уголовный закон имеет распространение своего действия в определенных временных пределах. Точное определение его конкретных временных границ действия важно, поскольку с этим напрямую связано решение вопроса о незаконности и наказуемости деяний [3, с. 154].

В связи с вышесказанным возникает необходимость выяснить время вступления закона в силу и время, когда он утратил силу.

К действию уголовного закона во времени относятся следующие принципы:

1. закон, имевший силу в период совершения деяния, определяет преступность и наказание за него;
2. закон, аннулирующий незаконность деяния, имеет обратную силу, в случае смягчения наказания или иным образом улучшения положения лица, совершившего правонарушение;
3. не имеет обратной силы закон, который усиливает наказание или каким-либо другим способом усугубляет положение виновного [4, с. 112].

Недостатки и спорные моменты в уголовном законе, которые возникают со временем, тянут за собой спорность решения проблем, специальные теоретические работы по вопросам действия уголовного закона во времени отсутствуют — все это негативно сказывается на попытках формирования единообразия в работе правоохранительных органов, призывая к более глубокому исследованию.

Действию уголовного закона во времени посвящена ст. 9 Уголовного кодекса РФ.

Исходя от принятого регламента нормативный акт является действующим с даты, которая указана в нормативном акте, или же спустя конкретный промежуток времени спустя его официальные публикации, или же после его подписания, публикации и т.д.

Если нормативный акт является временным, то он теряет свою силу с окончанием своего срока. Также нормативный акт может прекратить свое действие в связи с его отменой либо вступлением в силу нового нормативного акта, который регулирует аналогичные отношения.

Уголовный закон имеет распространение своего действия в определенных временных пределах. Точное определение его конкретных временных границ действия важно, поскольку с этим напрямую связано решение вопроса о незаконности и наказуемости деяний [2, с. 36].

В связи с вышесказанным возникает необходимость выяснить, время вступления закона в силу и время, когда он утратил силу.

При вступлении в силу закон становится общеобязательным. Очень важно точно установить дату, когда уголовный закон вступил в силу.

Согласно ч. 3 ст. 15 Конституции РФ все законы официально опубликуются. Законы, не прошедшие публикацию, не применяются.

В Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (1990 год) указывалось, что законы, принимаемые в конце совещания, и административные положения подлежат обязательной публикации.

Если нормативный акт является временным, то он теряет свою силу с окончанием своего срока. Также нормативный акт может прекратить свое действие в связи с его отменой либо вступлением в силу нового нормативного акта, который регулирует аналогичные отношения.

Частным случаем является так называемое «переживание нормативного акта» — явление, при котором нормативный акт, который уже утратил свою юридическую силу, в связи с особым указанием, которое содержится в новом акте, не прекращает функционировать по отношению к конкретным факторам.

Уголовный закон имеет распространение своего действия в определенных временных пределах. Точное определение его конкретных временных границ действия важно, поскольку с этим напрямую связано решение вопроса о незаконности и наказуемости деяний [1, с. 76].

В связи с вышесказанным возникает необходимость выяснить время вступления закона в силу и время, когда он утратил силу.

В нынешних системах уголовного права время совершения преступления как правило сопоставляют с моментом совершения деяния. Это связано с тем, что именно в тот момент окончательно формируется субъективное отношение виновного к своим деяниям, которое согласно принципу субъективного вменения, служит достаточной условием уголовной ответственности.

Также не имеет единого решения вопрос о моменте совершения преступного деяния соучастниками: организатором, подстрекателем, пособником. В соответствии с одной точкой зрения, момент совершения преступления исполнителем сходится с моментом совершения преступления соучастниками. Однако, другая точка зрения гласит, что в расчёт следует брать лишь действия самого соучастника, а момент совершения преступления исполнителем не важен [7, с. 134].

При вступлении в силу закон становится общеобязательным. Очень важно точно установить дату, когда уголовный закон вступил в силу.

Согласно ч. 3 ст. 15 Конституции РФ все законы официально опубликуются. Законы, не прошедшие публикацию, не применяются.

Все законы официально опубликовываются в течение семи дней после того, как их подпишет Президент. Акты палат Федерального Собрания опубликовываются не позднее десяти дней после их принятия.

Порядок опубликования законов РФ о ратификации международных договоров и других международно-правовых актов (конвенций, деклараций, пактов, документов и т.п.) такой же, как и федеральных конституционных законов и федеральных законов.

Согласно ст. 2 Указу Президента РФ тексты федеральных законов, которые распространяют в машиночитаемом виде научно-техническим центром правовой информации «Система», являются официальными.

Акты Президента РФ, носящие нормативный характер, вступают в силу одновременно по всей стране не позднее одной недели после даты их первой официальной публикации, если в акте не указано иное. Акты Правительства РФ, которые касаются прав, свободы и обязанности человека и гражданина вступают в силу одновременно по всей стране не позднее одной недели после даты их первой официальной публикации, если в акте не указано иное.

Последний способ следует признать нежелательным, так как граждане страны не успевают ознакомиться с актом, и, как следствие, граждан склоняют согласовывать свои действия с законом или другим нормативным правовым актом, о котором они обладают малой информацией либо совсем не проинформированы [8, с. 45].

Российской законодательной практике известны несколько способов завершения действия закона во времени и пространстве. К их числу относятся:

- отмена;
- замена иным;
- утрата силы срочного закона;
- в силу изменения или отмены условий, ставшими предпосылкой его принятию.

Согласно ч. 1 ст. 9 УК РФ преступность и наказуемость деяния определяются законом, действовавшим во время совершения преступления. Данное положение требует рассмотрения вопроса о времени совершения преступления. На первый взгляд, вопрос о времени совершения преступления не нуждается в особых комментариях.

Однако это замечание справедливо только тогда, когда совершается простое преступление. Действительно, трудно себе представить, чтобы такое преступление как квартирная или карманная кража совершалось в период действия двух законов — нового и старого [6, с. 117].

Однако большинство совершаемых преступлений носят сложный характер, имеют временную протяженность, исчисляемую иногда не только месяцами, но и годами. При такой ситуации вопрос о времени совершения различных категорий преступлений приобретает определенную сложность.

Открытым в уголовно-правовой теории является вопрос о том, каким моментом времени следует считать момент совершения преступления.

Специфика при диагностировании времени совершения преступного деяния присутствует в продолжаемых преступлениях (состоящих из ряда схожих действий) и длящихся преступлениях (суть которых в продолжительном невыполнении лицом возложенном на него юридическом обязательстве).

Некоторые учёные предлагают исходить при определении момента совершения таких преступлений из времени их юри-

дического окончания — времени, когда в деянии виновного уже присутствуют все признаки состава преступления, кои он решил содеять.

При расследовании разбоев, убийств и других непродолжительных преступлений применяется уголовный закон, который действовал на момент их совершения.

Литература:

1. Бойцов А. И. Действие уголовно закона во времени и пространстве.— СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018.— 317с.
2. Бошно С. В. Обратная сила уголовного закона: общие правила и пределы допустимости.— М., 2017.— 178с.
3. Гуров А. А. Пределы обратной силы уголовного закона. М., 2019.— 212с.
4. Ерасов А. М. Обратная сила уголовного закона и принципы уголовного права. М., 2018.— 410с.
5. Жалинский А. А. Обратная сила уголовного закона: правовые позиции Конституционного суда РФ. М., 2018.— 374с.
6. Журавлева Е. Н. Действие уголовного закона во времени и пространстве.— М., 2018.— 280с.
7. Калинин С. В. Обратная сила уголовного закона и принцип неотвратимости уголовной ответственности. М., 2018.— 265с.
8. Максимов В. В. О пределах обратной силы уголовного закона.— М., 2019.— 154с.
9. Петрова Л. Ю. Действие уголовного закона во времени: исторический аспект.— М., 2017.— 315с.

Проблемы квалификации преступления, предусматривающего ответственность за развратные действия (статья 135 УК РФ)

Кравцов Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции;
Голубева Анастасия Александровна, студент
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

В статье исследуются различные вопросы юридической оценки состава преступления, предусматривающего ответственность за развратные действия в отношении несовершеннолетних, не достигших возраста шестнадцати лет, и малолетних. Анализируются проблемы, возникающие в процессе квалификации содеянного, а также пробелы действующего законодательства по данной теме.

Ключевые слова: развратные действия; несовершеннолетние; малолетние; Уголовный кодекс Российской Федерации; преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Problems of qualification of a crime involving responsibility for depraved acts (article 135 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Kravtsov Dmitry Aleksandrovich, candidate of legal sciences, associate professor, colonel of justice;
Golubeva Anastasiya Aleksandrovna, student
Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

The article examines various issues of the legal assessment of the corpus delicti, which provides for responsibility for indecent acts against minors under the age of sixteen and minors. The problems arising in the process of qualification of the deed, as well as gaps in the current legislation on this topic are analyzed.

Keywords: depraved acts; minors; minors; the Criminal Code of the Russian Federation; crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual.

Несовершеннолетние и малолетние нередко становятся жертвами преступлений, в том числе против половой неприкосновенности, и подвергаются различным формам сексуальной эксплуатации. При этом именно уголовно наказуемые деяния в сфере половой неприкосновенности, в частности, совершение развратных действий, оказывают наибольшее не-

гативное влияние как на психическое, так и на физическое развитие несовершеннолетних в сравнении с другими посягательствами. Именно такого рода общественно-опасные деяния приводят в первую очередь к различным психологическим травмам у несовершеннолетних, с которыми впоследствии достаточно трудно справиться. Кроме того, совершение рас-

смагтриваемых преступлений способствует развитию среди подростков стандартов безнравственного, непристойного поведения.

Для понимания актуальности данной темы, необходимо обратиться к статистике. Так, согласно официальной статистике Следственного комитета Российской Федерации, количество совершенных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, в том числе развратных действий, достаточно велико: за январь-декабрь 2017 г.— 5839 и за январь-сентябрь 2018 г.— 4549 [2].

Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что в современном обществе имеет место достаточно большое количество преступлений, совершенных против половой неприкосновенности и половой свободы личности, в том числе предусмотренных ст. 135 УК РФ.

Несмотря на достаточно существенные показания статистики законодательство в данной области имеет ряд недоработок, что значительно затрудняет работу правоохранительных органов, создает достаточно большое количество проблем при квалификации развратных действий, а, следовательно, приводит к вынесению необъективного, а порой и необоснованного решения по уголовному делу.

Так одной из недоработок законодателя является тот факт, что на законодательном уровне отсутствует точное определение способов совершения данного преступления. Вместе с тем, согласно диспозиции уголовно-правовой нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 135 УК РФ [1], способ совершения развратных действий является обязательным признаком объективной стороны состава преступления и характеризуется отсутствием физического насилия виновным лицом. Однако определение развратных действий, раскрываемое в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» представлено достаточно в размытом виде, подразумевая под собой любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства. [3] Проводя анализ судебной практики, к таким действиям относят: физические действия — обнажение половых органов потерпевшего (потерпевшей), виновного лица, прикосновения к ним; интеллектуальные действия — демонстрация порнографических предметов и изданий, воспроизведении аудио- и видеозаписей аналогичного характера, ведение сексуально циничных разговоров.

Следующее упущение в законодательстве усматривается в п. 21 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», согласно которому отмечено, что если данное преступление совершается в отношении малолетнего, то при доказанности умысла на совершение развратных действий в отношении такого лица могут быть квалифицированы по статье Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за совершение насильственных действий сексуального характера [3]. Исходя из рассматриваемой формулировки, можно сделать вывод, что происходит приравнивание данных преступлений,

что в конце недопустимо. Принимая во внимание, что данные деяния имеют разный характер и степень общественной опасности, разные признаки объективной стороны состава преступления, становится очевидным невозможность их тождественности. Помимо этого, данное положение влечет нарушение основополагающих принципы уголовного права, а именно, принципы законности и справедливости.

Следующей проблемой квалификации преступления по данной статье Уголовного кодекса Российской Федерации является отсутствие уголовно-правовой нормы, регулирующей отношения, связанные с совершением развратных действий в отношении лица, которое не достигло двенадцатилетнего возраста. В вышеуказанном постановлении Верховный Суд Российской Федерации указывает на то, что следует устанавливать умысел виновного лица на совершение развратных действий, при которых он заведомо знал о том, что потерпевший еще не достиг двенадцатилетнего возраста. [3] Анализ судебной практики показывает, что такие действия признаются иными действиями сексуального характера, и, соответственно, квалификация производится по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Например, 27 января 2020 приговором Нерехтского районного суда Костромской области Гладыко П.П. был осужден за то, что с целью удовлетворения своих сексуальных потребностей и половой страсти, решил совершить в отношении потерпевшей, не достигшей двенадцати лет Б. Е., иные действия сексуального характера. Гладыко П.П. неоднократно прикасался к половым органам потерпевшей [4]. Фактически Гладыко П.П. совершил в отношении потерпевшей действия, предусмотренные ст. 135 УК РФ, при отсутствии способа в виде применения насилия или угрозы его применения. Однако следует обратить внимание на то, что потерпевшей на момент совершения преступления было меньше двенадцати лет, и действия Гладыко П.П. были квалифицированы по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ

Также в законодательстве отсутствует такой квалифицирующий признак данного деяния как совершение развратных действий лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а равно педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанной осуществлять надзор за несовершеннолетним (несовершеннолетней). Нередко в новостях можно услышать о том, что родители или другие близкие люди совершают в отношении своих детей какие-либо развратные действия, так примером может послужить новость 2018 года — отец совершал развратные действия по отношению к своей одиннадцатилетней дочери (показывал ей на своём телефоне фото обнаженных мужчин и женщин, прикасался к ее половым органам и т.п.). Совершение таких действий указанными лицами несет в себе большую общественную опасность, что необходимо отразить в уголовном законодательстве в качестве квалифицирующего признака преступления, предусмотренного статьей 135 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Подводя итог вышеизложенному, для повышения эффективности действующих норм законодательства по рассматри-

ваемой теме следует внести изменения в ст. 135 УК РФ следующего характера:

- определить исчерпывающий перечень действий относящихся к развратным;
- исключить возможность уравнивания преступлений, имеющих различную степень общественной опасности (ст. 132 и ст. 135 УК РФ);

— ввести и закрепить такой квалифицирующий признак, как совершение развратных действий в отношении лица не достигшего двенадцатилетнего возраста;

— установить ответственность специального субъекта за совершение данного преступления: родителей, педагогических работников либо иных лиц, на которых законом возложены обязанности по воспитанию.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/? Дата обращения: 27.05.2022.
2. Статистическая информация. URL: <http://sledcom.ru/activities/statistic> (дата обращения: 27.05.2022).
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/? Дата обращения: 27.05.2022.
4. Решение № 2–1007/2020 от 19 ноября 2020 г. по делу № 2–1007/2020 // СудАкт.ру (sudact.ru) URL: https://sudact.ru/regular/doc/9hWEIqocInmr/?regular-txt=%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%B9®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+132.+%D0%9D%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5+%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D1%8F+%D1%81%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE+%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1654621172135&snippet_pos=300#snippet

Совершенствование управления инвестиционной деятельностью муниципального образования

Кузнецов Александр Сергеевич, студент магистратуры
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Одним из главных приоритетов стабильного инвестиционного развития муниципального образования выступает модернизация экономики, которая обеспечивает рост конкурентоспособности путем введения технических, научных, а также технологических новшеств. Фундаментальным механизмом изменения линии экономического развития муниципалитетов являются финансовые ресурсы и инвестиции как переход к инновационной модели.

Ключевые слова: *финансовые ресурсы, инвестиции, инвестиционная деятельность, муниципальные образования, управление инвестициями.*

На современном этапе развитие и осуществление качественной системы управления инвестиционной деятельностью в рамках модернизации экономики выступает главной стратегической задачей, которая стоит перед руководством России, органами власти регионов, местными органами, а также научными предприятиями и представителями бизнеса. Немаловажным элементом благополучной реализации инвестиционной деятельности выступают муниципальные инвестиционные проекты. Они направлены на активизацию модернизационных изменений в экономике, а также создают предпосылки к стабильному экономическому росту.

Необходимо отметить, что распределение инвестиционных ресурсов происходит довольно неравномерно между различными регионами. Они, в основном, сосредотачиваются в самых крупных мегаполисах государства. Поэтому подавляющее боль-

шинство субъектов федерации и их муниципалитетов лишены возможности в полной мере использовать собственный инвестиционный потенциал. При этом именно инвестиционной деятельности сегодня отведена центральная роль в процессе проведения социально-экономических, а также политических реформ. Их цель состоит в создании комфортных условий для стабильного экономического роста, а также инновационного развития местных территорий [6, с. 4].

В настоящий период развития местного самоуправления становится очевидным тот факт, что без совершенствования инвестиционного климата не получится значительно повысить уровень жизнедеятельности всего населения на местах. Важную роль получает организация правовых и иных условий для развития муниципальной инвестиционной работы, укрепление ее юридических гарантий, а также контроль осуществления инве-

стиционных проектов. Важно подчеркнуть, что инвестиции сообщают местной экономике нужные качества для постепенного развития, учитывая применение возможностей правового регулирования публичных отношений [10, с. 16].

Кроме того, некоторые аспекты инвестиционной деятельности все еще остались вне зоны правового регулирования как на уровне центральной власти, так и на уровне регионов, а также местном уровне. Приоритет в обеспечении прав, свобод, а также интересов личности максимально явно показывает проблемы экономики, в том числе по движению инвестиционных активов в системе местного самоуправления.

На сегодняшний день муниципалитеты являются фундаментом территориального экономического и социального развития. Они представляют собой субъекты инновационной и инвестиционной активности, а также размещают соответствующие инвестиционные и финансовые средства. Значимым недочетом существующей системы развития программ социального и экономического развития муниципального образования выступает вектор на краткосрочные цели, отсутствие целостности, а также определенности в источниках финансирования программ.

Согласно ст. 9 Европейской хартии местного самоуправления органы местного самоуправления имеют право, в рамках национальной экономической политики, на обладание достаточными собственными финансовыми ресурсами, которыми они могут свободно распоряжаться при осуществлении своих полномочий. При этом для финансирования инвестиций органы местного самоуправления должны в соответствии с законом иметь доступ к национальному рынку капиталов [2].

Произошел существенный рост роли органов местного самоуправления в динамике инвестиционной деятельности в от-

ношении объектов муниципальной собственности, а также системы местного хозяйства в целом. В качестве гарантированного условия привлечения инвестиционных ресурсов и их эффективного использования выступает наличие конкретной инвестиционной политики, которая основывается на оценке и прогнозах инвестиционного климата и учитывает интересы всех субъектов инвестиционного процесса [5, с. 73].

Принятие и успешное применение ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» существенным образом увеличило объем компетенций муниципальных образований, а также подняло их ответственность перед гражданами. Тем не менее, только ограниченный перечень муниципальных образований оказался действительно готовым к эффективному осуществлению функций, которыми они наделялись согласно новому нормативному правовому акту. Центральной причиной указанной ситуации выступило то, что значительная часть муниципальных образований российского государства пока не располагает необходимой экономической, а также финансовой базой [9, с. 25].

Таким образом, в условиях существующих ограничений собственных финансовых ресурсов, которые обеспечивают воплощение в жизнь планов экономического и социального развития муниципальных образований, а также тех или иных программ, важно привлекать инвестиции, собирать сбережения организаций и населения, а также создавать условия для привлечения капитала, также и иностранного. Следует указать, что в территориальных и хозяйственных системах инвестиции исполняют блок необходимых ролей. Они включают поддержание инновационного процесса, обеспечение расширенного воспроизводства, а также организация условий стабильного роста в экономике [10, с. 513].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) / Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985) / «Собрание законодательства РФ», 07.09.1998, № 36, ст. 4466.
3. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / «Собрание законодательства РФ», 06.10.2003, № 40, ст. 3822.
4. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 14.03.2022) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» / «Собрание законодательства РФ», 01.03.1999, № 9, ст. 1096.
5. Бабичев И. В. Нормы-принципы Европейской хартии местного самоуправления как составная часть правовой доктрины российской модели местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 67–74.
6. Валинурова Л. С., Исхакова Э. И., Казакова О. Б., Кузьминых Н. А. Основные тенденции формирования инвестиционной привлекательности муниципальных образований // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2018. № 5 (143). С. 4–9.
7. Зайцева М. В., Никитина П. В., Хачатурян О. О. Инвестиции как инструмент социально-экономического развития территории // М. В. Зайцева / Управление в XXI веке — проблемы и перспективы: сб. трудов. Краснодар, 2021. С. 248–251.
8. Колесников С. С. Актуальные проблемы привлечения инвестиций на местном уровне и решения их путем развития инфраструктуры // Вестник экономики и менеджмента. 2021. № 4. С. 14–16.
9. Левина В. В. Реализация финансовых принципов Европейской хартии местного самоуправления как основа муниципального развития // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2017. № 4. С. 20–26.
10. Четошникова Л. А., Табунщикова Л. В. Анализ понятия «финансовый риск» и его роль в системе управления инвестиционной привлекательностью муниципального образования // Экономика и предпринимательство. 2018. № 5 (94). С. 511–513.

К вопросу о допустимости установления законной неустойки посредством издания отдельным органом государственной власти подзаконного акта

Куликов Всеволод Валерьевич, аспирант

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В настоящей статье рассматривается неустойка, установленная на основании закона (законная неустойка). Проводится анализ законодательства Российской Федерации, правоприменительной практики на предмет допустимости или недопустимости установления законной неустойки посредством издания подзаконного акта. Проведен анализ спорных вопросов, связанных с предметом исследования, на основании актов Верховного Суда Российской Федерации. Выявлены определенные пробелы в праве, а именно, существование правовой неопределенности в Гражданском кодексе РФ, в части вопроса возможности установления законной неустойки посредством издания подзаконного акта. На основании правоприменительной практики сделаны выводы, что неустойка, установленная непосредственно законом и неустойка, установленная соответствующим подзаконным актом органа, реализовывающего полномочия по регулированию соответствующей сферы правоотношений, закрепленных за ним законом, будут именоваться законными неустойками.

Ключевые слова: неустойка, законная неустойка, Верховный Суд Российской Федерации, подзаконный акт, судебная практика, нормативно-правовой акт, Постановления Правительства Российской Федерации.

Гражданский кодекс РФ (далее — ГК РФ) предусматривает для кредитора право требовать с должника неустойку определенную законом, иными словами, законную неустойку (п. 1 ст. 332 ГК РФ). Законная неустойка может быть взыскана независимо от того, предусмотрена ли обязанность ее уплаты соглашением сторон [1]. Применяя системное толкование п. 1 ст. 332 ГК РФ и п. 2 ст. 3 ГК РФ логичным представляется вывод, что к числу законов, которыми может быть установлена законная неустойка стоит относить сам ГК РФ, а так же иные федеральные законы, регулирующие правовое положение участников гражданского оборота.

Интересным моментом является вопрос об основании установления законной неустойки. В силу прямого указания п. 1 ст. 330 ГК РФ речь идет о том, что неустойка может быть установлена именно законом, а не иным нормативным правовым актом. Данное указание порождает вопрос о допустимости установления законной неустойки на уровне подзаконных актов, в частности, Постановлений Правительства РФ.

Обращаясь к нормам ГК РФ, мы не найдем прямого запрета на возможность регулирования договорных отношений органами исполнительной власти, однако, тут следует сказать о том, что такое регулирование не должно вступать в противоречия с нормами ГК РФ или иными законами. Данная позиция закреплена в п. 5 ст. 3 ГК РФ. В судебной практике отражена позиция, согласно которой установление неустойки посредством издания подзаконного нормативного акта по общему правилу не допускается, к такому выводу пришел Верховный Суд РФ в своем Решении от 30.06.1999 N ГКПИ 99–491: «При рассмотрении дела судом установлено, что оспариваемые заявителем положения Правил возлагают на потребителя обязанность по уплате неустойки за ненадлежащее исполнение обязательств по договору энергоснабжения (в размере 5-кратной стоимости тепловой энергии и сетевой воды, потребленных сверх договора). Данное обстоятельство признано в судебном заседании и представителями Минтопэнерго России. Между тем в силу ст. ст. 329, 330, 332 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) неустойка (штраф, пени) как один из способов обеспе-

чения исполнения обязательств может быть установлена только законом или договором. При этом, исходя из положений п. 2 ст. 3 ГК РФ, имеются в виду только федеральные законы Российской Федерации. Оспариваемый заявителем правовой акт не является федеральным законом и, следовательно, не может возлагать на потребителя обязанность по уплате неустойки за ненадлежащее исполнение обязательств по договору снабжения тепловой энергией» [2]. Однако, в случаях, когда соответствующий орган, например Правительство РФ, при издании нормативного правового акта реализовывало полномочия по регулированию соответствующей сферы правоотношений, закрепленных за ним законом, установление законной неустойки возможно. К такой позиции пришел Верховный Суд РФ в своем Решении от 17 ноября 2009 г. № ГКПИ 09–1381: «Из содержания пункта 2 статьи 44 Федерального закона «О связи» следует, что законодатель уполномочил Правительство Российской Федерации на регламентацию взаимоотношений пользователей услугами связи и операторов связи при заключении и исполнении договора об оказании услуг связи, включая определение их прав и обязанностей, а также ответственности сторон. Во исполнение данной нормы Правительство Российской Федерации вправе было включить в Правила положение о том, что при неоплате, неполной или несвоевременной оплате услуг связи пользователем у него наступает ответственность в форме уплаты неустойки. При этом в целях защиты интересов пользователей Правительство Российской Федерации установило, что размер неустойки не может превышать 1 процента стоимости неоплаченных, оплаченных не в полном объеме или несвоеременно оплаченных услуг связи по передаче данных за каждый день просрочки вплоть до дня погашения задолженности, но не более суммы, подлежащей оплате. Законность Правил в оспариваемой части подтверждается и пунктом 4 статьи 426 Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепляющим, что в случаях, предусмотренных законом, Правительство Российской Федерации, а также уполномоченные Правительством Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти могут издавать правила, обязательные для сторон при

заключении и исполнении публичных договоров (типовые договоры, положения и т.п.). В силу пункта 1 названной статьи договор по оказанию услуг связи является публичным договором» [3].

После рассмотрения данной правовой позиции необходимо сделать небольшую оговорку. При рассмотрении дела, Верховный Суд РФ не дал правового разъяснения возникшей ситуации в совокупности с положениями ст. 332 ГК РФ. Иными словами, Верховный Суд РФ не затронул вопрос, касающийся самого основания установления законной неустойки. В связи с этим, интересным для рассмотрения является Определение Верховного Суда РФ от 24.02.2016 N305-ЭС15-16052 по делу N А41-76129/2014 (далее — Определение). В рассматриваемом Определении, Верховный Суд РФ делает правильный вывод и указывает на то, что положения о неустойке отраженные в Правилах холодного водоснабжения и водоотведения, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 29.07.2013 N644 [4] (далее — Правила водоснабжения), должны быть рассмотрены в совокупности с положениями ст. 332 ГК РФ. Как следует из материалов дела, спор между сторонами возник в части размера начисленной неустойки. В договоре водоснабжения стороны установили на случай нарушения абонентом своих обязательств неустойку в размере ставки рефинансирования ЦБ РФ, тем самым уменьшив в два раза установленный п. 30 Правил водоснабжения размер. Однако когда абонент не исполнил свои обязательства в части оплаты оказанных услуг по договору водоснабжения, водоснабжающая организация обратилась в суд с требованием об уплате размера начисленной неустойки, рассчитанной в соответствии с Правилами водоснабжения, а не неустойки в размере, установленной договором водоснабжения. Водоснабжающая организация аргументировала это тем, что примененная к правоотношениям с абонентом неустойка является законной и установлена ст. 332 ГК РФ и, следовательно, ее размер можно только увеличить, но не уменьшить (п. 2 ст. 332 ГК РФ). Суд первой инстанции встал на сторону истца, применив п. 2 ст. 332 ГК РФ, тем самым признав неустойку, установленную в подзаконном нормативном правовом акте, законной. Суды апелляционной и кассационной инстанций, напротив, поддержали ответчика, уменьшив на-

половину взысканную судом первой инстанции неустойку, — в размере, предусмотренном договором. Исследуя материалы дела, Верховный Суд РФ в своем Определении указывает следующее: «Как следует из статьи 4, пункта 11 статьи 7 Закона о водоснабжении, Правительство Российской Федерации наделено полномочиями по утверждению правил холодного водоснабжения и типового договора холодного водоснабжения. Правила о водоснабжении должны определять положения, предусмотренные Законом о водоснабжении. Правительство Российской Федерации постановлением от 29.07.2013 N644 утвердило Правила холодного водоснабжения и водоотведения, а постановлением от 29.07.2013 N645 — типовой договор водоснабжения. Правила водоснабжения и типовой договор водоснабжения обязательны для сторон при исполнении публичного договора. Условия договора водоснабжения от 25.06.2014, заключенного между сторонами, не соответствующие правилам и типовому договору (в том числе пункт 6.1), ничтожны (пункт 5 статьи 426 ГК РФ). При таких обстоятельствах у апелляционного и окружного судов не было оснований для применения договорной неустойки и отказа во взыскании неустойки, предусмотренной постановлениями Правительства Российской Федерации» [5].

В качестве еще одного примера установления законной неустойки в подзаконном акте можно привести п. 31 Постановления Правительства РФ от 17 ноября 2001 г. N795 «Об утверждении Правил оказания услуг автостоянок» в котором указано, что в случае нарушения установленного срока оказания услуги или назначенного потребителем нового срока исполнитель уплачивает потребителю за каждый день (час, если в договоре срок определен в часах) просрочки неустойку (пени) в размере трех процентов цены услуги [6].

Таким образом, мы можем увидеть позицию, что неустойка, установленная непосредственно законом и неустойка, установленная соответствующим подзаконным актом органа, реализовывающего полномочия по регулированию соответствующей сферы правоотношений, закрепленных за ним законом, будут именоваться законными неустойками. Условия взыскания такой неустойки, ее размер и порядок взыскания будут устанавливаться соответствующим нормативным правовым актом.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. № 238–239. 08.12.1994.
2. Решение Верховного Суда РФ от 30.06.1999 № ГКПИ99–491 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10. 2000 (извлечение).
3. Решение Верховного Суда РФ от 17.11.2009 № ГКПИ09–1381 // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы КонсультантПлюс.
4. Постановление Правительства РФ от 29.07.2013 N644 «Об утверждении Правил холодного водоснабжения и водоотведения и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.08.2013. № 32. ст. 4306.
5. Определение Верховного Суда РФ от 24.02.2016 № 305-ЭС15–16052 по делу № А41–76129/2014 // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы КонсультантПлюс.
6. Постановление Правительства РФ от 17.11.2001 № 795 «Об утверждении Правил оказания услуг автостоянок» // Российская газета. № 239. 05.12.2001.

Имущественные права детей

Кустова Римма Борисовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Куракина Юлия Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Московский городской педагогический университет

В статье рассматриваются имущественные права детей, предусмотренные действующим семейным и гражданским законодательством, определяются приоритетные направления защиты прав несовершеннолетних, а также современные проблемы обеспечения их соблюдения. Автором определен двойственный характер правового регулирования имущественных прав ребенка, выявлены особенности имущественных прав детей, рассмотрены наиболее популярные способы защиты имущественных прав. В статье делается вывод о необходимости совершенствования существующих способов защиты имущественных прав ребенка.

Ключевые слова: имущественные права, дети, несовершеннолетние, защита прав, ребенок.

Во все времена дети относились к одной из самых незащищенных и уязвимых категорий населения. В силу возраста, несовершеннолетние не могут полноценно распоряжаться своими правами, реализовать предоставленные законом возможности, а также защищаться от злоупотреблений со стороны родителей или органов власти.

Из года в год в России фиксируется все больше случаев нарушений в отношении детей [5, с. 9–10]. Значительная часть нарушений приходится на имущественные права, которые предоставляются несовершеннолетним законодательством Российской Федерации. В научной литературе под имущественными правами понимаются права участников имущественных правоотношений, связанные с владением, пользованием и распоряжением определенным имуществом [1, с. 70–71]. К ним относятся вещные, обязательственные и исключительные права, которыми может распоряжаться ребенок.

Российская Федерация предоставляет гарантии имущественных прав для каждого гражданина в ст. 35 Основного закона страны. На основании положений данной нормы, дети, как и взрослые, могут иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им в предусмотренных законом формах. Недопустимо произвольное лишение несовершеннолетнего принадлежащего ему имущества.

Имущественные права детей закрепляются как в семейном, так и в гражданском законодательстве. Семейный кодекс РФ в ст. 60 провозглашает права несовершеннолетних, вытекающие из его принадлежности к семье и возникающие из семейных правоотношений. К ним относятся следующие права:

- 1) на содержание;
- 2) на доходы и наследство;
- 3) на имущество родителей (при совместном проживании с ними);
- 4) требовать соблюдение закона при распоряжении его имуществом [6].

Важным условием совместного проживания родителей и ребенка является недопустимость произвольного присвоения имущества друг друга [2, с. 18–19]. Так, если ребенок получил имущество в дар или в наследство, родители могут пользоваться таковым только с его согласия, что говорит об уравнивании в имущественных правах несовершеннолетнего с другими участниками семейных правоотношений.

Спецификой прав ребенка на имущество является то, что имея определенную собственность, дети не способны полноценно распоряжаться ей в соответствии с положениями гражданского законодательства. Согласно ст. 28 Гражданского кодекса РФ, до 14 лет ребенок считается неспособным совершать крупные сделки и полноценно распоряжаться своим имуществом. В соответствии со ст. 26 ГК РФ, распоряжение принадлежащими детям ценностями возможно только после 14 лет, и то, с согласия родителей. Без согласия родителей несовершеннолетний может определять судьбу своего заработка, осуществлять авторские права, совершать мелкие сделки и вносить вклады [7]. В иных случаях, за последствия распоряжения ребенком своим имуществом будут отвечать родители.

Принимая во внимание данную особенность, можно сделать вывод, что имущественные права детей достаточно ограничены в правомочии распоряжения. И поскольку они во многом связаны с семейными правоотношениями, права несовершеннолетних вызывают определенные обязанности родителей или законных представителей [4, с. 154–155]. Исполняя таковые, они должны придерживаться правил, которые устанавливаются семейным и гражданским законодательством.

Особенностью рассматриваемых правоотношений является презумпция добросовестности родителей при осуществлении управления имущественными правами детей. И при здоровых семейных отношениях, гарантии надлежащего контроля за имуществом подопечного ребенка не вызывают сомнений. Однако на практике довольно часто встречаются ситуации, когда имущественные интересы детей подвергаются нарушениям. В частности, такое возможно при расторжении брака, при злоупотреблении правами со стороны опекунов, при совершении мошеннических действий должностными лицами и т.д. [3, с. 105–106].

В случае нарушения прав ребенка, законодательство РФ гарантирует его защиту. В соответствии с ч. 2 ст. 7 Конституции Российской Федерации, обеспечивается государственная поддержка, в том числе, детства. Именно обеспечение прав несовершеннолетних и создание эффективного механизма борьбы с нарушениями прав ребенка являются основными приоритетными направлениями государственной политики Российской Федерации.

Гарантиями имущественных прав несовершеннолетних выступают специальные нормы законодательства. В частности:

предусматривающие недопустимость раздела вещей, приобретенных для детей, при разводе супругов; содержащие возможность отступления от принципа равенства долей супругов при разделе имущества, если при этом пострадают интересы детей [8].

В случае нарушения имущественных прав ребенка, можно прибегнуть к предусмотренным гражданским законодательством способам защиты.

Одним из распространенных механизмов защиты прав детей вообще является обращение к государственным органам и должностным лицам. Такой механизм включает в себя судебную защиту и защиту с помощью органов прокуратуры, института омбудсмена (Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, уполномоченного по правам ребенка в субъекте), а также контроль за соблюдением прав ребенка представительными органами власти. Данные механизмы на сегодняшний день являются самыми востребованными на практике. При наличии имущественных споров, достаточно эффективным является механизм судебной защиты. Иски по спорам, связанным с недвижимостью, либо оспариванием сделок, относятся к компетенции судом общей юрисдикции.

Достаточно распространенным способом защиты имущественных прав детей является обращение за разрешением на отчуждение недвижимости, в которой имеется доли ребенка в органы местного самоуправления. Полномочия по выдаче соответствующего разрешения закреплены за органами опеки и попечительства [9].

Менее востребованным на сегодняшний день способом защиты имущественных прав несовершеннолетних является обращение к общественным объединениям, профессиональным союзам и правозащитным организациям (ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 45, ч. 1 ст. 48 Конституции РФ)¹. Такие объединения играют немаловажную роль в анализе и разработке механизмов защиты прав несовершеннолетних и повышении их эффективности,

однако, не имеют таких обширных полномочий на прекращение злоупотребления имущественным правом ребенка, как суд или прокуратура.

Одним из менее популярных способов защиты имущественных прав ребенком является самозащита. В силу специфики умственного и физического развития несовершеннолетних, дети самостоятельно не могут обжаловать действия должностных лиц по подведомственности или обратиться в средства массовой информации.

Принимая во внимание специфику правового статуса ребенка и его реальные возможности противостоять злоупотреблению правами, при нарушении имущественных интересов должностными лицами или законными представителями, наиболее оптимальным способом представляется обращение ребенка за защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста 14 лет — в суд (ст. 56 Семейного кодекса Российской Федерации). Причем, в соответствии с положениями Семейного кодекса РФ, в орган опеки и попечительства должны обратиться также граждане или должностные лица, которым стало известно о нарушениях прав детей.

В российской действительности практически отсутствуют случаи самостоятельного обращения ребёнка за защитой в прокуратуру или в суд, что связано с отсутствием у ребенка специальных знаний о порядке и способах такого обращения. Этот факт повышает возможности для злоупотребления правами несовершеннолетних. Зачастую о нарушении прав ребёнка в семье органам опеки и попечительства становится известно из школы, медицинской организации, либо от соседей. Отсутствие у ребенка фактической возможности самостоятельно жаловаться на злоупотребление его правами говорит о недостаточно разработанном механизме защиты прав ребенка и требует пристального внимания законодателей к вопросу о повышении мер эффективности защиты прав несовершеннолетнего.

Литература:

1. Зубков С. Б. Проблемы правового регулирования имущественных прав несовершеннолетних // Закон и право. 2007. № 10. С. 69–71.
2. Павленко Е. М. Международные стандарты прав ребёнка: новеллы и практика реализации в России // Обеспечение и защита прав ребёнка: международный опыт и российская практика. Сборник научных статей по итогам круглого стола «Защита прав ребёнка», Москва, 16 октября 2015 года / Под общ. ред. Е. М. Павленко. Москва: Права человека, 2016. С. 18–22.
3. Серебрякова А. А., Защита имущественных прав детей. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том 9. № 2. Часть 1. С. 105–110.
4. Советское семейное право: учебник / под ред. В. А. Рясенцева. М.: Юридическая литература, 1982. 256 с.
5. Ежегодный доклад Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка за 2020 г. URL: <https://cdnimg.rg.ru/pril/article/210/41/07/doklad2020.pdf> (дата обращения: 15.03.2022).
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16; 2020. № 11. Ст. 1496.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 1 июля 2021 г. № 295-ФЗ) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5123.
8. Ст. 39, 60 Семейного кодекса Российской Федерации.
9. Федеральный закон от 24 апреля 2008 года № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2021. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 11.03.2022).

¹ В России создан ряд общественных объединений и некоммерческих организаций, занимающихся защитой прав человека вообще и несовершеннолетних в частности, таких как: межрегиональная правовая Ассоциация «АГОРА», общероссийской общественное движение «За права человека», межрегиональная общественная организация «Комитет против пыток», общественная благотворительная организация «Российский детский фонд».

Институт отвода судьи в гражданском процессе

Левковский Владимир Анатольевич, студент;

Толстая Екатерина Алексеевна, студент

Научный руководитель: Филиппов Андрей Евгеньевич, доцент

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

В данной научной статье будет рассмотрен и разобран институт отвода судьи, который позволяет обеспечить справедливое правосудие, доверие и надежность судебной системы. Будут выявлены проблемы и также варианты их решения.

Ключевые слова: институт отвода судьи, ГПК, основания, процесс отвода, ходатайство, злоупотребление, невозможность замены.

The institution of challenging a judge in civil proceedings

This scientific article will review and analyze the institution of judicial recusal, which allows ensuring fair justice, trust and reliability of the judicial system. Problems and solutions will be identified as well.

Keywords: the institution of recusal of a judge, CPC, grounds, recusal process, petition, abuse, impossibility of replacement.

Институт отвода судьи, позволяет гражданину Российской Федерации, отстранить судью от участия в рассмотрении какого-либо дела в случаях, если судья лично, а именно прямо или косвенно, заинтересован в данном исходе дела либо не компетентен. При этом под некомпетентностью понимаются совершение судьей профессиональной ошибки, его неправильные действия по делу, незнание им положений закона [2]. Также институт отвода судьи применяется еще в том случае, когда есть сомнения насчет беспристрастности судьи [4].

В 21 веке гражданин Российской Федерации, имеет право воспользоваться данным правом, чтобы защитить свои права и свободы. Данный институт позволяет обеспечить справедливое правосудие, доверие и надежность судебной системы. Но зачастую граждане злоупотребляют данным правом. Тем самым подрывая судебную систему.

Прежде чем разбирать данную проблему, считаем нужным обратиться в гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и разобраться в каких случаях применяется отвод судьи.

В соответствии со статьей 16 ГПК РФ. Основаниями для отвода судьи являются три причины:

1) при предыдущем рассмотрении данного дела участвовал в другом качестве: судьи, свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика, представителя, прокурора, секретаря судебного заседания;

2) является родственником или свойственником кого-либо из лиц, участвующих в деле, или представителей;

3) лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе дела либо имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его объективности и беспристрастности [1].

Участник процесса, который непосредственно заявляет об отводе судьи, должен привести веские доказательства заинтересованности. К примеру, судья высказывает личное мнение по данному процессу, в котором участвует, это будет являться косвенной заинтересованностью. Прямой будет являться тогда, когда судья, которого отводят от председательствования по делу, получает выгоду, тем самым прямой заинтересованностью будет: дружба, вражда или служебная зависимость.

В ГПК РФ статье 17, указывается также дополнительные причины отвода судьи, ими являются: мировой судья, рассматривавший дело, не может участвовать в рассмотрении этого дела в суде апелляционной, кассационной или надзорной инстанции; судья, принимавший участие в рассмотрении дела в суде первой инстанции, не может участвовать в рассмотрении этого дела в суде апелляционной, кассационной или надзорной инстанции; судья, принимавший участие в рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции, не может участвовать в рассмотрении этого дела в суде первой, кассационной или надзорной инстанции; судья, принимавший участие в рассмотрении дела в суде кассационной инстанции, не может участвовать в рассмотрении этого дела в судах первой, апелляционной и надзорной инстанций; судья, принимавший участие в рассмотрении дела в суде надзорной инстанции, не может участвовать в рассмотрении этого дела в судах первой, апелляционной и кассационной инстанций [1].

Если же обсуждать непосредственно сам процесс отвода, то он решается судом в совещательной комнате без присутствия самого отводимого, если во время голосования получится равное количество голосов, то будет произведен отвод лица. Если идет речь об отводе всех судей или определенной части, то данный вопрос решается всем составом суда. Также, если дело рассматривает единолично судья и ему был заявлен отвод, то данное заявление он рассматривает также самостоятельно. Судья, рассматривающий дело единолично, вправе разрешить вопрос об отводе или самоотводе путем вынесения мотивированного протокольного определения без удаления в совещательную комнату.

Институт отвода судьи имеет самую насущную проблему. Самая яркая из них, это проблема злоупотребления данным правом отвода. Граждане подают заявление на отвод зачастую по таким причинам как: личная и иная заинтересованность, сомнение в объективности и беспристрастности судьи. Например, для того, чтобы обвинить судью в беспристрастности достаточно предъявить косвенные, а не прямые доказательства вызывающие сомнения. И сомнения в беспристрастности воз-

никают в случае, когда между судом и участником процесса существуют (или имели место в прошлом) правоотношения различного рода. Так же возможны случаи, когда отвод всему суду заявляется из-за опасений, что проигранный ранее спор, рассмотренный в этом суде, повлияет на решения судей этого суда по текущим спорам. Так как судьи одного суда являются «коллегами» и не станут рассматривать справедливо решения друг друга.

Давно известно, что заявление отвода судьи в гражданском процессе без всяких обоснованных доказательств будет рассмотрено как злоупотребление правом и повлечёт за собой негативные последствия. Основой данной проблемы является то, что заявители данных отводов подвержены максимальными эмоциям, а также размышлениями о том, что длительная серия проигрышей по делам исходит из того, что судья имеет личный интерес к делу.

Гражданский процессуальный кодекс, а именно статья 19 гласит, что с 2018 года в случае отказа в удовлетворении заявления об отводе подача повторного заявления об отводе тем же лицом и по тем же основаниям не допускается. Таким образом законодательный запрет на заявление повторного отвода судье означает, что сторона защиты лишается искомого права. Иными словами, повторный отвод судье остается без рассмотрения.

В основном, стороны начинают выражать недовольство на этапе оценки судом доказательств по делу. По законодательству суд самостоятелен, но некоторые участники дел, которые с этим не знакомы считают произволом системы то, что и становится для них поводом для подозрений и жалоб. Если представленная жалоба будет содержать только субъективное отношение заявителя к процессуальной деятельности судей, полноте оценки доказательств по делу и содержания судебных актов и не содержать объективных обстоятельств, которые были бы подтверждены материалами дела, подтверждающие наличие с учетом пункта 3 части 1 статьи 16 ГПК РФ. Соответственно такие доводы будут отклонены.

Если же заявление об отводе судьи было удовлетворено, то в соответствии со статьей 21 Гражданского Процессуального Кодекса РФ, будет осуществлен отвод судьи. Дело, которое он рассматривал будет передано другому судье того же судебного района, но в случаях, когда этот отвод невозможен, по причине отсутствия судьи, то данное дело будет передано вышестоящим судом судье другого района.

Также при отводе всего состава суда при рассмотрении дела в районном суде, дело будет также рассматриваться в том суде,

но при этом другим судьей и составом суда, либо оно будет передано на рассмотрение в другой районный суд вышестоящим судом, если же замена судьи в том суде невозможна.

Необходимо отметить, что отвод судей и всего состава суда в верховном суде республики, краевом, областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа, апелляционном суде общей юрисдикции, кассационном суде общей юрисдикции, Верховном Суде РФ, то рассматриваемое дело будет рассматриваться в том же суде, но при этом другим составом суда или другим судьей.

Но если все же после удовлетворения заявления об отводе, невозможно заменить судью или образовать новый состав суда, то дело должно быть передано в суд. Тем самым мы можем убедиться, что после отвода дело не будет забыто, все силы суда будут направлены для того, чтобы дело было передано в другой суд и продолжало рассматриваться.

Также вызывает вопрос о самостоятельном отводе судей в судах, а конкретно, когда судья рассматривает заявление единолично о своем отводе в соответствии со статьей 20 ГПК РФ, в которой указано, что «Судья, рассматривающий дело единолично, вправе разрешить вопрос об отводе или самоотводе путем вынесения мотивированного протокольного определения без удаления в совещательную комнату». Мы считаем, что данное положение нужно пересмотреть, хотя данная норма была на пересмотре неоднократно у Конституционного Суда РФ, который считает, что данная норма, наоборот, снижает затягивание дела.

Было бы предпочтительней, если об отводе одного судьи, не рассматривал сам отводимый, а кто-то другой. Считаем нужным пересмотреть положение в ГПК о самостоятельном рассмотрении судьей первой инстанции собственного отвода. По мнению М. И. Клеандрова, часть судей после отказа в удовлетворении слабо мотивированного, либо обоснованного мнимыми доводами — ходатайства о собственном отводе, испытывают дискомфорт в ходе ведения процесса и на подсознательном уровне пытаются доказать заявившей отвод стороне, что она была не права и это влияет на ход процесса [3].

И подводя итоги данной статьи, хотелось бы отметить, чтобы судебное разбирательство не затягивалось надолго, нужно приводить только достоверные факты, чтобы заявить ходатайство об отводе судьи, а также было бы неплохо, если на законодательном уровне в ГПК РФ внесли статью, чтобы в обязанности судьи входило самостоятельное оглашение фактов, которые бы предупреждали о возможной предубежденности этого судьи или иной заинтересованности в исходе дела.

Литература:

1. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N138-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 10.03.2022)
2. Руднев В. И. Некомпетентность судьи как основание для его отвода и прекращения полномочий // Журнал российского права. 2003. N7.
3. Клеандров, М. И. Судья: прежде всего человек, а потом функция? Или наоборот? // Российский судья. 2011. № 7. С. 45.
4. Власов А. А. Гражданское процессуальное право: Учебник. М.: Велби, 2003.

Классификация рисков деятельности коммерческих корпораций: правовой аспект

Лукина Оксана Алексеевна, студент магистратуры

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Санкт-Петербург)

В статье автор анализирует соотношение предпринимательского и правового рисков деятельности коммерческих корпораций и рассматривает предложенные цивилистами классификации рисков.

Ключевые слова: риск, коммерческая корпорация, корпорация, классификация, правоотношение.

Вопрос стабильного функционирования коммерческих корпораций особо остро стоит в условиях современного экономически нестабильного периода для ряда корпораций ввиду геополитической ситуации в мире, связанной в том числе с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций.

Занимаясь коммерческой деятельностью, корпорация сталкивается с предпринимательским риском, который является критерием предпринимательской деятельности.

Категория «риск» в современных условиях развития отечественного права и экономики является сложной и многоотраслевой категорией. Она отражена во многих нормах гражданского законодательства, однако раскрывается она по-разному, с использованием различной терминологии.

Под риском предлагается понимать признак предпринимательских отношений, регулируемых гражданским законодательством, который возникает в условиях возможного наступления для их участников неблагоприятных последствий, существенно изменяющий свойства данных отношений и поведение их участников.

Существует множество классификаций рисков коммерческих корпораций с экономической точки зрения, к которым относят финансовые, операционные, политические, инвестиционные и др. риски [1, с. 8].

Вместе с тем тема классификации правовых рисков в деятельности коммерческих корпораций является малоизученной и единого мнения о классификации не сложилось.

Риск как элемент предпринимательской деятельности коммерческой корпорации связан непосредственно с осуществлением такой деятельности.

Проблема распределения рисков и ограничения ответственности является базовой предпосылкой формализации юридических лиц в качестве самостоятельных участников оборота. Вместе с тем сама корпорация представлена управлением, которое позволяет осуществлять деятельность и порождает фактически фикцию юридического лица как ответственного в вопросе рассмотрения риска за решения и действия субъекта правового поля ввиду отсутствия, за неимением органов управления, психического отношения (субъективная теория риска).

Таким образом, коммерческим корпорациям присущи риски, связанные с управлением.

Вместе с тем сам институт ответственности предполагает разные модели, которые могут привести к ее наступлению, что также нельзя ограничить только предпринимательскими рисками.

Ответственность фактически предполагает наступление последствий финансового характера (штраф, возмещение ущерба и др.) или правового (отказ в защите прав, исключение участника общества и др.). Однако необходимо отметить, что финансовые последствия могут стать следствием правовых и наоборот, а также накладываться одновременно. Так, лишение общества лицензии влияет на возможность осуществления ее такой деятельности, а как следствие возможности извлечения дохода. Финансовые же потери могут привести к банкротству. «Одновременно» следует относить к последствиям одного поведения/действия, так, например, квалификация действий лица как злоупотребление процессуальными правами может сопровождаться отнесением всех судебных расходов на него (статья 111 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации) [2].

Таким образом, риски в коммерческой корпорации включают в себя как предпринимательские риски, так и правовые риски, связанные с правовыми последствиями, которые в свою очередь могут также нести или быть следствием риском финансовых потерь.

Для классификации как правовых, так и иных рисков, следует учитывать критерий источника взаимодействия. Так, правовые риски следует разделить на: внешние и внутренние.

К внешним следует отнести риски, связанные с изменением законодательства, действенным влиянием третьих лиц. Вместе с тем представляется, что вариативность внешних рисков настолько велика, что данный элемент классификации следует рассмотреть в теории «от обратного». Так, к внутренним рискам корпорации необходимо отнести все те риски, которые корпорация сама провоцирует, таким образом, все, что не сможет быть отнесено к внутренним, должно быть отнесено к внешним.

Следующую классификацию предлагается рассмотреть по стадиям механизма правового регулирования. Этот подход предложен Ю. В. Трунцевским в 2014 году. Так он выделяет [3, с. 118]:

- 1) Законодательные — нормотворческие;
- 2) Правореализационные.

К законодательному риску в этом варианте классификации относится риск потерь из-за неспособности выполнять требования законодательства. Интересным представляется точка зрения Ю. В. Трунцевского о том, что наступление указанных рисков не связана с деятельностью исполнительного органа коммерческой корпорации ввиду невозможности предвидеть изменение, прекращение или принятие новых нормативно-правовых актов.

К нормотворческим рискам предлагается же отнести некорректность в составлении локальных актов организаций. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что не следует ограничиваться несоответствием локальных актов положениям действующего законодательства. Особое внимание в учете такого риска следует уделить существующей практике, в том числе судебной, но не ограничиваясь ею. Данное замечание представляется важным ввиду диспозитивности положений, позволяющих корпорациям оставлять на свое усмотрение такие моменты как наличие корпоративного договора, кодекса корпоративного управления и др.

Ввиду вышеуказанного, заключение в один элемент классификации и законодательного, и нормотворческого риска в коммерческой организации представляется некорректным.

К правореализационным рискам Ю. В. Трунцевский относит правоприменительные, интерпретационные, другие риски реализации права.

Толкованием (интерпретацией) является «интеллектуально-волевая деятельность по уяснению и разъяснению смысла норм права в целях их наиболее полной реализации, в ходе толкования осуществляется постижение смысла права, расшифровка и обоснование его в форме конкретизирующих понятий, суждений о содержании воли законодателя, а целью толкования правовых актов является раскрытие истинного смысла законодательных норм, каждая из которых представляет собой выраженную в словах мысль законодателя» [4, с. 18].

В связи с вышесказанным, субъективные факторы имеют важнейшее значение, они включают в себя индивидуальные особенности субъектов толкования актов. Такие особенности могут быть выражены в профессиональном уровне, уровне правосознания и иных личностных качествах.

Неверное толкование нормативных предписаний порождает риск некорректной реализации права, которая в свою очередь может привести к признанию сделок недействительными, уголовной ответственности должностных лиц и др.

А. Шувалова предлагает следующую классификацию, беря за основу факторы рисков кредитных организаций [5]:

- 1) Регуляторные риски
- 2) Договорные риски
- 3) Риски из других непубличных правоотношений;
- 4) Риски из публичных правоотношений

Под регуляторными рисками в данной классификации следует понимать риски, связанные с изменением законодательства и несовершенством регулирования той или иной сферы. Данный элемент по смыслу содержит ранее рассмотренные законодательный риск и риск неправильного толкования ввиду недостаточного регулирования определенной сферы и, как следствие, возможного образования пробела в праве.

Договорные риски связаны с закрепленной в соглашениях коммерческой корпорации с контрагентами ответственности за нарушение условий, а также правил выбора применимого права и юрисдикционного органа.

К рискам из других непубличных отношений автор вышеуказанной классификации относит непропорциональное осуществ-

ление деятельности с нарушением прав третьих лиц. В пример приводится использование чужой интеллектуальной собственности.

Выделение такого элемента в классификации представляется некорректным. Автор, предлагая мероприятия по предупреждению такого риска, изначально предлагает проверять легальность использования объекта интеллектуальной собственности, т.е. действовать в соответствии с принципом добросовестности. Однако сам риск предполагает именно риск последствий уже такого недобросовестного использования.

Риски из публичных правоотношений связаны с участием организации в административном, уголовном, арбитражном или гражданском судопроизводстве. Основными элементами, учитываемыми в данном риске, являются санкции, исковые требования, в первую очередь, их размер.

Следует заметить, что автор не приводит примера риска участия организации в уголовном судопроизводстве. Учитывая положения Раздела 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [6] и невозможность участия непосредственно самой организации в уголовном процессе, представляется, что предполагается влияние уголовного процесса на коммерческую корпорацию. Так, к таким можно отнести участие в процессе в качестве подсудимого единоличного исполнительного органа организации и невозможность его осуществлять обычную профессиональную деятельность в корпорации.

Рассмотренная классификация неоднократно становилась объектом рассмотрения исследователей темы правовых рисков в коммерческих корпорациях и отмечается ими как практико-ориентированная, позволяющая наиболее корректно формулировать механизмы управления рисками [7].

Представляется, что практико-ориентированный подход для классификации правовых рисков в деятельности коммерческих корпораций важен и позволяет более точно при рассмотрении каждого элемента риска отражать актуальность происходящих событий и следить за новациями как в праве, так и в бизнесе.

Вместе с тем, предлагается рассмотреть классификацию в зависимости от сферы, предложенную Ю. В. Трунцевским. Данную классификацию он структурирует по мере убывания важности рисков [3, с. 117–118]:

- 1) Риски в сфере недружественных захватов и поглощений;
- 2) Риски в сфере налоговых отношений;
- 3) Риски в сфере владения и управления недвижимостью, а также другими активами компании;
- 4) Риски в сфере корпоративных отношений;
- 5) Риски, возникающие при осуществлении судебно-исковой деятельности;
- 6) Риски, возникающие при заключении договоров с контрагентами.

Риски в сфере недружественных захватов и поглощений автор разделяет с рисками в сфере корпоративных правоотношений несмотря на то, что в цивилистической науке ряд исследователей корпоративных правоотношений относит их к таковым. Однако указанная точка зрения представляется неправильной, поскольку недружественный захват и поглощение могут происходить третьими лицами, не являющимися субъ-

ектами корпоративных правоотношений, однако решения принимаются легальными субъектами корпорации.

К рискам в сфере корпоративных правоотношений следует отнести риски, связанные с управлением коммерческой корпорацией, организационные риски в деятельности лица, управляющего корпорацией.

Таким образом, риски недружественного захвата в коммерческой корпорации прямо связаны с рисками в сфере корпоративных правоотношений, поскольку результатом такого захвата будет являться и захват управления. Отличительными в вышеуказанных рисках является источник — внутренний, т.е. риски исходят из управления действующим лицом, и внешний, т.е. риски исходят из действий третьих лиц.

Исходя из вышеизложенного, в качестве элемента классификации предлагается следующее: риски в сфере управления корпорацией, которые в свою очередь подразделяются на внутренние и внешние.

Понятие «налоговый риск» широко освещается отечественными цивилистами, однако законодательного определения не имеет. Ряд авторов относит к налоговым рискам изменения в налоговой политике, установление новых форм налогообложения, введение новых налогов или отмену налоговых льгот [8, с. 98]. Однако такой подход, как отмечает М.В. Чуб является крайне узким, не учитывающим внутренние причины возникновения налоговых рисков [9, с. 1566].

Представляется, что корректным в рассмотрении вопросов правовых рисков, к рискам в сфере налоговых отношений относить внешние риски, связанные с изменением действующего законодательства и внутренние, связанные с деятельностью ответственных лиц в компании.

Вместе с тем, учитывая обоснование вышеуказанного разделения, следует предложить также вариант элемента классификации, где налоговые риски не будут выделены отдельно, а каждый из элементов войдет в более крупную подгруппу. Так, внешние налоговые риски могут включаться в регуляторные риски, а внутренние — в риски в сфере корпоративных правоотношений.

Выделение рисков в сфере владения и управления недвижимостью представляется крайне узким элементом классификации. Следует отметить, что ряд коммерческих корпораций может не иметь в пользовании недвижимость ввиду возможности зарегистрировать юридическое лицо по адресу проживания одного из учредителей. Так, корректнее будет в основу элемента классификации поместить уточнение автора о том, что риски могут быть связаны с активами компании.

Рассматривая риски, связанные с активами компании, необходимо отметить, что в данном вопросе следует учитывать именно те активы, которые входят в балансовую стоимость активов, поскольку именно такой подход позволяет актуализировать риски в зависимости от отчетного периода.

Риски, возникающие при осуществлении судебно-исковой деятельности обусловлены тем, что одним из концептуальных положений современного процессуального законодательства является состязательность судопроизводства, сопряженная с активностью сторон в судебном процессе. Как отмечает Председатель Арбитражного Суда Уральского округа, И.В. Решет-

никова, именно активность сторон на всех стадиях процесса всегда рассматривалась в науке как одно из ярких проявлений состязательности [10, с. 6–17].

В соответствии с частью 2 статьи 9 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации «Лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или не совершения ими процессуальных действий» [2]. Вместе с тем Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации также провозглашает принцип состязательности процесса (часть 1 статьи 12) [11].

Так, соотнося с субъективной теорией риска, следует сделать вывод, что к рискам, возникающим при осуществлении судебно-исковой деятельности, относятся модели поведения участника процесса. Схожей точки зрения придерживается и И.В. Решетникова, полагая, что «правовое регулирование должно причинно-следственной связью соединить действие (бездействие) лица, участвующего в деле, и возможность наступления негативного для него последствия, к которым прежде всего относится проигрыш в деле» [12, с. 119].

Вместе с тем следует обратить внимание, что указанный элемент классификации предлагается разделить на риски в судах общей юрисдикции, где корпорация может участвовать в процессе как работодатель, как продавец и др. вне зависимости от процессуальной стороны, и судебно-арбитражные риски. Такое разделение обусловлено, во-первых, разными регулирующими актами, а во-вторых, возможностью коммерческой корпорации быть более защищенной стороной в гражданских правоотношениях и, как следствие, в судебном разбирательстве. Такая позиция, в частности, была высказана Верховным Судом РФ в ряде определений по спорам о защите прав потребителей — «Потребитель является наиболее слабой и менее защищенной стороной гражданских правоотношений и основной целью Закона РФ «О защите прав потребителей» является побуждение изготовителя или продавца товара как профессионального участника рынка надлежащим образом исполнять свои обязательства» [13].

Заключающим элементом рассматриваемой классификации являются риски, возникающие при заключении договоров с контрагентами. Указанные риски следует отождествлять с рассмотренными уже в данной статье договорными рисками.

Таким образом, были предметно рассмотрены, предлагаемые цивилистами классификации рисков в деятельности коммерческих корпораций. Следует заметить, что в представленных классификациях отражается сущность правового риска, где элементами риска являются предполагаемое решение, вероятное событие и риск как специфического субъективно-психологического явления.

Проанализировав представленные классификации, предлагается следующая классификация рисков в деятельности коммерческой корпорации с правовой точки зрения:

- 1) Регуляторные риски:
 - законодательные;
 - правореализационные;
 - риски, связанные с созданием и утверждением локальных актов коммерческой корпорации;
- 2) Риски в сфере управления:

- внешние (связанные с захватом управления, недобросовестным влиянием третьих лиц и др.);
- внутренние (исходящие от легальных субъектов управления);
- 3) Риски, связанные с активами корпорации;
- 4) Договорные риски;
- 5) Риски, возникающие из судебно-исковой деятельности:
 - судебно-арбитражные риски;
 - гражданско-процессуальные риски.

Представляется, что предложенная классификация наиболее полно отражает специфику коммерческой корпорации и отражает правовую природу правового риска. Вместе с тем, предложенная классификация сгруппирована таким образом, что позволяет включить классификацию в качестве части в общую классификацию рисков коммерческой корпорации с экономической точки зрения, чем имеет также практико-ориентированную цель, позволяющую выделить экономические риски и смоделировать мероприятия по их митигированию.

Литература:

1. Ларионова, И.А. Управление финансовыми рисками: учебное пособие / И.А. Ларионова.— 2020: Изд. Дом НИТУ «МИСиС», 2020.— 85 с.— Текст: непосредственный.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) // Российская газета.— 2002.— № 137.
3. Трунцевский, Ю. В. Правовые риски: понятие и виды: публ. по материалам научного круглого стола / Ю. В. Трунцевский // М.: Финансовый университет.— 2014.— С. 115–120.
4. Бошно, С. В. Толкование норм права / С. В. Бошно.— Текст: непосредственный // Право и современные государства.— 2013.— № 4.— С. 17–25.
5. Шувалова А. Система оценки правовых рисков — роскошь или необходимость? [Электронный ресурс].— URL: <http://www.garant.ru/article/583261/> (дата обращения: 21.05.2022).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Парламентская газета. 2001.— № 241–242.
7. Корень, Д. С. Правовые риски в деятельности коммерческих организаций: понятие, сущность и виды / Д. С. Корень. // Молодой ученый.— 2021.— № 25 (367).— С. 303–308.— URL: <https://moluch.ru/archive/367/82170/> (дата обращения: 09.06.2022).
8. Козенова, Т. С. Налоговое планирование на предприятии: учебник / Т. С. Козенова.— 1-е изд.— М.: Омега-Л, 2021.— 315 с.
9. Чуб, М. В. Внутрикорпоративные налоговые риски: предупреждаем и контролируем / М. В. Чуб. // Экономика, предпринимательство и право.— 2021.— № 6.— С. 1563–1574.
10. Решетникова, И. В. У любого процессуального действия имеются экономические и правовые последствия, видеть их должен и суд, и стороны / И. В. Решетникова. // Закон.— 2012.— № 12.— С. 6–17.
11. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ.— № 46.— 2002.— Ст. 4532.
12. Решетникова, И. В. Теория процессуального риска / И. В. Решетникова. // Закон.— 2002.— № 6.— С. 117–122.
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.08.2014 № 22-КГ14–8.— Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт].— URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=TTY7w5TKY-IqEwjA1&cacheid=C6085C30B43DBC39E0412B2CF350E235&mode=splus&rnd=09XFbw&base=ARB&n=405976#W1NSI8T-GZF27dsVP> (дата обращения: 09.05.2022).

Соотношение домашнего ареста и запрета определенных действий (статьи 107 и 105.1 УПК РФ)

Матвеев Петр Андреевич, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье автором рассматриваются проблемы соотношения мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета переделённых действий. Сделан вывод о том, что введение в текст уголовно-процессуального закона новой меры пресечения в виде запрета определенных действий было целесообразно с точки зрения разграничений понятий полная и частичная изоляция, ранее существовавших в ранее действовавшей редакции ст. 107 УПК РФ. В статье также рассматривается природа запрета определенных действий, делается вывод о необходимости отнесения их не к мерам пресечения, а к иным принудительным мерам, что позволит их распространить на все меры пресечения и одновременно устранил противоречия с ч. 1 ст. 967 УПК РФ.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, Уголовно-процессуальный кодекс российской Федерации, меры пресечения, домашний арест, изоляция, запрет определенных действий.

The ratio of house arrest and prohibition of certain actions (articles 107 and 105.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation)

In the article, the author examines the problems of the correlation of preventive measures in the form of house arrest and the prohibition of prohibited actions. It is concluded that the introduction of a new preventive measure in the form of a ban on certain actions into the text of the criminal procedure law was expedient from the point of view of differentiating the concepts of complete and partial isolation, previously present in the previously valid version of Article 107 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The article also examines the nature of the prohibition of certain actions, concludes that it is necessary to attribute them not to preventive measures, but to other coercive measures, which will allow them to be extended to all preventive measures and at the same time eliminate contradictions with Part 1 of Article 967 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Keywords: criminal proceedings, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, preventive measures, house arrest, isolation, prohibition of certain actions.

Меры пресечения являются одним из самых старейших институтов и одним из самых дискуссионных институтов уголовного судопроизводства. Это связано с тем, что в мерах пресечения, с одной стороны, появляется принудительная сила государства, ограничивающая конституционные права подозреваемого (обвиняемого), с другой стороны, применение мер пресечения ограждает интересы других участников уголовного дела (свидетелей, потерпевшего), а также содействует установлению правосудия и пресечению преступной деятельности обвиняемого. Именно с учетом указанных позиций, применение меры пресечения — это всегда баланс между соблюдением конституционных прав обвиняемого (подозреваемого) и интересами общества при расследовании и рассмотрении уголовных дел в рамках уголовного судопроизводства. В связи с этим, политика нашего государства направлена на гуманизацию применения мер пресечения, при котором приоритет отдается тем мерам пресечения, которые не связаны с заключением под стражу [1, с. 472].

Домашний арест как мера пресечения была введена в уголовное судопроизводство, как альтернатива заключению под стражу и является для российского правопорядка относительно новой. Под домашним арестом следует понимать ограничение, целью которого является обеспечение должного поведения подозреваемого (обвиняемого) в условиях «мягкой» изоляции при проживании в собственном жилом помещении, либо ином жилом помещении, указанном в законе, при условии возможного применения дополнительных запретов (ст. ст. 107, 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2], далее — УПК РФ).

В 2018 году в УПК РФ были внесены существенные изменения в системы мер пресечения, в результате чего в тексте уголовно-процессуального закона появилась новая мера пресечения — запрет определенных действий, которая по прямому указанию законодателя может применяться в качестве самостоятельной меры пресечения, а также совместно с залогом или домашним арестом (ст. 105.1 УПК РФ) [3]. При этом, следует согласиться с точкой зрения тех исследователей, которые полагают, что и другие запреты, которые содержатся в современной редакции ст. 105 УПК РФ, были выделены законодателем из ранее действовавшей формы домашнего ареста, при котором обвиняемому могло быть запрещено общаться с определёнными людьми, использовать мобильную связь или пользоваться телекоммуникационными сетями, включая сеть Интернет. В со-

временном прочтении, данные и иные запреты представляют собой отдельную меру пресечения [4, с. 554].

Внесение указанных изменений на практике повлекло определенные проблемы.

Системный анализ положений УПК РФ показывает, применение одновременно двух мер пресечения невозможен, о чем прямо указано в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, в которой указано, что уполномоченное лицо вправе выбрать только одну из мер пресечения и применить ее к лицу, а ч. 1.1 ст. 97 УПК РФ прямо указывает на то, что запрет определенных действий является дополнительной обязанностью, которую суд может наложить на обвиняемого при применении таких мер пресечения как залог, домашний арест. связи с этим, некоторые исследователи ставят под сомнение отнесение запрета определенных действий собственно, к мерам пресечения

В связи с этим, следует обратить внимание на позицию А. Р. Белкина, который полагает, что запрет определенных действий нельзя относить к мерам пресечения, а следует именовать иной мерой принуждения, и ввести возможность ее применения дополнительно ко всем мерам пресечения [5, с. 44].

М. В. Корнякова так же отмечает, что «происходит смешение разнопорядковых категорий — запреты как мера пресечения в данном случае понимается в качестве дополнительных обязательств подозреваемого или обвиняемого» [6, с. 74].

Вместе с тем, введение данной меры пресечения имело и положительную сторону и представлялось целесообразным не только с точки зрения юридической техники, но и с точки зрения более точного определения содержания домашнего ареста как меры пресечения.

Так, в соответствии с действующей редакцией ст. 107 УПК РФ суть домашнего ареста как меры пресечения состоит в изоляции об общества, без таковой он не может применяться, изоляция — это одно из существенных признаков домашнего ареста. Как отмечает В. В. Агильдин, «степень изоляции гораздо мягче, чем при заключении под стражу, но все-таки это изоляция. А мягкость данной изоляции выражается, в основном, в месте исполнения данной меры пресечения» [7, с. 6].

В ранее действовавшей редакции, изоляция при домашнем аресте могла быть полной или частичной — в зависимости от обстоятельств дела, личности обвиняемого и тяжести совершенного им преступления. Указанными изменениями частичная изоляция при домашнем аресте была изъята из ст. 107

УПК РФ и преобразована в запрет, предусмотренный п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

В связи с этим, в научном сообществе ставился вопрос о целесообразности внесенных изменений, так как указанные запреты применялись в прежней редакции ст. 107 УПК РФ.

Такое решение законодателя, с одной стороны, обосновано тем, что необходимо разграничивать сроки, засчитываемые в срок содержания под стражей и впоследствии — в срок наказания, так как по своей природе заключение под стражу и домашний арест с правом покидать жилище являются несоизмеримым по тем последствиям и ограничениям, которые переживает подозреваемый (обвиняемый) [8, с. 116]. С другой стороны, домашний арест в ныне действующей редакции в большей степени отвечает степени строгости и месту в иерархии мер пресечения, как наиболее строгая мера пресечения после заключения под стражу. Кроме того, с исключением из нее частичной изоляции, домашний арест в правовом смысле стал в большей степени отвечать термину «арест», используемому в названии меры пресечения, а также той степени ограничения свободы, которая допускается при избрании данной меры пресечения.

Решение проблемы соотношения домашнего ареста и запрета определенных действий видится или в вынесении запретов определенных действий за пределы мер пресечения и отнесения их

к иным мерам процессуального характера, что позволит их распространить и на иные меры пресечения, например, подписку о невыезде, с одновременной дифференциацией срока меры пресечения и ее учета при назначении уголовного наказания по приговору суда в зависимости от критерия ограничения свободы передвижения или лишения свободы (заключение под стражу — полная изоляция в специализированных местах, и ограничение свободы в условиях домашнего ареста), так как в принципе невозможно сравнивать изоляцию от общества в условиях специализированных учреждений, в которых теряются социальные связи, возможность работать, рушатся семейные и иные отношения, с условиями даже полной изоляции в условиях собственного жилища, позволяющих в большей степени сохранять социальные и семейные связи, работу, сохранять источник дохода, что особенно важно с точки зрения возможности возмещения ущерба, причиненного преступлением.

Таким образом, введение новой меры пресечения в виде запрета определенных действий должно было не только дифференцировать именно домашний арест с изоляцией от общества и придать ему более четкие черты, но и последовательно реализовать принцип справедливости в уголовном судопроизводстве в отношении исчисления сроков при избрании мер пресечения и их учет при назначении наказания.

Литература:

1. Семёнов Е. А., Давыдова М. Г. Понятие и правовая природа домашнего ареста как меры процессуального принуждения // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 2 (36). С. 472–479.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 9 марта 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 17. Ст. 2421.
4. Филатова А. Ю., Жерновая Ю. Е., Леплявкина Е. С. Домашний арест и запрет определенных действий: сравнительно-правовая характеристика // Аллея науки. 2020. Т. 1. № 12 (51). С. 553–557.
5. Белкин А. Р. Запрет определенных действий — хорошо ли он определен? // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 2. С. 43–50.
6. Корнякова М. В. Соотношение домашнего ареста и запрета определённых действий: проблема эффективности новой меры пресечения // Альманах молодого исследователя. 2021. № 10. С. 71–75.
7. Агильдин В. В. Домашний арест в контексте Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: проблемы реализации в российском уголовном судопроизводстве (к 25-летию членства Российской Федерации в Совете Европы): материалы международной научно-практической конференции. Редколлегия: К. А. Волков (отв. редактор) [и др.]. Хабаровск, 2021. С. 5–8.
8. Рудич В. В. Механизм применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2020. 538 с.

Особенности и виды дел упрощенного производства в гражданском процессе

Мирзоян Ольга Арсеновна, студент;

Камендатын Анна Оганесовна, студент

Научный руководитель: Филиппов Андрей Евгеньевич, доцент

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

Данная статья содержит информацию об особенностях и видах дел упрощенного производства в гражданском процессе, основные документы и нормы, которые регулируют данную сферу, а также цель и роль упрощенного производства в гражданском процессе.

Ключевые слова: упрощенное производство, гражданский процесс, особенности, иск, дело, судопроизводство.

Упрощенное производство в гражданском процессе пришло из Арбитражного процессуального кодекса (далее — АПК РФ), который был принят в 2013 году, а также после принятия Федерального закона от 02.03.2016 года № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» в 2016 году, в котором данный вид производства выделяется в отдельную главу в Гражданском Процессуальном Кодексе РФ (далее — ГПК РФ) [1]. Однако, такой вид решения споров не был новым для российского законодательства и судопроизводства, ведь положения об упрощенном производстве на момент 2002 года уже были в Арбитражном Процессуальном Кодексе РФ (далее — АПК РФ).

Упрощенное производство — это не метод, а вид производства. Также можно сказать, что этому послужило активное сближение ГПК РФ и АПК РФ, которые стали перекликаться и которые необходимо рассматривать в совокупности и взаимодействии при судопроизводстве.

Если говорить о субъектном составе, то можно выделить следующие субъекты, которые могут обратиться в суд с иском в гражданском процессе.

Субъектный состав в гражданском процессе

Говоря об упрощенном производстве, стоит отметить, что с иском также по требованиям может обратиться и прокурор в пределах своего ведения.

Выделяются следующие виды дел, которые рассматриваются в рамках упрощенного производства в гражданском процессе:

- 1) Дела о взыскании денежных средств или об истребовании имущества, при цене иска, не превышающей 100 000 рублей (кроме дел приказного производства);
- 2) Дела о признании права собственности при цене иска, не превышающей 100 000 рублей;
- 3) Дела, которые основаны на предоставленных истцом документах, устанавливающие денежные обязательства ответчика, которые он признает, но не исполняет и (или) при подаче иска, который основывается на документах, подтверждающих задолженность по договору (кроме дел приказного производства).
- 4) Дела, которые поступают в упрощенном порядке либо начинают упрощенную процедуру в силу прямого указания закона, либо по соглашению.

Существуют и положения в гражданском процессе, которые освещают такие виды дел, не подлежащих рассмотрению в упрощенном производстве [3]:

- 1) Дела, возникающие из административных правоотношений;
- 2) Дела, связанные с государственной тайной;
- 3) Споры, затрагивающие права детей;
- 4) Дела особого производства.

В положениях ГПК РФ указано, что дела упрощенного производства рассматриваются мировыми и районными судами.

Но различить ведение мирового суда и районного помогает различие в цене иска.

Так, мировые суды занимаются следующими делами упрощенного производства:

- 1) Дела о взыскании денежных средств или об истребовании имущества;
- 2) Дела о признании права собственности при цене, не превышающей 50 000 рублей.

Но существуют и исключения, такие как дела о наследовании имущества и дела о создании и использовании интеллектуальной собственности.

Районные суды занимаются следующими делами упрощенного производства:

- 1) Дела о взыскании денежных средств или об истребовании имущества при цене, не превышающей 100 000 рублей;
- 2) Дела о признании права собственности с ценой, не превышающей 100 000 рублей;
- 3) Дела, которые основаны на предоставленных истцом документах, устанавливающие денежные обязательства ответчика, которые он признает, но не исполняет и (или) при подаче иска, который основывается на документах, подтверждающих задолженность по договору (кроме дел приказного производства).

В законодательстве закреплено, что если в исковом заявлении присутствует несколько требований, то суд вправе выделить одно или несколько требований, если посчитает это целесообразным. Если требования не будут выделены судом в отдельное производство, то дело будет рассмотрено с позиции упрощенного производства.

Также особенностью упрощенного производства в гражданском процессе является то, что исковое заявление и документы можно подавать в суд по общим правилам подсудности, которые закреплены в ГПК РФ [6].

Субъекты упрощенного производства могут предоставить в суд, а также друг другу дополнительные документы и сведения по существу, которые более полно отражают требования или возражения по данному делу в установленный для этого срок [2].

Стоит учитывать, что данные документы не должны содержать доказательства, которые не были предоставлены в срок. Суд может рассмотреть доказательства, которые были предоставлены до вынесения решения, однако, после установленного срока, если на это имеется уважительная причина [2].

Во время рассмотрения дела в упрощенном производстве не действуют правила о ведении протокола и об отложении разбирательств.

Таким образом, можно сделать вывод, что цель упрощенного порядка решения споров — это упрощение рассмотрения споров. Данное упрощение заключается в том, что гражданские дела рассматриваются за гораздо меньший срок, при этом, дела являются прямо не определенными законодательством, но закрепленными судом и отдельными правилами ГПК РФ.

Изучив правила о сроках, закрепленные в ст. 232.3 ГПК РФ, можно сделать вывод, что гражданский процесс предусматривает 15 дней для раскрытия доказательств, а 30 дней — для выяснения и донесения сторонами своих позиций [2].

Несмотря на все нормы и законодательство, остается открытым вопрос о том, что в ГПК РФ отсутствуют предельные сроки для рассмотрения дел по упрощенному производству, но в арбитражном процессе такой срок установлен.

В упрощенном производстве не разрешается часть спора рассмотреть в упрощенном порядке, спор рассматривается пол-

ностью. Если существуют требования, которые могут быть выявлены в упрощенном порядке, они должны рассматриваться в общем исковом производстве.

Таким образом, можно сделать вывод, что упрощенный порядок решения споров имеет свои особенности, а также виды дел, которые подлежат рассмотрению в таком порядке, что закрепляется законодательстве, преследуя главную цель: сокращение и упрощение рассмотрения дел по данному направлению.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N138-ФЗ (ред. от 16.04.2022) глава 21.1. / КонсультантПлюс / Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/5c304eb489114aa4c-9c69614ce6f328ede151eb5/ (дата обращения 12.05.22)
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N138-ФЗ (ред. от 16.04.2022) ст. 232.3 / КонсультантПлюс / Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/3de179c66e232017e7d397f-f634a3d40d19838aa/ (дата обращения 12.05.22)
3. Маркин Сергей Владимирович Об упрощенном производстве в гражданском процессе // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-uproschennom-proizvodstve-v-grazhdanskom-protseesse> (дата обращения: 13.05.2022).
4. Восканян, М. Р. Особенности и виды дел упрощенного производства в гражданском процессе / М. Р. Восканян, Ю. А. Широкопяс. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 22 (208). — С. 216–218. — URL: <https://moluch.ru/archive/208/50865/> (дата обращения: 12.05.2022).
5. Решетникова И. В. Эволюция гражданского судопроизводства в России // Российская юстиция. 2019. № 1.
6. Бортникова Н. А. Упрощенные производства в гражданском судопроизводстве / Издательские решения — 2020 — С. 249.

Категория конституционно-правового статуса Правительства Российской Федерации: понятие и структура

Морковкина Валерия Михайловна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассматриваются теоретические подходы к определению понятия конституционно-правового статуса Правительства Российской Федерации и выделяются наиболее общие характеристики исследуемого явления. Также в данной работе проведен анализ теоретических определений понятий статуса, правового статуса и конституционно-правового статуса, на основе чего сформулировано авторское определение конституционно-правового статуса Правительства Российской Федерации.

Ключевые слова: Правительство Российской Федерации, конституционно-правовой статус Правительства Российской Федерации, статус, правовой статус, конституционно-правовой статус.

Category of the constitutional and legal status of the Government of the Russian Federation: concept and structure

Morkovkina Valeriya Mikhaylovna, student master's degree

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)

The article discusses theoretical approaches to defining the concept of the constitutional and legal status of the Government of the Russian Federation and highlights the most general characteristics of the phenomenon under study. Also in this work, the analysis of theoretical definitions of the concepts of status, constitutional status and legal status is carried out, on the basis of which the author's definition of the constitutional and legal status of the Government of the Russian Federation is formulated.

Keywords: *Government of the Russian Federation, constitutional and legal status of the Government of the Russian Federation, status, legal status, constitutional and legal status.*

Понятие и структура конституционно-правового статуса Правительства Российской Федерации представляет собой весьма сложную категорию. В научной литературе существует ряд различных определений данного понятия, однако для более полного и точного исследования данной категории необходимо дать определения основных структурных составляющих данного понятия, а именно: статус, правовой статус, конституционно-правовой статус. После определения данных категорий можно сформулировать более точное и полное определение понятия конституционно-правового статуса Правительства Российской Федерации.

Понятие «статус» является многоаспектным. В правовой науке термин «статус» используется для характеристики разнообразных правовых категорий. При этом следует отметить, что само это понятие является слабо исследованным с точки зрения понимания присущих ему признаков и его юридической конструкции. Между тем, данная категория используется правоведами при исследовании правовой системы, законности, сущности права и государства, правовых состояний, правовой культуры и т.д. Статус закрепляет в себе общие для всех субъектов юридические характеристики. Также под статусом понимается сочетание статики и динамики, выражающееся в фундаментальных характеристиках субъекта права, и изменчивом характере элементов статуса субъекта правоотношения [12].

Таким образом, под статусом понимается совокупность стабильных значений параметров объекта или субъекта, совокупность их характеристик.

Понятие правового статуса представляет собой более конкретную и специфическую категорию. Правовой статус в нормативном смысле, будучи составной частью системы права, выступает в качестве относительно самостоятельного регулятора общественных отношений. С помощью данной юридической категории определяется природа, место субъектов права в системе общественных отношений, их права и обязанности по отношению к иным субъектам и т.п. [7].

Под правовым статусом понимается установленное нормами права положение его субъектов, совокупность их прав и обязанностей. Основными составляющими правового статуса являются: правосубъектность, установленные законом права и обязанности, гарантии установленных прав, ответственность субъекта за неисполнение обязанностей. [5].

Следующим понятием, анализ которого необходимо провести, является понятие конституционного статуса. Конституционный статус является наиболее точным и конкретным, однозначным понятием.

Под конституционным статусом понимается положение того или иного субъекта (объекта), закрепленное Конституцией Российской Федерации. Понятие положение подразумевает под собой основные характеристики данного субъекта (объекта), его права и обязанности, ответственность, а также иные аспекты его положения в системе общественных отношений [7].

Конституционный статус рассматривается, прежде всего, Конституцией РФ и не зависит от различных текущих обстоятельств, является универсальным — единым для всех, характеризуется относительной статичностью, обобщенностью. Содержание этого статуса составляет главным образом те права и обязанности, которые предоставлены и гарантированы Конституцией.

После определения основных составляющих изучаемого понятия необходимо перейти к его комплексному анализу и определению.

Дефиниция понятия конституционно-правового статуса является более конкретной и специализированной.

Конституционно-правовой статус является более полной юридической категорией, так как регулируется нормами не только конституции, но и других источников конституционного права. Этот статус более разносторонен и богат по содержанию [9].

Основным определением понятия конституционно-правового статуса является следующее: закрепленное конституцией и иными источниками конституционного права положение того или иного субъекта (объекта) в системе общественных отношений.

Более детальная и конкретная характеристика понятия конституционно-правового статуса зависит от того объекта, к которому применяется данная категория. Конституционно-правовой статус может быть применим к физическим лицам, юридическим лицам, органам государственной и муниципальной власти, а также к иным публично-правовым образованиям.

Подводя итог всей информации, приведенной выше, необходимо сделать вывод о то, что категория понятия конституционно-правового статуса является комплексной, состоящей из многих отдельных и самостоятельных понятий.

Под конституционно-правовым статусом понимается закрепленное конституцией, а также иными источниками конституционного права положение определенного субъекта (объекта) в системе общественных отношений. Под положением понимаются законодательно закрепленные права и обязанности данного субъекта (объекта), ответственность и иные особенности взаимодействия с обществом [7].

После определения понятия конституционно-правового статуса необходимо перейти к определению и анализу конституционно-правового статуса Правительства Российской Федерации.

На основе анализа определений всех представленных выше составных понятий можно сформулировать следующее определение понятия конституционно-правового статуса Правительства Российской Федерации: закрепленное в Конституции Российской Федерации, а также в иных источниках конституционного права, положение Правительства Российской Федерации в системе общественных отношений.

Под иными источниками конституционного права, в данном случае, подразумевается Федеральный конституци-

онный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [3].

Данный закон более детально регламентирует все правовые особенности деятельности Правительства Российской Федерации, которые обозначены в Конституции Российской Федерации.

После определения понятия конституционно-правового статуса Правительства Российской Федерации необходимо обозначить его основную структуру, то есть его основные составляющие.

Под основными составляющими конституционно-правового статуса Правительства Российской Федерации подразумеваются права, обязанности и ответственность данного органа власти.

Перечисленным выше вопросам посвящена глава 6 Конституции Российской Федерации [1], а также все положения Фе-

дерального конституционного закона от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [3].

Данные нормативно-правовые акты закрепляют все права, обязанности и ответственность правительства Российской Федерации.

Таким образом, подводя итог всей информации, представленной выше, можно сделать вывод о том, что под конституционно-правовым статусом Правительства Российской Федерации понимается закрепленное в Конституции Российской Федерации, а также в иных источниках конституционного права, положение Правительства Российской Федерации в системе общественных отношений, основными составляющими которого являются права, обязанность и ответственность данного органа власти.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ от 2009, № 4, ст. 445.
2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета, 16.03.2020, № 55, ст. 8109.
3. Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 года № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [ред. от 06.11.2020] // Собрание законодательства РФ от 2020 г., № 45, ст. 7061.
4. Агапов А. Б. Административное право. Общая часть: учебник / А. Б. Агапов. — М.: Юрайт, 2019. — 542 с.
5. Алжеев И. А., Власенко И. Б. Конституционное право Российской Федерации: учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / И. А. Алжеев, И. Б. Власенко. — М.: Статут, 2014. — 87с.
6. Барабашев А. Г. Государственное и муниципальное управление. Технологии научно-исследовательской работы: учебник для вузов / А. Г. Барабашев, А. В. Климова. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 194 с.
7. Безруков, А. В. Конституционное право России: учебное пособие / А. В. Безруков. — М.: Юстицинформ, 2019. — 213с.
8. Гимазова Ю. В. Государственное и муниципальное управление: учебник для вузов / Ю. В. Гимазова; под общей редакцией Н. А. Омельченко. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 453 с.
9. Галаятдинов Р. Ф., Хакимов Н. Н. Понятие конституционно-правового статуса Правительства Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2015. № 10. С. 15–19.
10. Занко Т. А., Конституционные поправки 2020: влияние на федеральную исполнительную власть // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 3. С. 7–22.
11. Кобзарь-Фролова М. Н., Правительство Российской Федерации в системе органов публичной власти: политико-правовые связи Правительства // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 2. С. 116–126.
12. Редких С. В., Понятие правового статуса: формально-правовой контекст // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 3. С. 42–45.

Правовая природа соучастия в преступлении в уголовном праве России

Мухаметдинов Дмитрий Маратович, студент магистратуры

Научный руководитель: Дробот Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В статье автор исследует вопросы правовой природы соучастия в российском законодательстве и признания акцессорной теории соучастия.

Ключевые слова: соучастие, акцессорная природа соучастия, институт соучастия.

Институт соучастия, с момента его появления и до настоящего времени, считается одним из дискуссионных в доктрине уголовного права. Вопрос о правовой природе данного

института является достаточно спорным. Теория уголовного права выделяет две концепции, которые обосновывают правовую природу соучастия в преступлении: акцессорная теория

и теория самостоятельной, независимой от других соучастников ответственности.

Акцессорная теория соучастия была разработана представителями англосаксонского права еще в Средние века, свое дальнейшее развитие она получила в конце XVIII века во Франции. В то время уголовно-правовая оценка преступлений, совершенных соучастниками, полностью зависела от квалификации деяния, совершенного исполнителем. Акцессорная природа соучастия подразумевает под собой правило: *accessorium sequitur principale* (второстепенное следует за главным) и основана на двух основных положениях:

1) соучастники не могут быть осуждены без осуждения и назначения наказания исполнителю;

2) квалификация действий, совершенных соучастниками, возможна только по той же статье, что и действия исполнителя.

Отсюда можно сделать вывод, что действия таких соучастников, как организатор, подстрекатель и пособник, расцениваются как дополнительные, к действиям исполнителя.

Характеризуя данный подход к природе соучастия, дореволюционные российские ученые именовали его не акцессорной теорией, а старейшим направлением или господствующей доктриной. В качестве основной черты рассматривалось наличие у соучастников общего умысла и общая договоренность на совершение преступления.

В юридической литературе большинство ученых рассуждают об акцессорности всего института соучастия, однако некоторые ученые, например Н. С. Таганцев, писали об акцессорности пособничества, а не соучастия в целом. В своей позиции, ученый сузил понятие «акцессорность». По его мнению, положения акцессорной природы могут применяться лишь в тех случаях, когда соучастниками началось осуществление преступного замысла, а говорить об ответственности пособника бессмысленно, если отсутствует деяние исполнителя [1].

В советский период акцессорная теория природы соучастия в преступлении отвергалась в основном по идеологическим причинам, признаваясь буржуазной теорией. Однако некоторые ученые, отвергая данную теорию, обосновывали свою позицию по существу. Одним из противников акцессорной теории, в советский период, являлся М. Д. Шаргородский. Он утверждал, что акцессорность означает установление ответственности не за содеянное соучастником лично, а за содеянное исполнителем, что предполагает объективное вменение и нарушение принципа индивидуальной ответственности [2].

Среди современных ученых сторонниками акцессорной теории можно назвать М. И. Ковалева и А. В. Наумова. Исследователи предлагают об акцессорности говорить применительно к подстрекательству, пособничеству и организаторской деятельности. Поскольку, согласно п. 5 ст. 34 Уголовного кодекса Российской Федерации в случае недоведения исполнителем преступления до конца по независящим от него обстоятельствам, остальные соучастники несут ответственность за приготовление или покушение на совершение преступления, как исполнитель. Время и место содеянного соучастниками будет определяться по времени и месту совершения деяния испол-

нителем. Отсюда Ю. А. Клименко утверждает, что акцессорную природу соучастия правильно применять к отдельным ролям соучастников преступления, а не ко всему институту соучастия в целом, и ввести в понятие «акцессорность вспомогательных ролей при соучастии в преступлении» [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что часть норм института соучастия в преступлении обладают свойствами акцессорной теории.

Теория самостоятельной ответственности соучастников зародилась в континентальном праве конца XIX века. Сутью данной теории стало определение формы преступления для каждого из соучастников и их личной ответственности независимо от ответственности исполнителя. В качестве основания ответственности соучастника рассматривается лишь то деяние, которое было лично им с ссылками на нормы Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

В советский период большинство ученых признавали ответственность соучастника преступления только за те действия, которые он сам совершил, а не за действия исполнителя.

Современные исследователи правовой природы института соучастия также признают, что основанием ответственности соучастников являются преступные действия, совершенные лично ими, а не исполнителем преступления. Это следует из положения ч. 1 ст. 34 Уголовного кодекса Российской Федерации, которое прямо закрепляет, что «ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления» [4].

Также, теория самостоятельной ответственности нашла свое отражение в ряде других норм института соучастия, например, согласно ст. 36 Уголовного кодекса Российской Федерации в случае эксцесса исполнителя, соучастники не несут ответственности за действия исполнителя, выходящие за пределы сговора.

В науке уголовного права, можно встретить позиции ученых, которые не придерживаются ни одной из названных теорий правовой природы соучастия и высказывают предложение о создании смешанной или же комбинированной теории ответственности соучастников.

Так, С. И. Познышев еще в начале XIX века высказал позицию о слабых сторонах обеих теорий. Акцессорная теория, по мнению автора, ограничивает понятия соучастия, не оставляя места для неосторожной вины, а теория самостоятельной ответственности соучастников преступления, наоборот, достаточно широко толкует соучастие в преступлении [5].

С. С. Аветисян утверждает, что различные системы права, провозгласив в качестве основной ту или иную теорию, фактически включают в нее элементы другой, поэтому на основании наиболее рациональных положений обеих теорий, необходимо создать смешанную.

А. Р. Салимгареева также предлагает считать правовую природу института соучастия смешанной, сочетающей в себе как акцессорные, так и самостоятельные положения ответственности соучастников преступления [6].

Двойственную позицию относительно природы соучастия занимает и законодатель, признавая, как самостоятельную при-

роду оснований ответственности соучастников преступления, так и акцессорную природу. С одной стороны, закон ч. 1 ст. 34 Уголовного кодекса Российской Федерации закрепляет самостоятельную ответственность соучастников, которая «определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления»; ч. 1 ст. 67 Уголовного кодекса Российской Федерации «при назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, учитываются характер и степень фактического участия лица в его совершении, значение этого участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда» [4]. С другой стороны, согласно ч. 5 ст. 34 Уголовного кодекса Российской Федерации «в случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление», что закрепляет в уголовном законе принцип акцессорной теории. При недоведении исполнителем преступления до конца действия организатора, подстрекателя, пособника будут квалифицированы по ч. 1 или 3 ст. 30, ч. 3, 4, 5 ст. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации соответственно, и по соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Таким образом, можно сделать вывод, что вопрос о правовой природе института соучастия остается дискуссионным. Одни ученые придерживаются акцессорности в уголовном за-

конодательстве, другие утверждают о самостоятельной ответственности соучастников преступления. Существует и третья точка зрения, которая заключается в необходимости создания «смешанной (комбинированной)» теории правовой природы соучастия. Утверждать, что правовой природе института соучастия присущи обе теории, позволяющие соответствующие статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, закрепляющие как принципы акцессорной концепции, так и принципы самостоятельной ответственности соучастников преступления.

Из всего этого можно сделать следующий вывод. Понятие соучастия формировалось на протяжении всей истории уголовного законодательства России. На каждом ее этапе, существовали различные точки зрения о юридической природе института соучастия. И на сегодняшний день юристы продолжают отстаивать различные позиции относительно понятия соучастия. Помимо разногласий в определении понятия и правовой природы соучастия, немало дискуссий ведется об отграничении института соучастия от иных форм совместной преступной деятельности. К таким формам относят: посредственное исполнение (причинение), неосторожное сопричинение, прикосновенность к преступлению. Главным отличием этих форм преступного сотрудничества от института соучастия является отсутствие одного или нескольких признаков соучастия. Именно поэтому, институт соучастия являлся, и будет являться одним из наиболее дискуссионных в уголовном праве.

Литература:

1. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. // Юридическая Россия. URL: <http://window.edu.ru/resource/307/42307/files/index.html> (Дата обращения: 5.06.2022).
2. Шаргородский, М. Д. Некоторые вопросы общего учения о соучастии // Избранные труды. — СПб., 2004. — С. 529.
3. Клименко, Ю. А. О юридической природе соучастия в преступлении // Актуальные проблемы российского права. — № 4. — 2010. — С. 139.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. — 1996. — № 113.
5. Познышев, С. И. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. — М.: Юристъ, 2000. — С. 376.
6. Салимгареева, А. Р. Проблемы установления в российском уголовном праве юридической природы соучастия в преступлении // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2018. — № 2 (44). — С. 67–68.

Ответственность за нарушение законодательства в области розничной продажи алкогольной продукции

Панченко Юлия Николаевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Таталина Анна Витальевна, кандидат юридических наук, доцент
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

Статья посвящена анализу правового регулирования ответственности за нарушение законодательства в области розничной продажи алкогольной продукции.

Ключевые слова: алкогольная продукция, розничная продажа, ответственность за нарушение правил продажи алкогольной продукции

Responsibility for violation of the legislation in the retail sale of alcoholic products

Panchenko Yuliya Nikolayevna, student master’s degree
 Scientific adviser: Tatalina Anna Vitalyevna, candidate of legal sciences, associate professor
 Pacific State University (Khabarovsk)

The article is devoted to an analysis of the legal regulation of responsibility for violation of the rules for the sale of alcoholic products.

Keywords: alcoholic products, retail sale, the responsibility for violation of the rules for the sale of alcoholic products.

Стремление государства поставить под свой контроль оборот алкогольной продукции исторически было обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, на протяжении веков доходы от продажи алкоголя служили одним из важнейших источников пополнения казны, что и обуславливало повышенный интерес государства к регулированию отношений в сфере производства и реализации алкогольной продукции.

В России тенденция к монополизации государством деятельности по продаже «питий», под которыми подразумевались любая алкогольная продукция, включая так называемое «хлебное вино», впервые наметилась в конце XV века и постепенно переросла в тотальную борьбу с корчемной продукцией, т.е. незаконно произведенными алкогольными напитками, которыми торговали «из-под полы» в многочисленных питейных заведениях наряду с легально произведенной продукцией [7].

Во-вторых, нелегальная торговля алкоголем не только причиняла существенный ущерб экономическим интересам государства, поскольку лишала казну существенной доли дохода, но и негативным образом сказывалась на качестве такой продукции из-за фактического отсутствия механизмов контроля

за процессом ее производства. Широкое распространение низкокачественной алкогольной продукции, в свою очередь, неизбежно отражалось на продолжительности жизни и состоянии здоровья населения.

Указанные обстоятельства в конечном итоге предопределили необходимость создания на законодательном уровне эффективных механизмов противодействия нелегальному производству и реализации алкогольной продукции.

Правовое регулирование оборота алкогольной продукции в России проявляется в двух направлениях: установлении единой государственной политики, направленной на снижение объемов потребления алкоголя населением и профилактику алкоголизма, а также в обеспечении контроля за порядком реализации, объемами и качеством предлагаемого населению товара с целью обеспечения безопасности указанной продукции [6].

Данные официальной статистики, размещенные на сайте Росстата, свидетельствуют о некотором успехе государственной политики в сфере профилактики и борьбы с алкоголизмом в России, что проявляется в последовательном снижении уровня заболеваемости алкоголизмом в период с 2015 по 2021 гг.

Таблица 1. Статистика заболеваемости населения алкоголизмом в период с 2015 по 2021 гг. [9]

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Число взятых под диспансерное наблюдение больных с впервые в жизни установленным диагнозом алкоголизм (тыс. человек)	103,6	95,0	78,2	75,8	70,9	54,9	51,2

Что касается обеспечения контроля за порядком реализации алкоголя в РФ, то здесь особую роль играют установленные отечественным законодателем требования к розничной продаже как основному легальному каналу поставки потребителям этой специфической продукции [6].

Общие требования к розничной продаже алкогольной продукции определены в Федеральном законе от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» и принятых на его основе подзаконных нормативных правовых актах.

За несоблюдение законодательства в области розничной продажи алкогольной продукции в настоящее время предусмотрена административная и уголовная ответственность. Рассмо-

трим нормы статей КоАП РФ и Уголовного кодекса РФ, регламентирующие ответственность в указанной сфере.

В силу прямого указания статьи 18 Федерального закона № 171 розничная продажа алкогольной продукции (за исключением, в частности, пива и пивных напитков, сидра, пуаре, медовухи) подлежит лицензированию [3].

Часть 3 ст. 14.17 КоАП РФ предусматривает наступление административной ответственности за производство или оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии [1].

Следует отметить, что в соответствии с разъяснениями Пленума ВАС РФ, приведенными в пункте 14 Постановления от 11.07.2014 № 47, оборот названной продукции включает в себя также и ее розничную продажу [5].

Субъектами административного правонарушения по ч. 3 статьи 14.17 КоАП РФ могут выступать юридические лица и должностные лица.

Часть 3 ст. 14.17 КоАП РФ предусматривает, что штраф или административное приостановление деятельности, налагаемые в качестве санкции на юридических лиц, могут применяться с конфискацией продукции, оборудования, сырья, полуфабрикатов, транспортных средств или иных предметов, использованных для производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции или без таковой.

Минимальный размер административного штрафа для юридических лиц составляет три миллиона рублей (до 2017 года размер штрафа составлял всего двести тысяч рублей, что свидетельствует о тенденции к ужесточению административного законодательства в данной сфере).

Статьей 14.17.1 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей продукции физическими лицами. Минимальный размер штрафа для таких лиц в настоящее время составляет тридцать тысяч рублей и его назначение сопряжено с обязательной конфискацией предмета административного правонарушения [1].

Кроме того, с 2017 года должностные лица организаций, осуществляющих без соответствующей лицензии деятельность, связанную с производством и оборотом (в том числе розничной продажей) алкогольной продукции в крупном размере (когда стоимость алкогольной продукции превышает 100 тыс. руб.) или особо крупном размере (1 млн рублей), могут быть привлечены к уголовной ответственности по статье 171.3 Уголовного кодекса РФ [2].

Появление в Уголовном кодексе РФ статьи 171.3, по мнению Г.Г. Ячменева, фактически явилось следствием ужесточения административной ответственности за правонарушения, связанные с оборотом и реализацией алкогольной и спиртосодержащей продукции, совершенными без необходимой в силу закона лицензии [8].

Представляется весьма интересным тот факт, что в целях поддержки отечественного производства и экономики в период усиливающегося санкционного давления Постановлением Правительства РФ от 12.03.2022 № 353 на 1 год были продлены сроки действия лицензий на розничную продажу алкогольной продукции [4].

Помимо лицензионных требований к реализации алкогольной продукции законодатель также установил целый ряд ограничений и запретов, касающихся розничной продажи соответствующей продукции определенным категориям граждан (несовершеннолетним), в определенных местах и в конкретное время суток. Нарушение данных требований влечет наступление административной или уголовной ответственности в зависимости от тяжести правонарушения.

Так, ответственность за нарушение особых требований и правил розничной продажи алкогольной продукции, включая реализацию алкогольной продукции в ночное время суток с 23 часов до 8 часов, продажу такой продукции несовершеннолетним лицам, а также ее реализацию в общественных местах (образовательных учреждениях и учреждениях здравоохранения, остановках общественного транспорта и т.д.), наступает по ч. 2.1 или ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ [1].

Социальная опасность потребления несовершеннолетними лицами алкогольной продукции обусловила включение в Уголовный кодекс РФ статьи 151.1, предусматривающей ответственность за неоднократное совершение деяния, выражающегося в розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции [2]. Речь в данном случае идет о применении механизма административной преюдиции.

Данные статистического учета состояния законности в сфере исполнения законодательства о производстве и обороте алкогольной продукции, приведенные в статистическом сборнике, который издается Федеральной службой по регулированию алкогольного рынка раз в два года, применительно к Хабаровскому краю позволяют говорить об уменьшении числа выявленных правонарушений в данной области [10].

Таблица 2. Сведения о результатах проверок по выявлению незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции за 2018–2020 гг.

	Выявлено						По результатам проверок					
	правонарушений, единиц			лиц, совершивших правонарушения, человек			составлено протоколов об административных правонарушениях, единиц			аннулировано лицензий по решению суда, единиц		
	2018	2019	2020	2018	2019	2020	2018	2019	2020	2018	2019	2020
РФ	6194	7346	5919	249	153	128	6773	8968	7216	36	18	12
Хаб.край	111	48	63	1	1	2	179	119	115	0	0	0

Несмотря на то, что данные официальной статистики в целом свидетельствуют о положительной динамике борьбы с алкоголизмом, а также нарушениями в сфере производства и оборота

алкогольной продукции в России, задача обеспечения более эффективного регулирования в указанной области в современных условиях является как никогда более актуальной.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). ст. 1.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ.1996. № 25. ст. 2954.
3. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.
4. Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации в 2022 году: Постановление Правительства РФ от 12.03.2022 г. № 353 // СЗ РФ.2022. № 12. Ст. 1839.
5. О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»: Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2014 № 47 // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9.
6. Бондаренко, В.А., Жданов, Н. М. Вопросы административной ответственности за правонарушения в сфере продажи алкогольной продукции / В. А. Бондаренко, Н. М. Жданов // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 2 (14). С. 87–91.
7. Сериков, Р.В. Становление отечественного уголовного законодательства об ответственности за незаконные производство и оборот алкогольной продукции в дореволюционный период / Р. В. Сериков // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 131–133.
8. Ячменев, Г. Г. Новеллы законодательства в области государственного регулирования розничной продажи алкогольной продукции и ответственности за его нарушение / Г. Г. Ячменев // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2018. № 1. С. 105–140.
9. Росстат [сайт]. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1652355726&tld=ru&lang=ru&name=Zdravooхран-2021>. (дата обращения: 20.04.2022).
10. Росалкогольрегулирование [сайт]. URL: https://fsrar.gov.ru/files/24382_%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%81%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%2018-2020.pdf?ysclid=1346qka8ub. (дата обращения: 20.04.2022).

Полномочия судей как элемент правового статуса

Папикян Андраник Паруйрович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В работе рассматриваются конкретные элементы правового регулирования, а также подходы к ним.

Ключевые слова: статус, судья, законность, полномочия.

В юридической науке сложились различные подходы к определению полномочий судьи.

Обращаясь к точке зрения Г. А. Гаджиева, «полномочия судей — неотъемлемое условие реализации принципа независимости судебной власти. Он утверждает, что судебная власть, будучи бастионом защиты прав и свобод, имеет конституционно гарантированную возможность не просто применять закон, но и подвергать его предварительной проверке и оценке».

Полномочия судей выступают в качестве условия эффективности и справедливости правосудия, осуществляемого судьями в процессе применения права. Справедливость есть одна из основных ценностей, признаваемых всеми людьми и в любой исторический период. Особое значение справедливость приобретает в отношении права. Соответственно уголовное правосудие изначально характеризуется таким свойством как справедливость.

Разбирая полномочия судей, большинство ученых делает отсылку к так называемым «дискреционным полномочиям судей». Дискреционные полномочия судей выступают в качестве условия эффективности и справедливости правосудия, осуществляемого судьями в процессе применения права. В юридической науке сложились различные подходы к определению дискреционных полномочий. Существующие подходы

к понятию дискреционных полномочий судей разноплановы и неоднозначны.

По-моему мнению, наиболее удачно определил сущность дискреционных полномочий судей, К. В. Пронин. Он, исследуя указанные полномочия судей в рамках уголовного судопроизводства, указывает, что они представляют собой «действия суда применять на основе собственного внутреннего убеждения один из нескольких легитимных вариантов решения правовых вопросов в целях наиболее эффективного осуществления уголовного судопроизводства». Представляется, что данное определение достаточно точно выражает сущность полномочий судей, однако очевидна необходимость формулирования общего понятия полномочий, которые используются всеми судьями для всех видов судопроизводства.

Отрицательную оценку дает М. М. Аносова, которая «относит дискреционные полномочия судей к негативным проявлениям их правоприменительной деятельности, отмечая, что правоприменительное усмотрение создает нестабильные условия для реализации права».

Ряд авторов раскрывают сущность понятия полномочия судей, давая определение судейскому усмотрению, даже соотнося их как синонимы. В частности, М. И. Клеандров полагает, что «дискреционные полномочия — это законные полномочия,

позволяющие должностному лицу действовать по собственному усмотрению в пределах полномочий, определяемых законом». Е. А. Калмыкова, также приравнивает судебское усмотрение к дискреционным полномочиям. Рассматривая дискреции, как совокупность полномочий, которые предоставлены органу правосудия и выражены в правах поступать определенным образом в конкретных ситуациях, указанных законодателем, для организации судебного разбирательства, исследования имеющихся в деле доказательств.

В целях выявления отличий между указанными выше категориями и признаков полномочий судей, необходимо рассмотреть сформулированные исследователями определения судебного усмотрения.

По мнению О. А. Папковой, «судейское усмотрение — это специфический вид правоприменительной деятельности, урегулированный правовыми нормами и осуществляемый в процессуальной форме, сущность которого заключается в предоставлении суду, в соответствующих случаях, правомочия разрешать спорный правовой вопрос, исходя из целей, преследуемых законодателем, принципов права и других общих положений закона, конкретных обстоятельств дела, а также начал разумности, справедливости, добросовестности и основ морали».

К понятию правоприменительной деятельности, в отечественной юридической литературе также сложились различные подходы.

С. С. Алексеев под правоприменительной деятельностью понимает «деятельность компетентных органов по реализации правовых норм путем вынесения индивидуально-конкретных предписаний».

Судейское усмотрение не обладает такими особенностями, которые присущи правоприменительной деятельности: наличие конкретных процессуальных форм его реализации или вынесение индивидуального юридического решения как результата применения судебного усмотрения. Усмотрение суда можно расценивать как аспект правоприменительной деятельности, который позволяет суду, принять решение в пределах, установленных законом, в соответствии с волей законодателя, исходя из принципов права, конкретных обстоятельств, а также основ морали.

Не зря при определении понятия «судейское усмотрение» авторы подчеркивают, что суд имеет право принять решение по собственному усмотрению, именно в пределах установленных законом.

Проблема пределов судебного усмотрения имеет первоочередное значение как в практическом так и в теоретическом плане, поскольку действия судьи, осуществляемые по своему усмотрению, не должны препятствовать реализации основной функции судебной власти — отправлению правосудия в условиях соблюдения законности. Позиция большинства ученых, сводится к тому, что под термином «полномочия», прежде всего, понимается совокупность прав и обязанностей, что соответствует общепризнанному юридическому толкованию, где полномочие рассматривается как «составная часть компетенции и статуса органа, должностного лица, лица, выполняющего управленческие функции в организации, а также неко-

торых иных лиц, реализующих функции, предусмотренные для них законодательством. Отсюда, полномочие выступает одновременно как правом, так и обязанностью субъекта действовать в определенной ситуации способом, предусмотренном законом или иным правовым актом».

Главное, что правовое положение судьи при осуществлении правосудия — это его процессуальные права и обязанности, установленные Законом о Конституционном Суде, Уголовно-процессуальным кодексом, Гражданско-процессуальным кодексом, Арбитражно-процессуальным кодексом и Административно-процессуальным кодексом России. При этом, объем процессуальных прав судьи в определенной степени зависит от того, в какой инстанции он осуществляет свои полномочия (в суде первой, второй или надзорной инстанции), в каком составе (единолично, в составе в составе трех профессиональных судей, при наличии в составе суда представителей народа — народных, арбитражных или присяжных заседателей, является ли он председательствующим в составе суда или его членом). Однако, при всех условиях все судьи:

- осуществляют правосудие на профессиональной основе;
- независимы и подчиняются только Конституции РФ;
- в своей деятельности по осуществлению правосудия никому ни подчинены;
- пользуются неприкосновенностью (ст. 120, 122 Конституции РФ).

Большая часть полномочий судей носит процессуальный характер и, соответственно, относится к их процессуальному статусу. К таковым относятся все полномочия, определяющие действия судьи в рамках судебного заседания. Исключение могут составить полномочия судей, осуществляемые ими в рамках конституционного судопроизводства. В отношении судей Конституционного Суда они определены Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации», в отношении судей конституционных (уставных) судов — соответствующими законодательными актами субъектов Российской Федерации.

Принципиально предоставленные судьям законом полномочия могут быть разделены на три группы:

- 1) Процессуальные полномочия, о которых шла речь выше;
- 2) Административно-правовые полномочия. К административно-правовым полномочиям следует отнести полномочия, связанные с организационной деятельностью самих судов. Как видно, данные полномочия непосредственно направлены на осуществление внутриорганизационной деятельности различных судов. Как известно, внутриорганизационные отношения — то есть, отношения, складывающиеся внутри органов власти, организаций по поводу соблюдения, исполнения, использования организационных требований — относятся к предмету административного права.

3) Конституционно-правовые полномочия. К данной категории полномочий судьи, характеризующих его конституционно-правовой статус, относятся полномочия, которые предоставлены ему безотносительно рассмотрения конкретного дела в рамках конкретного судопроизводства и связаны с его местом в системе публичной власти. К конституционно-правовым полномочиям судей можно также отнести: — осуществление им су-

дебного контроля за нормотворческой и правоприменительной деятельностью органов и должностных лиц законодательной и исполнительной власти; — применение при необходимости мер государственного принуждения; — предъявление обязательств для исполнения всеми физическими и юридическими лицами требований и распоряжений.

Исходя из вышеперечисленного можно отметить следующее:

1. Суд выполняет очень важную роль в уголовном судопроизводстве. В любом из направлений своей деятельности именно суду принадлежит право решить спор, дать ответы на поставленные перед ним вопросы, определить судьбу участников уголовного судопроизводства, процессуальных решений, уголов-

ного дела и т.д. Поэтому вся его деятельность должна быть понятной и единообразной.

2. Полномочия судьи весьма разнообразны. Их реализация имеет процессуальную форму. Полагаем, что в совокупность элементов этой формы должны быть включены пределы реализации полномочий судьи.

3. Наличие разнонаправленной судебной практики, реализация одних и те же процессуальных полномочий судьи в различных пределах убеждает в необходимости научно обоснованного, объективного критерия (критерии), позволяющего в каждом случае единообразно определять пределы реализации того или иного полномочия судьи.

Литература:

1. Романенко Н. В. Конституционно-правовой статус судей и его влияние на особенности их уголовного преследования // Российский судья. 2020. № 9; Новиков Н. А. Правовой статус судьи-примирителя в арбитражном процессе // Теория и практика общественного развития. 2021. № 10 (164).
2. Гаджиев Г. А. Конституционный принцип самостоятельности суд власти // Журнал российского права. 2003. № 1. С. 3.
3. Гладышева О. В. Цель доказывания суда в справедливом уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 344–345.
4. Татарова А. Д. Понятие и признаки дискреционных полномочий судей // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 9. С. 110–114.
5. Папкина О. А. Усмотрение суда. М.: Статут, 2005. 413 с
6. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2009. С. 305.
7. Бородинова Т. Г. Особенности нормативного закрепления полномочий вышестоящих судов в современном уголовно-процессуальном законодательстве России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 425–427.

Современная система правоохранительных органов

Перова Анастасия Андреевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье раскрывается понятие и система правоохранительных органов, раскрываются различные точки зрения.

Ключевые слова: правоохранительные органы, полиция, система.

Вопрос о понятии и системе правоохранительных органов является дискуссионным в юридической науке на протяжении длительного времени.

В законах Российской Федерации отсутствует понятие «правоохранительные органы». В п. «л» ст. 71 Конституции РФ говорится, что в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся кадры судебных и правоохранительных органов, адвокатуры, нотариата.

В статье 317 Уголовного кодекса РФ предусмотрена уголовная ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа. Но самого перечня правоохранительных органов в УК не дано.

Само понятие «правоохранительная деятельность» учеными раскрывается по-разному.

Одна группа авторов рассматривает правоохранительные органы как самостоятельная группа, обособленная по признаку профессиональной деятельности, которая имеет свои цели и задачи.

Другая же группа раскрывает понятие через специальные органы, чьей основной целью является защита права от нарушений, выявление, пресечение и предупреждение правонарушений, применение к нарушителям мер принуждения.

Третья группа связывает определение с задачами, которые стоят перед правоохранительными органами. Отсюда это учреждения и организации, существующие в государстве, выполняющие функции защиты прав и свобод человека и гражданина, борьба с преступностью, обеспечение правопорядка.

Какая-то часть ученых понимает под правоохранительным органом орган государства, правовой статус которого связан с осуществлением действий принудительного характера, которые проводятся в строго определенной процессуальной форме.

Стоит также раскрыть понятие правоохранительной деятельности, которая лежит в основе функционирования правоохранительных органов.

Для одних учёных правоохранительная деятельность связана с методом принуждения. В него включены как действия односторонних предписания, так и различные ограничения, взыскания, штрафы и т.д. Для других — это деятельность, осуществляемая специальными органами, направленная на борьбу с преступностью.

Также интересна точка зрения, которая связывает деятельность с охранительной функцией. Для защиты граждан и общества, для охраны определенных правил и норм, создаются учреждения, органы, которые это осуществляют.

Но для проводимого исследования имеет значение не сама сущность правоохранительных органов, сколько определение самих органов, входящих в систему.

Правоохранительные органы можно разделить на две группы: первая — это судебные органы (суды) и иные правоохранительные органы.

В первую группу входят: Конституционный суд РФ, Верховный Суд РФ, федеральные суды общей юрисдикции, система арбитражных судов и суды субъектов РФ.

Конституционный суд РФ является высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации, самостоятельно и независимо осуществляющий конституционное судопроизводство в целях защиты основ конституционного строя, охраны прав и свобод человека и гражданина, обеспечение верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории Российской Федерации.

Суды общей юрисдикции осуществляют правосудие по гражданским, уголовным делам и делам, возникающим из административных правонарушений, а также иным делам, относящимся к компетенции судов общей юрисдикции. К системе судов общей юрисдикции относятся: кассационные суды общей юрисдикции, апелляционные суды общей юрисдикции, верховные суды республик в составе Российской Федерации, краевые, областные суды, суд автономной области, автономных округов, Московский, Санкт-Петербургский и Севастопольский городские суды, районные (городские) суды и система военных судов. Также относятся специализированные суды, но Специализированный суд по интеллектуальным правам не является судом общей юрисдикции, так как является специализированным судом системы арбитражных судов.

Система арбитражных судов представляет собой судебный орган, осуществляющий разрешение споров, связанных с участием субъектов хозяйственной деятельности, возникшие из гражданских и административных дел, а также дела, возникающие при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности, и дела о несостоятельности (банкротстве).

Суды субъектов РФ включают в себя мировых судей и конституционные (уставные) суды субъектов РФ. Основная задача мировых судей — это разрешение дел, возникающих в повседневной жизни граждан, например, дела о разделе нажитого имущества между супругами при цене иска, не превышающего пятидесяти рублей и т.д.

Конституционные суды субъектов РФ создается для рассмотрения вопросов соответствия законов субъектов Российской Федерации Конституции РФ и другим нормативно-правовым актам.

Некоторые авторы полагают, что неверно относить суды к числу правоохранительных органов. Но, Бородин С.В., Малехин А.В., Семенов В.М. и др. придерживаются обратной точки зрения. Можно сделать вывод, что вторая точка зрения более верна, так как суд осуществляет правосудие, то есть охрану прав гражданина. Без суда было бы невозможно осуществить привлечение лица, например, к уголовной ответственности.

Иные правоохранительные органы образуют тоже систему, состоящую из: органов прокуратуры, органов внутренних дел, федеральной службы безопасности, органов государственной охраны, органов государственной налоговой службы, таможенных органов, органов борьбы с незаконным оборотом наркотиков, органов предварительного расследования, органов юстиции.

Основные задачи, стоящие перед этими органами это охрана законности и правопорядка, борьба с преступностью, прокурорский надзор, оперативно-розыскная функция, предупреждение преступлений и иных правонарушений.

В научных исследованиях также возникает вопрос, можно ли негосударственные органы, в том числе нотариат, адвокатуру, третейские суды, частные детективные и охранные службы, относить к правоохранительным органам? Одна из точек зрения относит к числу правоохранительных органов органы как по правовой помощи (нотариат и адвокатура), так и негосударственные организации обеспечения правопорядка (частные детективные и охранные службы).

Есть авторы, считающие, что отнесение третейских судов являются органами, осуществляющие негосударственную правоохранительную деятельность.

Можно согласиться с последней точкой зрения, что адвокатура, нотариат, третейские суды не являются правоохранительными органами, так как осуществляемая ими деятельность не имеет признаков правоохранительной. Более правильно дать им название правоприменительных органов, которые способствуют одушевлению деятельности правоохранительных. Здесь стоит сказать, что все правоохранительные органы являются правоприменительными, но никак не наоборот.

Проблематика второй группы правоохранительных органов сводится к тому, какие государственные органы относить к правоохранительным.

Есть ученые, которые рассматривают судебные органы и органы исполнительной власти, и относящие к их числу: суд, прокуратуру, органы юстиции, органы внутренних дел, органы предварительного расследования, налоговую службу, органы обеспечения безопасности.

Кто-то относит к данному перечню и таможенные органы.

Существует широкий подход, включающий также уполномоченного по правам человека РФ, полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

В литературе можно встретить мнение, что судебная власть включает в себя: третейские суды, Европейский суд по правам человека и органы прокуратуры. Здесь же дается характеристика и церковных судов, действующих в Русской православной церкви.

Можно сделать вывод, что под правоохранительными органами понимается совокупность органов государственной власти, осуществляющие функции по охране и защите прав и свобод человека, обеспечение законности и правопорядка, борьбе с преступностью.

Исходя из этого понятия, в систему следует включить: суды РФ, прокуратуру России, федеральные исполнительные ор-

ганы: Министерство внутренних дел РФ, Федеральная служба безопасности РФ, Федеральная служба судебных приставов РФ, Федеральная служба исполнения наказаний РФ, Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков РФ, Федеральная таможенная служба РФ и иные органы исполнительной власти, наделенные полномочиями по осуществлению предварительного расследования.

Литература:

1. Сопнева Е. В. О системе правоохранительных органов // Таможенное дело. 2007. № 3. С. 32.
2. Чернявский А. Г., Кузнецов С. М., Эриа-швили Н. Д. Правоохранительные органы: учебник. М., 2009. С. 510–511.
3. Савюк Л. К. Правоохранительные органы: учебник. М., 2004. С. 14.

Понятие субъекта преступления и его признаки

Пичугина Анастасия Антоновна, студент;
Андрущенко Анна Викторовна, студент
Тюменский государственный университет

В данной статье приводятся несколько альтернативных понятий субъекта преступления, раскрываются общие и специальные признаки, а также ведется обозначение некоторых ключевых точек зрения в их толковании.

Ключевые слова: субъект, признаки, специальный, общий, физическое лицо, вменяемость, возраст.

Все общественно опасные деяния обладают набором определенных специфических характеристик. К ним относится и характеристика лица, которое непосредственно совершило деяние — в уголовном праве одни из наиболее значимых признаков такого лица были отражены в понятии «субъект преступления». С течением времени и совершенствованием правовой системы менялась как классификация общественно-опасных деяний, так и различные причины наступления уголовной ответственности и назначения того или иного наказания субъекту преступления. Однако, в силу обширности этого определения необходимым является его дальнейшее исследование.

Актуальность данной темы статьи заключается в определении понятий и изучении субъекта преступления и присущих ему признаков для освещения проблемы внесения изменений в текущее законодательство в целях разрешения спорных вопросов квалификации.

В первую очередь необходимо обозначить, что субъект преступления входит в группу из четырех обязательных элементов, входящих в состав преступления. Следовательно, при отсутствии этого элемента можно классифицировать деяние, как не содержащее в себе признаки состава. Признаки субъекта преступления в свою очередь служат основой для квалификации совершенного общественно-опасного деяния и характеристики преступника.

В уголовном законодательстве не приводится конкретной формулировки субъекта преступления, но ключевые признаки указаны в нормах главы 4 общей части Уголовного кодекса РФ. Вследствие этого существует множество авторских определений этого понятия.

Так, согласно одному из толкований под субъектом преступления понимают лицо, которое совершило общественно-опасное деяние, подпадающее под определенную категорию, а его признаки образуют специфический процесс совершения деяния и отображаются в ходе разностороннего процесса квалификации и раскрытия преступления.

И. Н. Гидиятуллина утверждает, что субъект представляет не лицо как таковое, а совокупность его признаков. В объяснение позиции приводится аргумент о невозможности определить физическое лицо, как субъект преступления, если оно не обладает необходимыми характеристиками [3]. Исходя из этого субъектом преступления будет считаться совокупность признаков, которая позволяет привлечь лицо к уголовной ответственности.

М. А. Любавина более подробно раскрывает эту точку зрения и в своей работе приводит следующее объяснение: все лица, совершившие преступление имеют множество свойств, которыми можно их описать, но в уголовном законе отображаются только те из них, которые предполагают возможность лица нести уголовную ответственность [1].

В противовес этому Я. М. Браинин полагает, что личность нельзя отделять от состава преступления, поскольку происходит ее слияние с деянием и виной, а результатом является их отображение во внешнем мире [2].

Подходя к вопросу о раскрытии признаков, отображенных в уголовном законе, необходимо отметить, что независимо от того, какое преступление совершено, субъектом преступления может быть признано: во-первых, только физическое лицо, во-вторых, лицо должно являться вменяемым, и в-третьих,

лицо должно достигнуть определенного возраста уголовной ответственности, которая указана в уголовном законодательстве. Далее приводится более подробное раскрытие этих признаков.

В соответствии с принципом вины, который содержится в ст. 5 Уголовного кодекса РФ, субъектом преступления может выступать только физическое лицо. Исходя из этого, можно сделать простой вывод о том, что в категорию субъектов преступления не могут быть отнесены юридические лица, животные и неодушевленные предметы.

Именно физическая характеристика субъекта преступления является классическим отражением уголовно-правового принципа личной ответственности. Следовательно, субъектом можно признать только то конкретное лицо, которое обладает разумностью и относительной свободой воли.

Вменяемость является еще одним обязательным признаком, которым можно охарактеризовать субъект преступления. В правовое содержание этого понятия входит состояние психики, при котором лицо способно осознать фактический характер и общественную опасность деяния, а также должно иметь определенный уровень возможности оценки окружающей действительности и своих действий.

В общем понимании вменяемость можно определить как способность лица нести уголовную ответственность за совершенные деяния. Таким образом, если вследствие определенных факторов лицо было в состоянии неспособности осознать происходящее, отдавать отчет и руководить действиями — оно не может расцениваться как субъект преступления. В ч. 1 ст. 21 Уголовного кодекса РФ приводится нормативное определение такого состояния, которое характеризуется как невменяемость.

Третий признак — возраст, который помогает определить уровень развития лица, совершившего преступление. В этом признаке также отражается способность дать объективную оценку окружающей действительности. Исходя из этих положений к уголовной ответственности может привлекаться только то лицо, которое к моменту совершения преступления достигло установленного законом возраста, а именно — возраста шестнадцати лет по общему правилу.

В корне причин определения именно такого возрастного порога лежат как медицинские характеристики, так и соответствующий уровень социального развития личности, достигаемый, в среднем, в данный период. Низший возрастной предел уголовной ответственности, который в российском уголовном законодательстве составляет четырнадцать лет, означает, что лица, находящиеся ниже данного предела не способны в полной мере осознавать общественную опасность и оценивать свои противоправные деяния.

Также в некоторых статьях может устанавливаться и повышенный возраст уголовной ответственности. Прежде всего это связано с невозможностью совершения определенных противоправных деяний, до достижения субъектом возраста восемнадцати лет.

Литература:

1. Любавина М. А. Субъект преступления: учебное пособие / М. А. Любавина. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2014. — 60 с.

Важно отметить, что только совокупность всех указанных выше признаков свидетельствует о наличии субъекта преступления — в недопущение ошибок квалификации преступления субъект должен быть точно определен. В зависимости от этого формируется влияние и на степень опасности противоправного деяния, которое учитывается при назначении меры уголовного наказания.

С одной точки зрения три признака субъекта преступления можно назвать достаточно конкретными и исчерпывающими, так как в них дается описание конкретного лица, которое совершило преступление — такой субъект в уголовном праве получил статус общего субъекта.

Однако, кроме приведенных выше признаков лицо может нести в себе и иные дополнительные характеристики, такие как гражданство, пол, занимаемая должность или характер выполняемой работы, которые будут влиять на квалификацию преступления только в случае прямого указания на них в диспозиции нормы Уголовного кодекса РФ и, соответственно, закрепления их как обязательных. Субъекты, обладающие такими дополнительными признаками, определяют как «специальные субъекты».

Э. А. Бачурин выделяет следующее определение специального субъекта: это лицо, у которого есть способность обладать и пользоваться правами и обязанностями в рамках отдельных институтов уголовного права, которые принято называть межотраслевыми, в том случае, если эти права и обязанности детерминированы объектом преступления, а также способно посягнуть на общественные отношения особого вида, совершив общественно-опасное деяние, содержащее в себе признаки состава преступления [9].

Исходя из этого можно сделать вывод, что деяния, совершаемые лицом, которое признается специальным субъектом по признакам родства и специального рецидива представляют особую общественную опасность.

Развивая данную точку зрения, С. Аветисян считает необходимым разграничение составов, содержащих специальный субъект и составов, в которых и субъект, и иные элементы состава преступлений будут иметь конкретные содержания [6].

В отсутствие закрепленного законом понятия специального субъекта также возникает расхождение в юридических оценках и методах отнесения лиц к определенным правовым категориям, несмотря на объемное количество норм в Уголовном кодексе РФ, которые предусматривают ответственность специального субъекта.

В заключение можно сделать вывод о том, что тема толкования понятия состава преступления получает большое внимание в исследовательских работах научных авторов и юристов-практиков, однако только закрепленное в уголовном законе определение субъекта преступления позволит наиболее точно квалифицировать общественно опасные деяния и разрешить спорные вопросы.

2. Браинин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. // Юридическая литература.— 1963.— С. 219
3. Гидиятуллина И. Н. Состав преступления и его значение // Вестник ТИСБИ.— 2008.— С. 15–26.
4. Дайшутов М. М., Динека В. И. Признаки субъекта преступления и его правовые критерии // Вестник Московского университета МВД России.— 2018(6).— С. 127–131.
5. Щербаков А. В. Проблемы определения субъекта преступления в современном уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве.— 2013(2).— С. 100–106.
6. Аветисян С. Проблемы соучастия в преступлении со специальным субъектом (специальным составом) // Уголовное право.— 2004.— № 1.— С. 4–5.
7. Готчина Л. В. Специальный субъект преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Криминалистика.— 2019.— № 1(26).— С. 21–23.
8. Курочкина Ю. А., Чернышева Ю. А. Специальный субъект преступления в // Журнал юридических исследований.— 2019.— Т. 4.— № 3.— С. 63–67.
9. Бачурин Э. А. Специальный субъект преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.— Красноярск, 2005.— 22 с.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 63 от 13.06.1996 (ред. от 25.03.2022) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.— URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.06.2022).

Проблемы правового регулирования статуса судьи военного суда

Плигина Алена Игоревна, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье на основе анализа мнений ученых обоснована необходимость применения модусного подхода для исследования сущности правового статуса судьи военного суда. Исходя из предложенного подхода, представлены модусы статуса судьи военного суда.

Ключевые слова: военный суд, правовой статус судьи, судья военного суда.

Problems of legal regulation of the status of a judge of a military court

Pligina Alena Igorevna, student master's degree
Russian State University of Justice (Moscow)

Based on the analysis of the opinions of scientists, the article substantiates the need to use a modus approach to study the essence of the legal status of a judge of a military court. Based on the proposed approach, the modes of the status of a judge of a military court are presented.

Keywords: military court, the legal status of a judge, a judge of a military court.

Судья, как лицо, замещающее государственную должность Российской Федерации, находясь в системе государственной власти, одновременно как носитель самостоятельной судебной власти осуществляет функцию судебного контроля по отношению к другим государственным институтам, что должно служить гарантией его независимости при осуществлении правосудия и реализации властных правомочий, которыми суд наделен по отношению и к государству, и к другим субъектам права.

Исследование статуса судей военных судов и кадрового обеспечения военных судов позволило выявить два сложившихся направления в области статуса судей. В первую группу входят определения статуса судьи как статуса должности. Тем самым понятие статуса судьи, его правовое положение сводится к совокупности прав и обязанностей, которые появились у него в силу должностного положения лица, приобретаемого при наделении судебскими полномочиями. Вторая группа научных взглядов отличается принципиально другим

подходом, согласно которого статус судьи определяется не статусом должности, а статусом личности, назначенной на должность судьи [2, с. 263].

Данные подходы и характеризуют основную проблему правового регулирования статуса судьи, и поиск баланса между положением судьи как носителя судебной власти и судьи как личности.

Применение модусного подхода направлено на совершенствование правового регулирования статуса судьи и конкретизации правового статуса судьи военного суда.

Модусный подход подразумевает, вся совокупность правовых норм, регулирующих права, обязанности, ответственность и гарантии деятельности судьи военного суда, как личности, наделенной судебскими полномочиями, включает в себя четыре группы:

1) правовые нормы, регулирующие правовое положение судьи как носителя судебной власти (профессиональный модус судьи);

2) правовое положение судьи как лица, замещающего государственную должность (должностной или служебный модус судьи);

3) правовое положение судьи как члена судейского сообщества (корпоративный модус судьи);

4) правовое положение судьи как личности, ограниченной в конституционных правах (модус судьи как личности с ограниченным режимом реализации конституционных прав).

Несмотря на то, что каждый модус исследуется отдельно, он находится в тесной взаимосвязи с другими модусами.

Исходя из предложенного подхода, статус судьи военного суда включает в себя следующие взаимосвязанные модусы:

— профессиональный модус лица, являющегося носителем судебной власти, осуществляющего правосудие, основная задача которого — защита и обеспечение законных прав и интересов военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, граждан, проходящих военные сборы. Профессиональный модус представляет собой совокупность процессуальных прав и обязанностей лица, наделенного судейскими полномочиями;

— должностной (служебный) модус лица, замещающего государственную должность, включающий в себя следующие

составляющие: особый порядок назначения на должность, включая особые требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи военного суда [1], специфику профессиональной деятельности, особенности продвижения по службе, привлечения к ответственности, прекращения полномочий, пребывания в отставке;

— корпоративный модус судьи-члена судейского сообщества. Выделение данного модуса в отдельный блок обусловлено тем, что возможность допуска к государственной должности судьи определяется только органами судейского сообщества. Кроме того, только органы судейского сообщества могут дать правовую оценку профессиональной деятельности судьи, в том числе оценку условий пребывания на должности;

— модус личности с особым режимом реализации конституционных прав. Данный модус включает совокупность особого режима предоставления льгот и привилегий, а также мер государственной защиты судьи и членов его семьи.

Таким образом, определение правового статуса судьи военного суда через призму модусного подхода позволит более детально, с учетом специфики деятельности военных судов, определить статус судьи военного суда.

Литература:

1. О военных судах Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 23.06.1999 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ РФ. 1999. № 26. Ст. 3170; 2020. № 50 (часть I). Ст. 8029.
2. Ермошин Г. Т. Статус судьи в Российской Федерации: диссертация... доктора юридических наук: 12.00.11: Рос. гос. ун-т правосудия. — М., 2016.

Обстоятельства, подлежащие доказыванию в уголовном процессе

Поварова Виктория Владимировна, студент магистратуры
Смоленский государственный университет

В статье анализируется институт доказывания в уголовном процессе, рассмотрены основные особенности доказывания и установления (выявления) обстоятельств регламентированных ст. 73 УПК РФ.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, уголовное преследование, исследование доказательств.

Circumstances to be proved in criminal proceedings

Povarova Viktoriya Vladimirovna, student master's degree
Smolensk State University

The author analyzes the institution of proof in criminal proceedings, considers the main features of proving and establishing (revealing) the circumstances of Article 73 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: circumstances, proof, criminal prosecution, investigation of evidence.

Проблема доказательств в настоящее время, является одной из значимых проблем уголовно-процессуального права. Важным компонентом системы доказывания по уголовным делам являются доказательства. Правила доказывания и до-

казательства связаны с нормами уголовно-процессуального права. В соответствии с УПК РФ «доказательства по уголовному делу — это любые сведения, являющиеся основанием для суда, прокурора, следователя, дознавателя, чтобы в определенном

порядке установить, есть или отсутствуют обстоятельства, которые необходимо доказывать в процессе производства по уголовному делу, включая иные обстоятельства, имеющие для уголовного дела значение» [1 с. 354]. Доказывание пронизывает все этапы уголовно-процессуального процесса, представляя собой основу, базу процессуальной деятельности органов уголовного преследования. Самое большое количество ошибок, допускаемых в следственной и судебной практике, имеют отношение к односторонности либо неполноте выяснения обстоятельств по делу, неверной оценкой выявленной информации и, как результат, необоснованными процессуальными решениями.

Проблема доказательств в уголовном процессе имеет большую актуальность. От правильности и объективности доказательств зависит судьба человека, обвиняемого в совершении преступления. Учитывая вышесказанное, мы приходим к выводу, что для того, чтобы понять суть доказательств на досудебной и судебной стадии, необходимо систематизировать накопленную информацию, обеспечить правильное использование терминов и понятий, чтобы устранить двусмысленность и многозначность научного языка, практики и закона. Таким образом, доказательства и доказывание — это важнейшие правовые институты в уголовно-процессуальных нормах, что и определяет актуальность данного исследования.

К подлежащим доказыванию обстоятельствам, в первую очередь, относятся указанные в ст. 73 УПК РФ обстоятельства, которые, являются «объектом доказательств для ответа на основные вопросы в уголовном процессе о совершенном уголовном преступлении, виновно ли лицо в совершении преступления, и в каких объемах имеется размер и вид ущерба, другая информация, имеющая уголовное значение и т.д. Также следует указать обстоятельства, которые способствовали совершению уголовного преступления» [2. с. 108].

«Тем не менее, для расследования и разрешения уголовного дела лишь установить указанные обстоятельства не является достаточным действием. Также должны быть установлены другие обстоятельства, которые в уголовно-процессуальном порядке имеют основное значение» [3. с. 400].

Стоит отметить, что в законодательстве термин «обстоятельства уголовного дела» имеет достаточно вольное использование и смысл его может быть разным. Иногда это «доказываемые обстоятельства, которые относятся к предмету доказывания, а также иные обстоятельства, имеющие значение, то есть в их основе есть обоснованное доказательство, полученное при доказывании».

Обстоятельства, закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве, можно разделить на две группы:

- 1) устанавливаемые результатами и средствами доказывания;
- 2) устанавливаемые материалами уголовного дела, а также в процессе разбирательства по делу досудебного или судебного характера, не относящиеся к процессу доказывания.

Устанавливаемые средствами или результатами доказывания обстоятельства — это те, что образуют предмет доказывания.

Это обуславливает интерес учёных-процессуалистов к такому понятию, как «главный факт». П. А. Лупинская выделяет

обстоятельства, которые необходимо доказывать, как главный факт, который характеризует событие, действие (бездействие) и свидетельствует о том, что лицо виновно и наступили последствия (ст. 5 УК) или не виновно [4.с.674].

По мнению И. Б. Михайловской существует четыре вопроса, на которые при постановлении приговора суд должен дать ответы:

- 1) есть ли доказательства того, что имело место деяние, вменяемое подсудимому в качестве вины;
- 2) есть ли доказательства того, что именно подсудимый совершил деяние;
- 3) относится ли это деяние к преступлениям и какой пункт, часть, статья УК это предусматривает;
- 4) есть ли вина подсудимого в том, что было совершено это преступление (пп. 1–4 ч. 1 ст. 229 УПК) [5. с. 58].

А. В. Победкин считает, что нет никакого главного факта, а что касается вспомогательного факта доказывать не обязательно [6. с. 65].

Нам ближе позиция И. Б. Михайловской. Она утверждает, что юридическую значимость обстоятельства, входящие в предмет доказывания, приобретают, если есть установка главного факта. Например, согласно п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК, обстоятельства, которые характеризуют личность обвиняемого, необходимо рассматривать, если есть возможность доказать невиновность в совершении преступления обвиняемого лица.

Обозначенный ст. 73 УПК РФ предмет доказывания един для разбирательства в суде и предварительного расследования. Вместе с тем определенные на последующих этапах процесса реальные обстоятельства могут быть одинаковы на обеих стадиях, могут и быть различны или их установление невозможно вовсе, что может послужить изменению обвинения, прекращению дела или вынесению оправдательного приговора.

Возросли требования к соблюдению законности в ходе получения доказательств в рамках современного уголовного процесса. Более двадцати лет данный вопрос остается актуальным. В отдельных случаях правоприменительная практика благосклонна к нарушениям, которые допускаются. На данный момент в рамках УПК РФ не применяются понятие существенных нарушений закона, которое было в статьях УПК РСФСР и наделяло правоприменителя правом не обращать внимания на некоторые отступления от закона, рассматривая их как несущественные.

Это положение позволяло субъектам доказывания пользоваться неопределенностью и отступать от законодательства, ввиду чего стало проявляться халатное отношение к процессуальной деятельности. В современном УПК РФ отсутствует данное положение, ввиду чего правоприменительная практика задается вопросом, можно ли нарушение закона в ходе собирания доказательств считать недопустимыми, или достаточно установить факт нарушения.

Требуется закрепить в уголовно-процессуальном законе положения о критериях нарушения закона, а также положения о существенных нарушениях законодательства по сбору и хранению доказательств. Принятие любого решения, предполагает подход к оценке допустимости доказательств, должно базироваться на осознании характера допущенного нарушения закона и его влияния на достоверность доказательств, поскольку не все

нарушения юридической нормы на практике определяют качество доказательств и их достоверность.

Нарушения уголовно-процессуальных предписаний при производстве следственных действий, следует оценивать исходя из того, каков характер, тяжесть и влияние их на достоверность доказательственной информации. Существенное нарушение уголовно-процессуального закона приведет к серьезным правовым последствиям, таким как признание результатов собирания доказательств как юридически недействительные. Необходимо закрепить на уровне УПК положение, касающееся устранимых нарушений закона. Все нарушения, которые были допущены в процессе получения доказательств, должны быть признаны условно равнозначными и одинаково влияющими на их допустимость, но с одним исключением, что некоторые из них можно устранить, а другие нет. А восстанавливать доказательства важно для сохранения доказательственной базы и вынесения законного и обоснованного, справедливого процессуального решения.

Как показывает проведенный анализ, доказательства в уголовном судопроизводстве представлены любыми сведениями,

которые могут стать основанием, чтобы прокурор, следователь или суд, дознаватель могли в определенном УПК РФ порядке установить, имеются, или отсутствуют необходимые к доказыванию обстоятельства в рамках ведения производства по уголовному делу. Также можно установить иные обстоятельства, имеющие значения для уголовного дела.

Полагаем, что существует необходимость совершенствования законодательства, что позволит снизить количество жалоб в суд по вопросам неприменимости доказательств и повышения качества уголовного процесса. Предлагаемыми решениями по усовершенствованию законодательства, которые могут быть следующие:

1) Требуется закрепить в уголовно-процессуальном законе положения о критериях нарушения закона, а также положения о существенных нарушениях законодательства по сбору и хранению доказательств.

2) Для систематизации практики применения норм о допустимости доказательств можно ввести перечень существенных нарушений закона.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001. № 52 (ч. I). С. 4921.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001. № 25. С. 2954.
3. Крашенинников П. В. Курс уголовного процесса: учебное издание // 2016. С. 1278.
4. Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник // Отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 3-е изд., перераб. и доп. 2019. С. 1008.
5. Михайловская И. Б. Суды и судьи. Независимость и управляемость. Монография. // 2016. С. 128.
6. Победкин А. В. Уголовно-процессуальный закон России: на пути к отечественным нравственным ценностям // Судебная власть и уголовный процесс. № 4. 2017. С. 62–70.

Проблемы правового статуса субъекта выдачи органами прокуратуры для уголовного преследования или исполнения приговора

Погорелов Иван Владиславович, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье рассматриваются некоторые актуальные проблемы правового регулирования статуса субъекта выдачи органами прокуратуры для уголовного преследования, а также вносятся предложения по изменению действующего законодательства.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, экстрадиция, уголовное судопроизводство.

Problems of the legal status of the subject of extradition by the prosecutor's office for criminal prosecution or execution of a sentence

The article discusses some current problems of legal regulation of the status of the subject of extradition by the prosecutor's office for criminal prosecution and makes proposals to change the current legislation.

Keywords: prosecutor's office, prosecutor's supervision, extradition, criminal proceedings.

Статьей 13 Уголовного кодекса Российской Федерации (Далее — УК РФ) [1] предусмотрено, что иностранные гражд-

дане и лица без гражданства, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации и находящиеся на территории

Российской Федерации, могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания в соответствии с международным договором Российской Федерации.

Статьями 61 и 63 Конституции Российской Федерации установлены ограничения по субъектам, которые не могут быть выданы другому государству. К таковым относятся граждане Российской Федерации и лица, получившие политическое убежище на территории Российской Федерации. [2] Также не могут быть выданы и лица, получившие статус беженца. [3]

При этом необходимо отметить, что на момент на момент принятия решения о выдаче лица иностранному государству не обязательно получать данный статус, важно чтобы лицо подало соответствующее заявление о предоставлении статуса беженца. Так, по одному из дел было установлено, что адвокат в защиту своего доверителя указал в апелляционной жалобе, что решение о выдаче Кононенко Ю.И. принято необоснованно, поскольку имеются препятствия к его выдаче, предусмотренные законодательством Российской Федерации, так как Кононенко Ю.И. 14 сентября 2015 года обратился в УФСБ по г. Москве с ходатайством о получении статуса беженца, проверены судом. Однако само решение о его выдаче было принято 20 августа. На это и указал Верховный суд Российской Федерации, отказывая в удовлетворении апелляционной жалобы. [4] Более того, как показывает судебная практика, процедура обжалования решения об отказе в выдаче статуса или гражданства также является основанием для невыдачи лица. Так, по одному судом первой инстанции решение о выдаче лица было отменено в связи с тем, что лицо обжалует решение о предоставлении статуса беженца. В своей апелляционной жалобе прокурор Фазылянова Р.Ф. в своей апелляционной жалобе указала, что процедура обжалования решения об отказе в предоставлении Алиеву статуса беженца, не являлась препятствием для принятия решения о его выдаче Кыргызской Республике. Однако Верховный суд Российской Федерации не нашёл в этом оснований для отмены судебного акта первой инстанции. [5]

Согласно ст. 4 Федерального закона «О ратификации Европейской конвенции о выдаче, Дополнительного протокола и Второго дополнительного протокола к ней» Генеральная прокуратура Российской Федерации является полномочным органом Российской Федерации для рассмотрения вопросов о выдаче. [6] Данные положения нашли своё отражение и в ч. 4 ст. 462 Уголовно-процессуального кодекса. [7]

В этой связи Генеральной прокуратурой было принято Указание от 5 марта 2018 г. № 116/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора» (Далее — Указание). [8]

В научной литературе, при анализе различного рода конвенций и пласта законодательства отмечается отсутствие чёткой регламентации прав, лица, которое должно быть выдано для уголовного преследования или исполнения приговора. [9] Если анализировать само УПК РФ, то о правах лица, которое должно быть выдано для уголовного преследования или исполнения приговора, не говорится вообще (За исключением права на обжалование Решения Генеральной прокура-

туры Российской Федерации). В приведённом выше Указании о правах лица, выдаваемого иностранному государству, информация содержится в п. 1.2.2. В указанной норме Генеральная прокуратура Российской Федерации ориентирует правоприменителей на ст. 96 УПК РФ, указывая следующей перечень прав: 1) право на получение копии протокола задержания; 2) право на дачу объяснений давать, связанным с процедурой выдачи; 3) право на отказ от объяснений; 4) право на заявление о наличии препятствий к выдаче; 5) право на защитника и переводчика; 6) право на принесение жалобы на действия (бездействие) прокуроров, других должностных лиц и решения суда и др.

Однако стоит отметить, что данные права разъясняются лишь при задержании лица, т.е. конкретного процессуального действия. Возникает вопрос: а если задержания не проводилось вовсе, тогда какие имеются права у лица? Более того, Генеральная прокуратура ссылается на ст. 96 УПК РФ, меж тем, ст. 91 УПК РФ перечислены основания для задержания лица. При этом, среди таковых отсутствует в качестве основания запрос иностранного государства о выдаче лица для уголовного преследования или исполнения решения суда. Думается, правильным было бы закрепить подобное основание в ст. 91 УПК РФ.

Также в ч. 5, ст. 462 УПК РФ указывается на то, что Генеральный прокурор или его заместитель уведомляют лицо о принятом решении в письменном виде. Отчасти данное упущение законодателя конкретизировано в вышеназванном Указании Генеральной прокуратуры в п. 1.4.6. Указания содержит требование о том, что уведомление о принятии решения в отношении лица о его экстрадиции передаётся под роспись лично в течение трёх дней. Помимо самого уведомления должна быть также приложена копия Решения Генерального Прокурора Российской Федерации или Заместителя о том, что лицо подлежит экстрадиции. При необходимости обеспечивается перевод на родной язык уведомляемого лица.

Однако не совсем понятным представляется тот факт, почему лицо уведомляется лишь об итоговом Решении в отношении него? С точки зрения защиты прав и свобод человека необходимым было бы уведомлять само лицо о поступившем в отношении него запросе и предоставлении ему возможности для привнесения доказательств и возражений в Прокуратуру относительно представленного запроса. Реализация данной идеи позволила бы решить часть вопросов о наличии или отсутствии оснований для экстрадиции лица уже на досудебной стадии. В связи с чем думается дополнить положения об Указании прокуратуры своеобразной досудебной процедуры о принятии Решения о выдаче лица иностранному государству с установлением, в том числе и сроков для принятия соответствующего Решения.

Что касается сроков, то в научной литературе отмечается, что действующим законодательством не установлен срок для рассмотрения запроса о выдаче лица, поступившего в генеральную прокуратуру. [10] Более того, подобные положения не содержатся и в международных договорах. Исключением в данном случае является «Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 07.10.2002» (Кишиневская конвенция). В соответствии с ч. 1 ст. 71 устанавливается 30-дневный срок после поступления за-

проса. В связи с чем, для упорядочивания процедуры рассмотрения запросов иностранных государств о выдаче лиц, необходимо рекомендовать лицам, заключающим подобные соглашения предусматривать тот или иной срок для рассмотрения запросов в различного рода международных договорах, которые заключает Российская Федерация. Указанное не только упорядочит процесс выдачи лица в рамках Российской Федерации, но и в других странах, что отчасти облегчит работу отечественных правоохранительных органов (Например, будет проще ориентироваться по срокам при планировании собственных дел).

Таким образом, можно констатировать факт тщательной регламентации процедуры. Указанное выражается в отсутствии закрепления полноценного перечня прав лица, в отношении которого принято Решение о выдаче его другому государству. Также с точки зрения законодателя отсутствует полноценная

регламентация процедуры именно принятия Решения о выдаче лица другому государству. В связи с чем, по результатам исследования предложены следующие изменения в законодательство:

- 1) Дополнить ч. 1 ст. 91 УПК РФ п. 4) и изложить его в следующей редакции: «когда в отношении лица имеется запрос от иностранного государства о его выдаче для уголовного преследования или исполнения решения иностранного суда»;
- 2) дополнить положения об Указании прокуратуры своеобразной досудебной процедуры о принятии Решения о выдаче лица иностранному государству с установлением, в том числе и сроков для принятия соответствующего Решения;
- 3) рекомендовать лицам, заключающим подобные соглашения предусматривать тот или иной срок для рассмотрения запросов в различного рода международных договорах, которые заключает Российская Федерация.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 N63-ФЗ // «Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 25.12.1993. № 237.
3. Конвенция о статусе беженцев 1951 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 10.06.2022); О беженцах: Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. N4528-I // Российская газета. 20.03.1993. № 54.
4. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. N5-АПУ15-99 // <https://internet.garant.ru/#/document/71277772/> (дата обращения: 10.06.2022).
5. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 декабря 2013 г. N11-АПУ13-39 // URL: <https://internet.garant.ru/#/document/70567090/> (дата обращения: 10.06.2022).
6. О ратификации Европейской конвенции о выдаче, Дополнительного протокола и Второго дополнительного протокола к ней: Федеральный закон от 25 октября 1999 г. N190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 25.10.1999. № 43. Ст. 5129.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 N174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921
8. О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора: Указание Генеральной прокуратуры РФ от 5 марта 2018 г. № 116/35 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71807992/> (дата обращения: 10.06.2022).
9. Решетнева Т. В. Выдача лиц для уголовного преследования в контексте гуманистических основ уголовно-процессуального и международно-правового регулирования // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vydacha-lits-dlya-ugolovnogo-presledovaniya-v-kontekste-gumanisticheskikh-osnov-ugolovno-protsessualnogo-i-mezhdunarodno-pravovogo> (дата обращения: 10.06.2022).
10. Матвеев С. В. Институт экстрадиции в современном уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). № 10. 2020. С. 126–135.

Прокурорский надзор в сфере предпринимательской деятельности

Полисин Овсеп Карапетович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются полномочия органов прокуратуры в сфере обеспечения прав субъектов предпринимательской деятельности, а также эффективность данного направления надзора.

Ключевые слова: прокурорский надзор, обеспечение законности, предпринимательская деятельность, арест имущества.

Ввиду направленности современной политики государства на создание благоприятных условий ведения бизнеса, в ус-

ловиях негативного влияния пандемии и санкционного давления, органы прокуратуры ориентированы на обеспечение

исполнения прав субъектов предпринимательской деятельности.

Осуществление функций по надзору за исполнением законов в сфере предпринимательства является составной частью организации деятельности прокуратуры. Надзор за соблюдением прав предпринимательской деятельности входит в сферу прокурорского надзора [5].

Основной задачей органов прокуратуры при осуществлении надзора за исполнением законодательства в сфере защиты прав субъектов предпринимательской деятельности является выявление и устранение препятствий, мешающих развитию предпринимательства, снятие административных барьеров и ограничений, снижающих эффективность работы предпринимателей, а следовательно, негативно сказывающихся на развитии экономики и пополнении бюджета.

Состояние законности в сфере предпринимательства, рост количества выявленных прокуратурой нарушений прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного и муниципального контроля, а также рост количества актов прокурорского реагирования в сфере надзора за соблюдением прав субъектов бизнеса свидетельствует об актуальности данных вопросов.

В подтверждение стоит привести статистические данные о выявленных органами прокуратуры нарушениях и принятых в связи с этим мерах в сфере защиты прав предпринимателей за 2021, 2022 гг., опубликованных на официальном сайте Генеральной прокуратуры РФ [8].

Всего выявлено нарушений за 4 мес. 2022 г.— 93 429, при этом за аналогичный период 2021 г.— 77 527. Кроме того, за 2022 г. к дисциплинарной ответственности привлечено 13 296 лиц (11 223 за 4 мес. 2021 г.). К административной ответственности по постановлению прокурора привлечено 2 530 лиц (2 132). Возбуждено 69 уголовных дел (59).

Вместе с тем, согласно данным, опубликованным Федеральной налоговой службой в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства [7], количество МСП по состоянию на 10 мая 2022 года выросло на 3% (176 686), составив 6 007 029, по сравнению с аналогичным показателем прошлого года.

Тенденция роста во многом обусловлена проводимыми органами прокуратуры мероприятиями по обеспечению защиты прав предпринимателей.

Полномочия прокурора в области предпринимательской деятельности подвержены постоянному реформированию, в результате чего меняются и признаки, характеризующие прокурорский надзор.

В зависимости от характера полномочий, которыми наделен прокурор в исследуемой области, надзор условно можно охарактеризовать следующим образом:

1) возможность осуществления надзора как за деятельностью должностных лиц коммерческих и некоммерческих организаций, так и за деятельностью руководителей и органов управления таких организаций;

2) узкий предмет прокурорской проверки, в который входит исключительно проверка законности деятельности коммерческих и некоммерческих организаций;

3) наличие властных полномочий;

4) принятие на себя полномочий по возбуждению дела об административном правонарушении;

5) обоснованность проведения проверки, то есть проверка исполнения законов осуществляется на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором, в случае если эти сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения указанной проверки.

Основные направления прокурорского надзора в сфере соблюдения прав предпринимателей можно выделить из приказа Генерального прокурора России от 31.03.2008 № 53 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности» [4].

Одним из приоритетных направлений деятельности прокуратуры в рассматриваемой сфере надзора является надзор за законностью правовых актов. Так, например, в Кемеровской области по требованию прокуратуры в соответствии с законом приведено положение о земельном налоге на территории города, которым был необоснованно сокращен период получения инвесторами налоговых льгот.

Также значительное количество нарушений выявляется в административных регламентах предоставления государственных и муниципальных услуг, в которых нередко содержатся незаконные требования излишних документов и согласований. Только в Алтайском крае после прокурорского вмешательства исключены обременительные положения из более 300 административных регламентов оказания муниципальных услуг в градостроительной и земельной сферах.

Вместе с тем, принципиальную оценку со стороны прокуроров также должны получать факты нарушения порядка оказания финансовой поддержки бизнесменам, связанные с затягиванием сроков рассмотрения заявок и несвоевременной выплатой денежных средств. В частности, в Республике Мордовия благодаря прокурорскому вмешательству коммерческой организации из областного бюджета перечислена субсидия в размере 7 млн рублей на возмещение затрат на уплату процентной ставки по кредитам, полученным на реализацию инвестиционных проектов по строительству (реконструкции) объектов инфраструктуры.

Также особенностью надзора в области предпринимательской деятельности является предусмотренные Федеральным законом от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ [2] полномочия прокуратуры по осуществлению предварительной правовой оценки плановых мероприятий и формированию планов работы органов муниципального контроля и государственного контроля (надзора), а также по решению вопроса о допустимости и обоснованности проведения такими контрольными органами внеплановых выездных проверок индивидуальных предпринимателей и юридических лиц.

В 2015 г. создана федеральная государственная информационная система «Единый реестр проверок», обеспечивающая гласность контрольно-надзорной деятельности, учёт проводимых органами контроля (надзора) проверок хозяйствующих субъектов и мониторинга их осуществления. Этот инструмент позволяет прокурорам предупреждать незаконные проверки хозяйствующих субъектов ещё на стадии их планирования [6].

Кроме того, в целях своевременной защиты прав субъектов предпринимательской деятельности от необоснованного вмешательства в хозяйственную деятельность налоговым законодательством на прокуратуру возложены обязанности по санкционированию постановлений налоговых органов о наложении ареста на имущество.

Согласно ст. 77 Налогового кодекса РФ арест имущества производится в случае неисполнения налогоплательщиком-организацией в установленные сроки обязанности по уплате налога, пеней и штрафов и при наличии у налоговых или таможенных органов достаточных оснований полагать, что указанное лицо предпримет меры, чтобы скрыться либо скрыть свое имущество [1]. В качестве способа обеспечения исполнения решения о взыскании налога, пеней и штрафов арест имущества осуществляется налоговым или таможенным органом после получения санкции прокурора по ограничению

права собственности налогоплательщика-организации в отношении его имущества.

При этом, на основании приказа Генерального прокурора РФ от 22.03.2010 № 122 [3] органы прокуратуры обязаны не позднее следующего рабочего дня со дня получения решения об аресте имущества и материалов, обосновывающих его принятие, санкционировать арест имущества либо принимать мотивированное решение об отказе в даче санкции. В случае погашения должником образованной задолженности, прокуроры также следят за соблюдением налоговыми органами обязанности по своевременному снятию ареста с имущества налогоплательщика.

Таким образом, прокурорский надзор в указанной сфере обеспечивает своевременную и эффективную защиту прав субъектов предпринимательской деятельности, гарантирует возможность каждого хозяйствующего субъекта свободно заниматься бизнесом.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 26.03.2022) // Российская газета, № 148–149, 06.08.1998.
2. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 08.03.2022) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Российская газета, № 266, 30.12.2008.
3. Приказ Генерального прокурора РФ от 22.03.2010 № 122 «Об осуществлении органами прокуратуры полномочий по санкционированию решений налоговых органов о наложении ареста на имущество налогоплательщика-организации в качестве способа обеспечения взыскания налогов, пеней и штрафов» // СПС Консультант плюс.
4. Приказ Генпрокуратуры России от 31.03.2008 № 53 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности» // СПС Консультант плюс.
5. Бут Н. Д., Паламарчук А. В. Защита прокурором прав и свобод субъектов предпринимательской деятельности: Монография. М., 2011.
6. Паламарчук А. В. Единый реестр проверок — залог обеспечения прав предпринимателей // Законность. — 2019. — № 12. — С. 3–5
7. Статистика и аналитика ФНС. URL: nalog.ru.
8. Статистические данные Генеральной Прокуратуры РФ. URL: epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics

Вопросы правового закрепления страховой деятельности в Российской Федерации

Пономарева Екатерина Сергеевна, студент магистратуры
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

В статье рассмотрено действующее законодательство в области страхования. Целью исследования является анализ источников норм страхового права, их место в структуре права и состояние страхового законодательства на современном этапе. В заключение делается вывод о том, что объемное страховое российское законодательство нуждается в правовых преобразованиях для качественного развития данного института.

Ключевые слова: страхование, страховое законодательство, регулирование страховой деятельности.

Issues of legal consolidation of insurance activities in the Russian Federation

Ponomareva Yekaterina Sergeevna, student master's degree
Northern (Arctic) Federal University named after MV Lomonosov (Arkhangelsk)

The article examines current insurance legislation. The purpose of the study is to analyse the sources of insurance law norms, their place in the structure of law and the state of insurance legislation at the present stage. The conclusion is that the voluminous insurance legislation of Russia in need of legal changes for the qualitative development of this institution.

Keywords: *insurance, insurance legislation, regulation of insurance activities.*

В современном мире большой общественный интерес аккумулируется вокруг страховой деятельности, как финансово значимого института, перераспределяя финансовые потоки из одной области в другую, от одной группы людей к другой, страхование влияет на всю финансовую систему страны. Как система защиты имущественных интересов граждан, организаций и государства страхование является важным многоаспектным элементом в структуре финансовой деятельности.

Многие исследователи страхового права занимались изучением отдельных проблем страховой деятельности. Среди них труды таких советских и современных исследователей, как: В.К. Райхер, В.И. Серебровский, Э.Т. Кагаловская, В.М. Бартош, К.И. Пылов, Л.Н. Клоченко, Ю.Б. Фогельсон, Р.О. Рейнхардт, Ю.Т. Ахвледиани, М.Я. Шиминова, В.А. Прокошин, Н.Н. Косаренко, П.В. Сокол и другие. Но многие современные исследователи указывают на необходимость кодификации страхового законодательства на примере некоторых европейских стран, у данной теории есть как последователи, так и противники. Но бесспорно остается фактом то, что развитие самого института страхования сложно представить без качественных изменений в законодательстве, регулирующем страховые правоотношения.

Современное законодательство в сфере страховой деятельности является сравнительно молодым в Российской Федерации. Не смотря на зарождение прообраза страхового права в Древней Руси в X–XI вв., история развития современного страхового законодательства относится к периоду монополизации сферы страхования от государственного сектора к кооперативному в последнем десятилетии XX в. [5] В целом, историческая повестка всегда влияла на становление института страхования, это отразилось и на существующих видах страхования и на законодательстве, которое на данном этапе регулирует страховые правоотношения.

На современном этапе в России правовая база страховых отношений строится на комплексе нормативных документов, которые имеют различную юридическую силу.

Бесспорно, актом, обладающим мощной юридической силой и выступающим фундаментом для страхового права является Конституция РФ. В статьях 7,8,39,41 закреплены основные положения о социальной защите, свободном перемещении услуг и финансовых средств в государстве, социальном страховании и медицинском обеспечении граждан. [1]

Специфичность страховых отношений заключается в их публично-правовом и, одновременно, частноправовом характере. Поэтому регулирование страховой сферы охватывается гражданским, административным, финансовым, уголовным, процессуальным и другими отраслями права.

Так, в объеме страхового законодательства одним из основополагающих нормативных актов является Гражданский кодекс РФ. Страхование и его договорным основам посвящена 48 глава кодекса. Кодекс содержит нормы общей части страхового права вне зависимости от конкретной сферы применения. В его ведении находится регулирование страховых правоотношений, определение правосубъектности участников и объектов страхования, описание существенных условий договора страхования и случаи, освобождающие страховщика от выполнения своей обязанности. В виде исключения можно привести статью 969 кодекса об обязательном государственном страховании, в которой раскрываются основные понятия, затрагивающие обязательное государственное страхование без соотнесения данных норм с публичным правом. [2] Примечательно, что ранее, до 1997 года, регулирование договорных основ страховой деятельности входило в ведение другого основополагающего акта в области страхования — закона о страховом деле.

К гражданским нормам в страховании можно отнести Кодекс торгового мореплавания. В нем содержится глава, посвященная договору страхования. Важно отметить, что данный вид страхования появился в российском обществе еще в XVIII в. с развитием морской торговли и в дореволюционном периоде дал толчок к закреплению системы страхования, поэтому глава о договоре страхования в кодексе детально проработана.

В эпоху либерализации страхового дела в России после советского периода и появления множества страховых организаций, основным правовым актом, регулирующим деятельность страховщиков является Закон РФ от 27.11.1992 № 4015–1 «Об организации страхового дела в РФ». В первую очередь, он регулирует отношения между участниками — субъектами страховой деятельности, осуществляющих различные направления в страховой деятельности, а также предусматривает государственный надзор за функционированием субъектов страховой деятельности и прочие складывающиеся отношения, связанные с созданием страховой деятельности. [4] Данный закон один из самых часто подвергающихся изменениям нормативных актов в области страхования. Например, в 2013 году вносимые изменения стали регламентировать деятельность страховых брокеров и агентов, что оказало значительное влияние на развитие страхового рынка, поскольку посредническая страховая деятельность в России достаточно велика. Закон о страховом деле считается некоторыми исследователями неоднородным по своей структуре, так как регулируя публично-правовую часть страховых правоотношений он не должен вмешиваться в договорные аспекты данной деятельности. [6]

В 2018 году для разрешения споров между финансовыми организациями (в том числе страховыми) и потребителями страховых услуг в досудебном порядке появляется деятельность уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг с принятием закона № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг». Данный факт подчеркивает важность регулирования страховой деятельности по оказанию качественных финансовых услуг.

Правовое закрепление отдельных видов страховых правоотношений в России представляет группа специальных федеральных законов.

К регулирующей деятельности обществ взаимного страхования закону относится Федеральный закон № 286 «О взаимном страховании». Общества взаимного страхования суще-

ствуют на принципе взаимного объединения для страхования своих имущественных интересов, при этом данный закон устанавливает требования к созданию, лицензированию и ведению своей деятельности обществами. [3]

В группу федеральных законов, регулирующих отдельные страховые отношения входят также законы об обязательном страховании. Нормативно-правовым актом, регулирующим обязательное страхование вкладов является Федеральный закон № 177-ФЗ «Об обязательном страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации». В России страхованием вкладов занимается Агентство по страхованию вкладов. В случае, если банк не относится к системе обязательного страхования вкладов, то такие вклады будут защищаться Федеральным законом № 96-ФЗ «О выплатах Банка России по вкладам физических лиц в признанных банкротами банках, не участвующих в системе обязательного страхования вкладов в РФ».

К специальному страховому законодательству также относят федеральные законы об обязательном страховании. Обязательное страхование, в отличие от добровольного, в России возложено на страхователя законом. К примеру, необходимость страхования своей гражданской ответственности возложена на автомобилистов, владельцев опасных объектов, если на их территории происходит авария, а также перевозчиков перед пассажирами. Нормы, регулирующие данные правоотношения содержатся в ряде законов: № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте», № 67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном»

Обязательное страхование в России представлено не только страхованием гражданской ответственности, но и обязательным государственным страхованием. Отличительная черта данного вида страхования заключается в страховании жизни и здоровья военнослужащих и лиц, приравненных к таковым в обязательном государственном страховании.

К законам, регулирующим обязательное государственное страхование относится Федеральный закон № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации».

Также страховые нормы, относящиеся к необходимости страхования отдельных категорий государственных служащих заключены в законах об определенной деятельности. Например, жизнь и здоровье сотрудников таможенных органов должны быть застрахованы в соответствии с Федеральным за-

коном № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации».

Специфичность государственного страхования заключается в его бюджетном финансировании. Здесь в полной мере ощущается влияние страхования на публичные финансы страны.

Обособленно в обязательном страховании можно отметить обязательное медицинское, пенсионное и социальное страхование, так как оно представляет собой налоговый характер страховых взносов. Условия определения страховых взносов установлены Налоговым кодексом РФ, что еще раз указывает на некоторую отличительность данных видов страхования. При чем обязательное медицинское страхование могут осуществлять страховщики, имеющие лицензию на данный вид страхования, в отличие от пенсионного и социального, где страховщиком выступает государство. Для осуществления финансового обеспечения граждан России социальным страхованием существуют государственные внебюджетные фонды. Обязательное медицинское страхование регулируется законом № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации».

Стоит отметить, что отдельные положения о страховании содержатся и в других федеральных законах, например, страхованию подлежит деятельность нотариата, деятельность оценщиков, аудиторская деятельность и другие.

Массив страхового законодательства также составляют и подзаконные нормативные акты в области страхования. К ним можно отнести Указы Президента РФ, Постановления Правительства РФ, ведомственные акты Министерств финансов и здравоохранения, и других ведомств. Подзаконные акты, в основном, относят к особенной части страхового права, которая регулирует определенные отношения, складывающиеся в области страхования.

Отдельно необходимо выделить указания, положения и письма Центрального Банка РФ, как финансового регулятора, в том числе страховой сферы с 2013 года. В его ведение входит определение тарифов обязательных видов страхования, установление правил страхования ОСАГО, разъяснения по текущим важным вопросам, касающимся страховой деятельности.

Существует много спорных вопросов касемо правового закрепления страховой деятельности на данный момент. Одним из таких вопросов можно выделить расширение круга субъектов — участников страховых правоотношений, в связи с чем увеличение нормативно-правовых актов, регулирующих данные правоотношения. Особенно данная проблема касается видов вмененного страхования, поскольку жизнь в обществе побуждает страховать свою гражданскую ответственность перед третьими лицами, например, на повестке дня обсуждения необходимости страхования ответственности владельцев собак бойцовых пород. Кроме того, неоднородность самой страховой деятельности играет большую роль, в следствие чего замечается неоднородность норм, содержащихся в различных нормативных актах в области страхования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что весь объем страхового законодательства представляет собой целую совокупность различных источников норм финансового, граждан-

ского, налогового, административного и других отраслей права. Но при этом, действующее достаточно обширное страховое законодательство не имеет стройной иерархичной структуры и упорядоченности. Это связано в том числе и со сравнительно молодым возрастом института страхования в России, а это

значит, что страхование и законодательство, регулирующее страховые отношения находятся на этапе развития. Поэтому совершенствование нормативной базы страховых правоотношений, а возможно и кодификация, является приоритетной задачей национальной системы страхования.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 31.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.
2. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Российская Федерация. Законы. О взаимном страховании: Федеральный закон от 29 ноября 2007 г. № 286-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.12.2007, № 49, ст. 6047.
4. Российская Федерация. Законы. Об организации страхового дела в Российской Федерации: закон РФ от 27.11.1992 № 4015-I // Российская газета. 1992. № 6.
5. Сокол, П. В. Страхование право: учебник для магистрантов / П. В. Сокол. — Москва: Юстицинформ, 2021. — 508 с. — ISBN978-5-7205-1698-7. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/1840099> (дата обращения: 25.05.2022). — Режим доступа: по подписке.
6. Фогельсон, Ю. Б. Страхование право: теоретические основы и практика применения: монография / Ю. Б. Фогельсон. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. — 576 с. — ISBN978-5-91768-268-6. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/1227192> (дата обращения: 25.05.2022). — Режим доступа: по подписке.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 23 (418) / 2022

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 22.06.2022. Дата выхода в свет: 29.06.2022.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.